

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

На правах рукописи

Сумарокова Полина Александровна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. Ж. М. РЕНУАРА
В КОНТЕКСТЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор О. В. Лукин

Ярославль

2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. РОМАНТИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. Ж. М. РЕНУАРА	
.....	13
1.1. Основные этапы развития романтизма	14
1.2. Философская парадигма эпохи романтизма и её влияние на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара	16
1.3. Романтизм в европейском языкоznании конца XVIII – первой половины XIX вв.	27
1.3.1. Идея культурного релятивизма у романтиков как источник зарождения сравнительно-исторического языкоznания	28
1.3.2. Роль истории в современной жизни романтиков	29
1.3.3. Зарождение сравнительно-исторического языкоznания	32
1.3.4. Сравнительно-историческое языкоznание в трудах европейских компаративистов XIX в.	36
1.4. Социально-экономическая ситуация Франции конца XVIII – первой половины XIX вв. и её влияние на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара	43
1.4.1. Социально-экономический аспект Старого порядка	43
1.4.2. Основные события Великой французской революции	51
1.4.3. Наполеоновская эра и Реставрация Бурбонов как продолжение Великой французской революции	64
1.5. Искусство Франции конца XVIII – первой половины XIX вв. и его влияние на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара	70

1.5.1. Романтизм в искусстве Франции	70
1.5.2. Особенности драматургии эпохи романтизма	80
1.5.3. Драматургия Ф. Ж. М. Ренуара	84
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	89
ГЛАВА II. ТВОРЧЕСТВО Ф. Ж. М. РЕНУАРА НА ФОНЕ СТАНОВЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ	94
2.1. Происхождение романских языков как объект изучения исследователей языка в рамках формирования романистики	94
2.1.1. Основные этапы развития латинского языка и народной латыни	95
2.1.2. Основные этапы развития провансальского языка	104
2.1.3. Концепции о происхождении романских языков	106
2.2. Лингвофилософская концепция Ф. Ж. М. Ренуара о происхождении романских языков	112
2.3. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его трудах по романской филологии	114
2.3.1. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Основы грамматики романского языка»	114
2.3.2. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Избранная оригинальная поэзия трубадуров»	130
2.3.3. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Словарь языка трубадуров или романская лексика в её сравнении с лексикой других языков Латинской Европы»	141
2.3.4. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Исследования древности романского языка»	144

2.3.5. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Филологические и грамматические комментарии о «Романе о Роллоне» и некоторых правилах языка труберов XII века»	146
2.3.6. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Влияние сельского романского языка на языки Латинской Европы»	150
2.4. Влияние творчества Ф. Ж. М. Ренуара на языкознание XIX в.	153
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	165

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено всестороннему изучению творчества французского филолога-романиста Франсуа Жюст Мари Ренуара (*François Just Marie Raynouard*, 1761–1836). О его лингвистических взглядах, личности, а также о самой жизни известно совсем немного. Однако это не значит, что научное наследие учёного не представляет интереса для языкоznания.

Ф. Ж. М. Ренуар родился в Бриньоле (город в регионе Прованс) в буржуазной семье. Учился в семинарии, расположенной в городе Экс-ан-Прованс, затем на факультете права. Вёл политическую деятельность. Был драматургом. Однако большого успеха в драматургии ему добиться не удалось, вследствие чего он покинул театр и всецело посвятил себя филологии. Большое внимание в его работах уделяется провансальскому языку. К числу наиболее известных трудов учёного относятся: «Основы грамматики романского языка» (*«Éléments de la grammaire romane»*, 1816 г.), «Избранная оригинальная поэзия трубадуров» (*«Choix des poésies originales des troubadours»*, 1816–1821), «Романская лексика или словарь языка трубадуров» (*«Lexique roman ou Dictionnaire de la langue des troubadours»*, 1838–1844) «Влияние сельского романского языка на языки Латинской Европы» (*«Influence de la langue romane rustique sur les langues de l'Europe latine»*) (1836 г.) и некоторые другие.

Актуальность исследования определяет то, что в истории языкоznания обнаруживается совсем немного работ, посвящённых анализу лингвистического наследия Ф. Ж. М. Ренуара и его роли в развитии языкоznания. В зарубежной литературе к творчеству французского романиста обращались такие немецкие филологи, как К. Ф. Диц (C. F. Diez), А. В. Шлегель (A. W. Von Schlegel). В отечественной литературе отдельно можно выделить работу советского и русского учёного Т. Б. Алисовой (1924–2014), поскольку в ней кратко представлена лингвофилософская система исследований Ф. Ж. М. Ренуара.

Помимо этого, на сегодняшний день существует сравнительно мало трудов, посвящённых провансальскому языку, в связи с чем научное наследие французского учёного приобретает особое значение.

Новизну исследования составляет первое в истории отечественного и зарубежного языкознания детальное освещение трудов Ф. Ж. М. Ренуара по романской филологии, а также определение места его творчества в истории лингвофилософии. Научный путь учёного рассматривается на фоне зарождения и развития романтизма. Философский, социальный, а также научно-лингвистический контексты эпохи проанализированы как факторы влияния на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара.

Объектом исследования является период зарождения и развития романтизма: философская парадигма, социальный, а также научно-лингвистический контексты исторического периода, в условиях которого разворачивался научный путь Ф. Ж. М. Ренуара.

В качестве **предмета** исследования рассматриваются лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в контексте его произведений: «Основы грамматики романского языка», «Избранная оригинальная поэзия трубадуров», «Романская лексика или словарь языка трубадуров» и др.

Цель исследования заключается в том, чтобы дать всесторонний анализ научной деятельности Ф. Ж. М. Ренуара как исследователя романских языков и выяснить, какую роль творчество французского филолога сыграло в развитии языкознания.

В соответствии с целью исследования предполагается решить следующие **задачи**:

- определить источники формирования лингвистических взглядов Ф. Ж. М. Ренуара;
- изучить и представить труды Ф. Ж. М. Ренуара по романской филологии;

- проанализировать исследовательские работы, посвящённые творчеству Ф. Ж. М. Ренуара;
- выявить особенности лингвофилософской парадигмы исследований романских языков Ф. Ж. М. Ренуара;
- определить влияние творчества Ф. Ж. М. Ренуара на языкознание XIX века.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании первого в лингвофилософии представления личности Ф. Ж. М. Ренуара как филолога-романиста, а также его научных взглядов в виде единой концепции.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью использования результатов исследования в вузовских курсах общего языкознания, истории языкознания, теории языка, научных исследованиях, посвященных языкознанию и, особенно, романской филологии, а также написании курсовых и дипломных работ по данной тематике.

Методы исследования включают:

- изучение и анализ различных источников информации (учебников, монографий, статей), посвящённых вопросам эпохи романтизма (социальному, экономическому, политическому, культурному и научному развитию Франции и Европы той эпохи) с целью изучения общего контекста формирования лингвистических взглядов Ф. Ж. М. Ренуара;
- хронологический анализ основных трудов Ф. Ж. М. Ренуара по романской филологии с целью подробного изучения лингвофилософской парадигмы его исследований;
- концептуальный анализ работ, посвящённых творчеству Ф. Ж. М. Ренуара, а также исследованию романских языков с целью определения роли творчества учёного в развитии языкознания.

Теоретической базой исследования послужили работы из области отечественной и зарубежной лингвоисториографии. В ходе изучения процесса

становления языкоznания как самостоятельной науки мы использовали труды В. А. Алпатова, В. Томсена (V. Thomsen), А. В. Десницкой, Ф. М. Березина, Т. А. Амировой, Е. А. Реферовской, Я. В. Лоя, О. В. Лукина, Е. Н. Михайловой, О. А. Радченко, Г. Т. Хухуни, И. В. Стекольщиковой, Звегинцева, Н. С. Шарафутдиновой, С. Г. Шулежковой.

При анализе общего интеллектуального дискурса XIX столетия привлекались работы: Т. Б. Алисовой, Н. Г. Корлэтяну, М. В. Сергиевского, Э. Бурсье (E. Boursiez), О. Э. Давыдько, П. Ж. А. Мейе (P. J. A. Meillet), С. Г. Шулежкова.

Материалом исследования послужили теоретические положения, представленные в трудах Ф. Ж. М. Ренуара: «Основы грамматики романского языка» (1816), «Избранная оригинальная поэзия трубадуров» (1816–1821), «Романская лексика или словарь языка трубадуров» (1838–1844) и некоторых других.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Идеология эпохи романтизма оказала решающее влияние на лингвофилософскую систему взглядов Ф. Ж. М. Ренуара.
2. Ф. Ж. М. Ренуар является единственным филологом из всех, чьи имена вошли в научный обиход стран Западной Европы, кто утверждал: источником происхождения романских языков был провансальский.
3. Творчество Ф. Ж. М. Ренуара оказало существенное влияние на развитие языкоznания XIX века, послужив переходной ступенью к получению достоверных знаний о происхождении романских языков.
4. Труды Ф. Ж. М. Ренуара свидетельствуют о широте научных взглядов учёного и о многоаспектности его лингвофилософских воззрений, поскольку отличаются внушительным количеством подробных объяснений, комментариев, а также примеров рассматриваемых им лингвистических явлений.

5. Работы Ф. Ж. М. Ренуара могут быть использованы при изучении истории романских языков и, особенно, истории провансальского языка, так как содержат обширный лингвистический материал.

6. Труды Ф. Ж. М. Ренуара внесли большой вклад в изучение истории средневековой литературы: благодаря научной деятельности романиста осуществлён лингвистический анализ поэтического наследия трубадуров и труверов.

Структура и объём работы. Данное диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Общий объём работы составляет 180 страниц.

Во **введении** обосновываются актуальность исследования, научная новизна; определяются объект и предмет работы; формулируются цель и задачи исследования; обозначаются теоретическая и практическая значимость работы; определяются основные методы исследования; выдвигаются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава «Романтизм в европейском языкознании конца XVIII – первой половины XIX вв. и его влияние на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара» содержит библиографические сведения Ф. Ж. М. Ренуара в рамках развития романтизма. Для воссоздания «портрета учёного» привлекаются данные о его семье, образовании и интересах. Рассматриваются основные черты философской парадигмы эпохи, её отражение в таких областях общественной жизни, как экономика, политика, искусство и наука (языкознание). Показано влияние романтизма на языкознание конца XVIII – первой половины XIX вв. и лингвистические взгляды французского учёного. Представлен анализ материала по вопросам становления сравнительно-исторического языкознания.

Вторая глава «Творчество Ф. Ж. М. Ренуара на фоне становления романской филологии» посвящена изучению научного наследия Ф. Ж. М.

Ренуара в контексте формирования и развития романистики. Лингвофилософская концепция о происхождении романских языков учёного сравнивается с концепциями о происхождении романских языков других филологов. Даётся подробный анализ трудов учёного по романской филологии («Основы грамматики романского языка», 1816 г., «Избранная оригинальная поэзия трубадуров», 1816–1821, «Романская лексика или словарь языка трубадуров», 1838–1844, «Влияние сельского романского языка на языки Латинской Европы», 1836 г. и некоторых других). На основании результатов исследования лингвофилософской системы взглядов Ф. Ж. М. Ренуара определяется роль творчества учёного в романистике и языкоznании в целом.

В **заключении** представлены результаты изучения лингвофилософской парадигмы исследований Ф. Ж. М. Ренуара, вносятся предложения о возможных направлениях дальнейшего изучения данной темы.

Список литературы включает в себя 136 источников (116 работ на русском и 20 на французском языках).

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были доложены в докладах на конференциях: «Научно-практический семинар, посвящённый 250-летию со дня рождения Августа-Вильгельма Шлегеля и 245-летию рождения Фридриха Шлегеля (8 сентября 2017, г. Рыбинск), «Чтения Ушинского» (1 марта 2016, г. Ярославль), «Чтения Ушинского» (1 марта 2017, г. Ярославль), «Чтения Ушинского» (1 марта 2018, г. Ярославль), «Чтения Ушинского» (1 марта 2019, г. Ярославль), «Актуальные проблемы лингвистики – германистики, романистики и русистики» (1 февраля 2019, г. Екатеринбург), «XLVIII Международная филологическая конференция» (18 – 27 марта, г. Санкт-Петербург).

Материалы диссертации отражены в 7 публикациях, из них в 3 статьях в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационного исследования:

1. Сумарокова, П. А. Творчество Ф. Ж. М. Ренуара в контексте развития компаративистики / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 54–57. – Текст : непосредственный.
2. Сумарокова, П. А. Франсуа Жюст Мари Ренуар о происхождении романских языков / П. А. Сумарокова // Вестник Костромского государственного университета. – Том 23. – 2017. – № 1. – С. 196–198. – Текст : непосредственный. (Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)
3. Сумарокова, П. А. Франсуа Жюст Мари Ренуар о провансальском языке / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 2. – С. 62–65. – Текст : непосредственный.
4. Сумарокова, П. А. Влияние романтизма на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 171–176. – Текст : непосредственный. (Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)
5. Сумарокова, П. А. Значение лингвистической концепции происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуара в романской филологии / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3. – С. 165–170. – Текст : непосредственный. (Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)
6. Сумарокова, П. А. Влияние лингвистических взглядов Ф. Ж. М. Ренуара на языкознание XIX века / П. А. Сумарокова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. Ч. I. – Екатеринбург, 2019. — С. 34–38. – Текст : непосредственный.

7. Сумарокова, П. А. Романтизм в лингвистических взглядах Ф. Ж. М. Ренуара / П. А. Сумарокова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. Ч. IV. – Екатеринбург, 2019. — С. 37–38. – Текст : непосредственный.

**ГЛАВА I. РОМАНТИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ**

Ф. Ж. М. РЕНУАРА

Французский лингвист, политический деятель и драматург Франсуа Жюст Мари Ренуар (*François Just Marie Raynouard*, 18 сентября 1761 г. Бриньоль – 27 октября 1836 г. Пасси) родился в буржуазной семье: его отец, Оноре Ренуар (*Honoré Raynouard*) был прокурором. Мать, Элизабет Гужон (*Elisabeth Goujon*) – дочерью Жана Франсуа Гужон (*Jean François Goujon*), прокурора Бриньоля, и Анны-Мадлен Гасье (*Anne Madelaine Gassier*), которая приходилась родной тётей известного адвоката Экс-ан-Прованс, Жака Гасье (*Jacques Gassier*) [Guiraud 1913, p. 11].

Ф. Ж. М. Ренуар учился в семинарии, расположенной в городе Экс-ан-Прованс, затем на факультете права [Salvat 1936, p. 5]. Окончив учёбу, становится адвокатом и вскоре начинает политическую деятельность в Законодательном Собрании.

В 1807 году Ф. Ж. М. Ренуар был избран членом Французской академии. Вёл театральную деятельность, однако большого успеха добиться ему не удалось, вследствие чего Ф. Ж. М. Ренуар покинул театр и всецело посвятил себя филологии: «Я возвращаюсь к происхождению нашего прекрасного языка. Я стану тем, кто напишет о нём историю...».

Ф. Ж. М. Ренуар жил в период формирования такого направления в западноевропейской культуре конца XVIII – первой половины XIX вв., как романтизм, которое развивалось параллельно со сравнительно-историческим методом в языкоznании. Будучи компаративистом, Ф. Ж. М. Ренуар занимался исследованием романских языков. Центром его творчества стала лингвофилософская концепция о происхождении романских языков, весьма

своеобразная по своему содержанию. В отличие от других исследователей романских языков, таких, как немецкие лингвисты К. Ф. Диц (Christian Freidrich Diez, 1794–1876) или А. В. Шлегель (August Wilhelm von Schlegel), которые видели источник романских языков в народной латыни, французский филолог считал таковым провансальский. Философские идеи романтизма, а также их отражение на общественной жизни не могли не повлиять на языкознание и лингвистические взгляды учёного. В этой главе мы проследим, каким именно было это влияние.

1. 1. Основные этапы развития романтизма

В качестве вступления скажем несколько слов об истории романтизма, поскольку, рассмотрев её основные моменты, уже можно составить общую характеристику эпохи. Действительно, даже прилагательное «романический» появившееся ориентировочно в XVII столетии, употреблялось тогда для того, чтобы обозначить что-то нереальное. Отметим, что одной из главных черт романтизма была утрата однозначности во всех областях жизни. Это проявилось и в самом понятии «романтизм». Дело в том, что даже основатель кружка романтиков, немецкий философ и филолог К. В. Ф. Шлегель (Karl Wilhelm Friedrich Schlegel, 1772–1829) отказался дать определение слову «романтик». К тому же, в настоящее время насчитывается более ста пятидесяти определений понятия «романтизм», следовательно, можно утверждать, что точной его трактовки не существует [Реале 1997, с. 6].

Романтизм, как его предшествующие течения (Ренессанс, Просвещение) складывался, как целая культура [Берковский 2001, с. 19]. Его истоком принято считать движение «Бури и натиска» [Неупокоева 1973, с. 51]. Оно возникло в 70-х годах XVIII века, получив название по драме немецкого писателя Ф. М. фон

Клингера (Friedrich Maximilian von Klinger, 1752–1831). Представителей этого движения принято называть «штурмерами» (от нем. *Stürmer* ‘бунтарь’).

Понятие «Бури и натиска» было подхвачено людьми искусства и быстро распространилось по Европе. По словам итальянского философа Дж. Реале (1931–2014) движение «Бури и натиска» иногда «называют репетицией Великой французской революции, «аллергией» на крайность Просвещения» [Реале 1997, с. 3]. Интересно высказывание советского и русского литературоведа С. Н. Зенкина (род. 1954 г.): «Течения натурализм, реализм, символизм можно рассматривать, как варианты «большого» романтизма» [Зенкин 2001, с. 6].

К раннему кругу романтиков тяготели люди разных занятий и призваний. Например, братья Шлегели были учеными-филологами, немецкий философ Ф. В. Й. фон Шеллинг (Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling, 1775–1854) – вождём новых направлений в философии (например, философии природы), немецкий философ Ф. Д. Э. Шлейермакер (Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, 1768–1834) – теологом. Таким образом, выйдя из литературы, романтизм проник в разные жизненные сферы [Берковский 2001, с. 19].

Практически весь ранний романтизм сводится к деятельности Йенской школы, которая возникла в Германии в конце XVIII столетия, впоследствии став высшим расцветом романтизма. Сам город Йена оказался резиденцией школы неслучайно. Во-первых, именно там проживал А. В. Шлегель, а его дом был местом, где собирались романтики. В скором времени в Йену перебрался его брат (К. В. Ф. Шлегель). Во-вторых, пользовался славой университет города Йены, где преподавали такие известные философы, как Ф. Шиллер (Johann Christoph Friedrich von Schiller, 1759–1805) и И. Г. Фихте (Johann Gottlieb Fichte, 1762–1814). Помимо этого, вблизи Йены (в Веймаре), жили выдающийся поэт и философ И. В. Гёте (Johann Wolfgang von Goethe, 1782–1832), немецкий философ И. Г. Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744–1803) и другие известные мыслители, оказавшие влияние на развитие романтизма [Берковский 2001, с. 17].

1. 2. Философская парадигма эпохи романтизма и её влияние на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара

Философия всегда была эпицентром мыслей того или иного исторического периода: именно в ней сосредоточены основные идеи эпохи. Чтобы подчеркнуть особенности философии романтизма, мы сравним её с философией Просвещения и, в частности, с философией классицизма, как главного культурного направления той эпохи.

В целом, можно выделить три черты философии романтизма, оказавшие влияние на возникновение и развитие сравнительно-исторического метода в языкоznании: стремление к свободе, высокая роль истории в современной жизни и идея культурного релятивизма.

Говоря о философии эпохи романтизма, мы начнём с рассмотрения философской концепции выдающегося немецкого философа И. Канта (Immanuel Kant, 1724–1804), стоявшего на грани эпох Просвещения и романтизма [Гайм 2006, с. 16]. Именно в его философии некоторые учёные видели главный источник романтизма и, в принципе, базис романтической идеологии. Например, устанавливая непосредственную связь между мировоззрением И. Канта и романтиками, немецкий философ Р. Кронер (Richard Kroner, 1884–1974) замечает, что фундаментальный труд И. Канта «Критика чистого разума» (1781 г.) создал основу, на которой вообще мог образоваться романтический дух». Нельзя не добавить, что философия И. Канта вообще стала поворотной точкой в истории мировой философской мысли [Васильева 2008, с. 427].

В центре мироздания эпохи Просвещения был разум. Именно рационализм стал определяющим стилем мышления XVIII столетия. Однако И. Кант установил границы рациональному познанию, считая, что не существует абсолютности научного знания. Им было введено понятие «вещь в себе», под которым он понимал нечто недостижимое для человеческого рассудка [Асмус 1973, с. 31–32].

В философии И. Канта было положено новое понимание субъекта, как единственного творца всех явлений в природе и обществе. По мысли учёного, мир является творением самого субъекта, а не чем-то, возникшим независимо от того, кто его познаёт [Богдашевский 2012, с. 37]. Он считал, что многие вопросы превосходят возможности человеческого разума, при этом они не могут его не интересовать [Кант 1781, с. 6].

Говоря о зрелой способности мышления, И. Кант видел в разуме способ устраниить все заблуждения, которые до сих пор его запутывали, и считал своим долгом уничтожить иллюзии, возникшие из-за ложных толкований. Отметим, что притязания на правильность выбранного пути немецкого философа были скромны: И. Кант признавал, что расширение человеческих знаний за пределы всякого возможного опыта совершенно превосходят его силы.

Учёный утверждал, что вещи и явления, на самом деле, не такие, какими мы их воспринимаем. Рассудок является способностью самостоятельно производить представления [Кант 1781, с. 44].

Одним из ключевых понятий кантовской философии является «несовершеннолетие», в которое он вкладывает смысл зависимости, отсутствия свободы у людей. Несовершеннолетие по И. Канту есть «неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [Кант 1784, с. 27]. Таким образом, философ различал людей интеллектуально совершенных (обладающих автономией разума) и интеллектуально несовершенных (у которых подобной автономии нет). На взгляд философа, «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия» [Кант 1784, с. 27]. Главная задача эпохи заключается в «развитии своего разума» через мышление вне простых, удобных догм и общепринятых формул. Разум, согласно позиции учёного, «вводит человека в историю его свободы, то есть освобождает от господства над ним природных, естественных сил» [Кант 1784, с. 28].

Человеку трудно выбраться из состояния несовершеннолетия, оно ему даже приятно, поскольку стало для него практически естественным. Он не обладает способностью пользоваться своим разумом, так как ему никогда не было этого позволено.

И. Кант писал, что «...положения и формулы представляют собой кандалы постоянного несовершеннолетия. Немногим удавалось выбраться из состояния несовершеннолетия: никто не приучен к такому свободному движению, а, следовательно, почти не способен сделать твёрдые шаги. После нескольких падений, в конце концов, они научились бы ходить; однако такое обстоятельство делает их нерешительными, отпугивает, удерживая от дальнейших попыток» [Кант 1784, с. 28].

Учёный отмечал, что в состоянии несовершеннолетия человек может оставаться также по причине трусости, боясь расширить своё мировоззрение [Кант 1784, с. 27]. В соответствии с этим девизом Просвещения было выражение И. Канта «Имей мужество пользоваться собственным умом!» (лат. «*Sapere aude!*») [Кант 1784, с. 27].

Таким образом, философию И. Канта можно охарактеризовать следующим образом: он одновременно и придавал и не придавал большого значения разуму. Каждый, кто следовал его взглядам, обнаруживал в себе возможность абстрагироваться от стереотипов, однако осознавал: есть то, что рассудком непостижимо. Такая позиция, вероятно, сначала только сковывала человека, поскольку, как бы приобретая веру в правильность своих мыслей, он сразу же её утрачивал. Тем не менее, позднее, новая установка способствовала стремительному раскрепощению личности, значительно расширив границы сознания и вообще, можно сказать, стерев их полностью [Сумарокова 2019, с. 38]. Человек, вышедший из состояния несовершеннолетия, со временем стал рассуждать даже, если понимал, что ответ на интересующий вопрос не найти или найти, но не получить возможность удостовериться в его правильности.

«Разрешение» думать и принятие факта неточности результата мыслительного процесса как бы подали человеку идею мыслить максимально свободно. Условно назовём её «стремлением к свободе». С нашей точки зрения, её породила именно философская концепция И. Канта и, прежде всего, его понятия «нессовершеннолетие» и «весь в себе».

Для романтиков, в первую очередь, был свойственен порыв к свободе. Ещё в эпоху Возрождения люди относились скептически к средневековой, а именно, церковной культуре. Русский философ Р. М. Габитова (род. 1933) в своём труде «Философия немецкого романтизма» (1989 г.) пишет, что «для просветителей религия не могла более претендовать на доминирующее, «всевластное» положение» [Габитова 1989, с. 81]. Сама эпоха вошла в историю под названием «Просвещение», в первую очередь, потому, что речь шла о просвещении человека: его образовании, необходимом расширении прав личности, предоставлении ей социальных свобод и т. д. [Габитова 1989, с. 129]. А с приходом романтизма действенному понятию божественного как высшего разума противопоставляется пантеизм, согласно которому человек всесилен и имеет неограниченные возможности.

В сакральных образцах видели лишённые содержания вымыслы, из-за чего они теряют своё значение [Реале 1997, с. 4]. Романтики говорили о священной ценности творческого гения, не предполагающей никакой связи с божественным. Таким образом, они снова открыли природу, как всемогущую силу, тем самым избавив творца от навязанных правил.

Французский философ К. А. Сен-Симон (Claude Henri de Rouvroy comte de Saint-Simon 1760–1825) сравнивал романтизм с эпохой Возрождения: «...священные реликвии перестали считаться лучшими образцами; шедевры живописи и скульптуры начали казаться самыми цennыми вещами, какими только может владеть человек» [Сен-Симон 1948, с. 304].

У романтиков развивалась целая программа преобразований. Интересы общества концентрировались вокруг человека. В оборот входит понятие «антропология», появляются философские исследования о человеке [Габитова 1989, с. 129]. Совершаются попытки пробиться к глубинам человеческого духа. На первый план выходят чувства, фантазии и переживания [Жуссэн 2011, с. 71].

Интересно то, что до появления направления «романтизм» французское слово «classique» (классический) было плохо структурировано, так как значение этого прилагательного имело мифический характер. Однако позднее происходит его демистификация. В словарях Littré, Larousse, La Grande Encyclopédie, Robert, Trésor приводятся три значения слова «classique»: 1) образцовый; 2) подлежащий подражанию; 3) относящийся к античной цивилизации. Уже этот факт доказывает, что настоящей и даже единственной ценностью просветителей был некий шаблон, который, бесспорно, держал людей в узких рамках мышления, не давая им проявлять свою индивидуальность.

Романтики отождествили прекрасное с новым. Считая себя призванными дать самый широкий выход лучшим силам жизни, представители романтизма устранили следы «тюремного» режима. Не доверяли ничему, что сложилось, отстоялось, принуждало и повелевало.

В основе романтических взглядов лежало представление о мире, полном противоречий. Происходит изживание логоцентрической парадигмы, ориентированной на однозначность и окончательность смысла. Романтики утверждали, что любым переустройствам всегда предшествует хаос [Берковский 2001, с. 37]. По их мнению, вещи являются относительными точками покоя, временными узлами беспрерывного движения, паузами ради отдыха и нового собирания сил [Реале 1997, с. 4].

Одним из значительных представителей эпохи «Бури и натиска» был немецкий мыслитель И. Г. Гердер. Но даже, скорее, не поэтому мы рассмотрим его философию. Дело в том, что он являлся не только учеником И. Канта, но и

верным последователем многих мыслей выдающегося философа. Прежде всего, его изображали, как иррационалиста и врага Просвещения [Жирмунский 1959, с. 7]. В центре внимания его творчества были идеи свободы, гуманности и справедливости [Гайм 2011, с. 39]. В 1781 году он в своём труде «О влиянии поэтического искусства на нравы народов в старые и новые времена» выдвинул теорию гения, главной идеей которой стала следующая мысль: творчество гения должно быть всегда абсолютно свободным и самобытным [Тураев 1988 с. 217].

Просветители утверждали, что существуют абсолютные образцы искусства, которые были созданы мастерами, максимально развившими свой талант. Основную задачу современного художника они видели в приближении к этим образцам через подражание, считая совершенными творцами античных художников. Таким образом, просветители верили в человека культуры. По их мнению, только высококультурный человек был достоин внимания. И. Г. Гердер, как и все иррационалисты, наоборот, полагал, что носителем подлинного искусства является не культивированный человек, а «естественный».

Интересна религиозная концепция философа. Можно сказать, что она является своеобразным введением к его теориям о гуманности и справедливости. По И. Г. Гердеру, христианство есть союз дружбы, братства и любви. Он описывал Бога, как реальное историческое лицо и первого борца против насилия, принёсшего миру представление о гуманности. По мнению И. Г. Гердера, христианство возникло в Иудее, поскольку именно там была интенсивная духовная жизнь, вызванная тяжёлым положением нищего еврейского народа. Создавался образ мессии, который освободит людей от рабства, что впоследствии стало почвой для возникновения христианства [Гайм 2011, с. 55].

Обратимся теперь к идеям И. Г. Гердера о справедливости. Он выступал в качестве защитника угнетённых народных масс, ненавидел монархию и питал глубокие симпатии к «простому», то есть трудовому народу, а также к дикарям как объекту эксплуатации «цивилизованных» европейцев.

События жизни всегда оставляют след на мировоззрении, поэтому при изучении творчества И. Г. Гердера мы обратились к его биографии. Детство и юность философа прошли в обстановке бедности и лишений [Жирмунский 1959, с. 9]. Будучи выходцем из широких масс трудового народа, он на всю жизнь сохранил ненависть к феодальному абсолютизму, а также личному режиму «просвещённых» и непросвещённых повелителей немецкого народа, от которых так часто страдало его чувство независимости и человеческого достоинства.

И. Г. Гердер много размышлял о государстве, к которому относился крайне негативно по целому ряду причин. Во-первых, он связывал происхождение королевской власти с войной, напоминая о законе истории: «сильный берёт всё, что захочет, а слабый отдаёт и терпит, потому что не может ничего изменить». Во-вторых, по мере описания возвышения и падения таких государств, как Египет, Рим, Персия, Греция у философа возникли глубокие сомнения относительно прогресса. Он замечает: «Повсюду одно разрушение, и нельзя сказать, чтобы новое было лучше разрушающего». В-третьих, И. Г. Гердер утверждал, что человек по своей природе свободен, а, значит, не нуждается в господине [Гайм 2011, с. 40]. К тому же, множество людей живут счастливо, не зная государства, а также в больших государствах есть богатые и бедные.

Искусство не является для И. Г. Гердера привилегией «образованных», иными словами – господствующих классов современного европейского общества. Он вообще, в принципе, резко критиковал социальные привилегии и претензии высшего класса.

По мнению философа, природный общечеловеческий дар может развиваться только в благоприятных социально-политических условиях. И. Г. Гердер считал, что работа, голод и жажда убивают в человеке всё благородное. По нему самое главное в развитии – это свобода и человечность [Жирмунская 1959, с. 9].

Ещё одним видным мыслителем эпохи романтизма, в философии которого прослеживается влияние И. Канта, был Ф. Д. Э. Шлейермакер. Конечно, мы не можем утверждать, что некоторые его взгляды есть не что иное, как эволюция кантовских идей, однако оба философа мыслили, очевидно, в одном направлении. И. Кант говорил о непознаваемости «вещи в себе» (см. с. 15). А с точки зрения Ф. Д. Э. Шлейерхмакера в мышлении мы имеем дело не с самим бытием, а с его отображением. Но определённый образ бытия возникает в мышлении только тогда, когда оно само активно. И речь идёт не о простом отражении (копировании бытия в мышлении, а именно о продуктивной (творческой) деятельности мышления. Мышление творит (создаёт) свой собственный образ бытия [Габитова 1989, с. 89].

Интерес также представляет религиозная концепция Ф. Д. Э. Шлейермакера. Он, в принципе, вошёл в историю, прежде всего, как реформатор церкви. Многие мыслители считали Ф. Д. Э. Шлейермакера теологом. Так немецкий теолог О. Пфлейдерер (Otto Pfleiderer, 1839–1908) называл его «теологом среди романтиков». Немецкий теолог К. Барт (Karl Barth, 1886–1968) поставил его во главе «истории теологии новейшего времени». А швейцарский теолог Х. Э. Бруннер (Heinrich Emil Brunner, 1889–1966) называл Ф. Д. Э. Шлейермакера «единственным действительно великим теологом XIX века» [Габитова 1989, с. 115].

Подчеркнём, что сама философия религии Ф. Д. Э. Шлейермакера сильно отличается от философии религии других мыслителей. Романтики унаследовали антирелигиозный дух Просвещения. Однако, по мысли Ф. Д. Э. Шлейермакера, они должны презирать не религию, а её огромную нравственную, политическую, идеологическую и социальную ценность. На его взгляд, прежде чем религия займёт подобающее место, её необходимо преобразовать. Он считал, что религия должна способствовать проявлению индивидуального чувства человека, чтобы

каждая отдельная личность придавала ей свойственную только ей форму [Габитова 1989, с. 75].

Заслуживает внимания позиция Ф. Д. Э. Шлейерхахера и относительно свободы, которая, по нему, не способна существовать без чувства зависимости. Можно сказать, что чувство зависимости и свободы были для философа чем-то подобным чёрному и белому цветам: не зная первого, невозможно постичь второго. Ф. Д. Э. Шлейерхахер подчёркивал, что чувство зависимости не противоречит свободной самодеятельности человека. Оно способствует «удостоверению» в ней, как бы доказывая самосознанию его самодеятельность. Таким образом, чувство зависимости не только не уничтожает свободу самосознания, но и даёт ему возможность быть осознанным [Габитова 1989, с. 94–95].

Отметим, что, как и другие философы-романтики, Ф. Д. Э. Шлейерхахер много рассуждал о государстве, выступал за освобождение всего человечества. Говоря о современном состоянии Франции, он призывал к борьбе против наполеоновского владычества и, вообще считал совершенно необходимым провести в стране буржуазно-демократические преобразования [Габитова 1989, с. 37].

Рассматривая философию эпохи романтизма, также нельзя не уделить внимание философским взглядам немецкого мыслителя И. Х. Ф. Гёльдерлина (Johann Christian Friedrich Hölderlin, 1770–1843). Когда началась Французская революция, ему было 19 лет, а когда она закончилась, он был уже неизлечимо болен. Таким образом, вся его сознательная жизнь разворачивалась на фоне напряжённых событий Франции [Габитова 1989, с. 4].

В своей критике феодализма И. Х. Ф. Гёльдерлин был очень близок к идеям известного французского мыслителя Ж. Ж. Руссо (Jean Jacques Rousseau, 1712–1778), которого называл «великим Жан-Жаком». Социологические взгляды Ж. Ж. Руссо сыграли значительную роль в подготовке к Французской буржуазной

революции. Якобинцы, вдохновившись идеями французского мыслителя, провозгласили его своим предшественником [Андреев 1987, с. 271]. Ж. Ж. Руссо утверждал, что свобода не может существовать без равенства, а власть в государстве должна принадлежать только народу. Единственным нормальным государством может быть только республика, под которой он понимал государство, управляемое законами [Нарский 1973, с. 270].

И. Х. Ф. Гёльдерлин приветствовал защиту французского мыслителя прав человека от феодального деспотизма, а также его обоснование свободы и равенства людей. Революция мыслилась им необходимой для достижения свободы человека, поскольку он считал почти невозможным добиться существенных успехов по нравственному усовершенствованию в условиях господства феодальных отношений.

Немецкий философ вводит понятие «устричная жизнь». По нему, феодальное общество неестественно, и эта неестественность заключается в отсутствии свободы, под которой И. Х. Ф. Гёльдерлин понимал всестороннее развитие способностей личности. При феодализме человек мог быть только тем, кем ему позволено, из-за чего многие его способности заглущались, и жизнь была, следовательно, очень ограниченной [Габитова 1989, с. 43].

Философия И. Х. Ф. Гёльдерлина носит пантеистический характер и, можно сказать, является примером того, насколько сильно мировоззрение романтиков было сосредоточено на всестороннем развитии личности. По мнению И. Х. Ф. Гёльдерлина, природа служит воплощением идеала прекрасного, потому что она безусловна, а, значит, божественна [Габитова 1989, с. 13]. Он уделял большое внимание проблемам образования и нравственного воспитания человека [Габитова 1989, с. 35].

Важно подчеркнуть, что и во взглядах И. Х. Ф. Гёльдерлина обнаруживается связь с кантовской философией. По мнению И. Канта, единственным естественным состоянием человека является состояние «дикости»,

то есть невежества. И. Х. Ф. Гёльдерлин, в свою очередь, говорил о разрешении противоречия между, так называемыми, противоположностями: человеком и природой. Философ полагал, что оно возможно лишь в процессе уничтожения одной из них. Целое (природа) полностью вбирает в себя частное (человека), поэтому частное становится целым при условии уничтожения своего существенного отличия от него. Каждая из противоположностей не находится в покое, стремясь полностью подавить собой другую. То есть человек способен попасть в мир природы только через утрату своей человеческой определённости [Габитова 1989, с. 53].

Итак, идея мыслить максимально свободно, зародившаяся в философии легендарного немецкого мыслителя И. Канта, стала главной чертой философии романтизма. Её важность в развитии личности и общества в целом была признана и поддержана И. Г. Гердером, а также многими другими философами. Люди, жившие в эпоху романтизма, как бы получили право на своё мнение, а также его выражение. Причём, каким бы оно ни было, всё равно не могло считаться ни странным, ни неправильным. Из вышеизложенного можно сделать следующее предположение: поскольку романтики более чем активно выступали против консервативных точек зрения, они мыслили не просто свободно, а, скорее, чрезмерно свободно. Такая позиция, в итоге, могла приводить к не совсем точным выводам, как это произошло, например, с немецким филологом И. К. Аделунгом (Johann Christoph Adelung, 1732–1806) и другими исследователями языка, творчество которых мы рассмотрим в этой главе.

Тому же влиянию, вероятно, подвергся и Ф. Ж. М. Ренуар: будучи захваченным динамикой нового времени, непомерно расширившим перспективы, учёный сделал ошибочный вывод о том, что провансальский стал предшественником романских языков [Сумарокова 2018, с. 174].

В завершении этого параграфа целесообразно добавить, что философия И. Канта оказала своё воздействие ещё на одного исследователя языка эпохи

романтизма. Она стала источником формирования лингвистических взглядов английского учёного, одного из основоположников натуралистического направления Ф. М. Мюллера (Friedrich Max Müller, 1823–1900) [Стекольщикова, 2016, сс. 78–85].

1. 3. Романтизм в европейском языкоznании конца XVIII – первой половины XIX вв.

Изучая творчество Ф. Ж. М. Ренуара, нам было необходимо выяснить, в какой научной среде формировались его лингвистические взгляды. Как уже отмечалось выше, эпоха романтизма является периодом зарождения и развития компаративистики (см. с. 12).

Сравнительно-исторический метод в языкоznании зародился в конце XVIII столетия в трудах европейских исследователей языка, таких, как, И. К. Аделунг или, например, Л. Эрвас-и-Пандуро (Lorenzo Hervas y Panduro, 1735–1809). Он стал первым лингвистическим методом изучения языков [Попова 2007, с. 11]. Однако, известный датский лингвист В. Л. П. Томсен (Vilhelm Ludwig Peter Thomsen, 1842–1927) так писал об этих работах: «Всюду весьма заметно, что авторы – кабинетные учёные и сами не имеют обширных и глубоких языковых знаний» [Томсен 1938, с. 48]. Тем не менее, несмотря на недостаточное количество научного материала, создавались целые, не редко крупные произведения, посвящённые объекту изучения. В рамках первой главы мы постараемся выяснить, какие факторы могли подвигнуть исследователей к таким смелым действиям.

1. 3. 1. Идея культурного релятивизма у романтиков как источник зарождения сравнительно-исторического языкознания

Для классической эпохи был характерен этноцентризм, когда культура собственного этноса рассматривалась в качестве эталона. Одной из важнейших идей романтизма был культурный релятивизм, который предполагал отказ от придания чему-либо абсолютного значения [Каган 1996, с. 25]. По мнению сторонников этой идеи, абсолютно каждый культурный тип условен, поскольку сама культура – явление неприродное, следовательно, многовариантное. Она создаётся творческой деятельностью людей, независимо от какого-либо закона [Зенкин 2001, с. 13]. Таким образом, все культурные типы утратили свой авторитет.

Во многом способствовал развитию идеи культурного релятивизма И. Г. Гердер. Он выступал против деления людей на расы. По нему, несмотря на разный цвет кожи, все люди равны. Более того, абсолютно каждый человек и народ имеет право считать себя самобытным, избранным. У классицистов был единый идеал прекрасного, обязательный для всех времён и народов. В отличие от них, немецкий философ говорил о множестве типов культурного совершенства. Он отрицал существование «классических народов» как единственных носителей культуры. Таким образом, античным («классическим») литературам И. Г. Гердер противопоставлял поэзию рыцарского Средневековья или, например, песни первобытных, «диких» народов.

Сравнительно-исторический метод в языкознании был бы невозможен без сравнения языков. При этом важно подчеркнуть, что само сравнение не способно осуществиться без живого интереса к разным языкам. По идее культурного релятивизма, все культурные типы стали считаться равноправными. Поскольку культура своего этноса перестала быть образцом, интерес к культуре других этносов повысился. Языковая картина мира является важным репрезентатом

традиционной культуры [Кондратенко 2016, с. 63]. Следовательно, можно предположить: новая тенденция способствовала возрастанию интереса и к языкам. Добавим, что идея культурного релятивизма зародилась только в XIX веке, однако её проявление в области языкоznания обнаруживается ещё в эпоху Возрождения. О новом отношении к языку свидетельствовали французские грамматики, в содержании которых прослеживалась идея равенства всех языков [Михайлова 2008, с. 17].

1. 3. 2. Роль истории в современной жизни романтиков

Ещё одной из важнейших черт романтизма является живой интерес к прошлому. Оно не представляло для романтиков пройденную, лишённую ценности ступень исторического развития. Классицисты видели важность прошлой формы жизни лишь в её усовершенствованном виде. Для романтиков прошлое являлось тем, чему нельзя уйти в небытие, так как они никогда не считали предшествующую фазу развития исчерпанной, выдвигая следующую идею: прошлое может и должно использоваться в настоящем [Габитова 1989, с. 142].

Настоящее не принималось на веру и подлежало тщательному рассмотрению, оценке. Романтики активно исследовали исторический процесс, чтобы, в первую очередь, установить, все ли лучшие силы былого развития вошли в настоящее [Амирова 2005, с. 293].

Особого внимания заслуживает учение И. Г. Гердера о «народном духе». Оно было направлено, в первую очередь, на сохранение сущности народов, многообразия их индивидуальностей. Следуя в этом вопросе за Ж. Ж. Руссо, философ ищет непосредственного выражения природы того или иного народа в остатках первобытной культуры, творчестве патриархальных народных масс, не

тронутых разлагающим влиянием современной цивилизации [Жирмунский 1959, с. 8].

В национальном духе романтики стали видеть незримую печать, выраженную в конкретных чертах народа, а позднее даже рассматривали вопрос о его неизгладимости. Главным проявлением «народного духа» считался язык [Косминский 1963, с. 263]. И. Г. Гердер говорил о языке, как о носителе определенного национального характера [Радченко 2005].

Немецкий мыслитель гневно осуждал работорговлю не только потому, что, по его мнению, у всех людей есть душа, разум, и каждому присуще стремление к свободе. На его взгляд, все народы приспособлены к своей стране, и, лишившись связи с родной почвой и культурой, они теряют самих себя [Гайм 2011, с. 38]. Добавим, что романтики были увлечены фольклором, а также национальными языками, придерживаясь следующей позиции: древние народы представляют собой первооснову развития [Ромашко 1985, с. 26].

Итак, изучение истории служило представителям романтизма залогом успеха при устройстве современной жизни. На наш взгляд, такое видение прошлого оказало воздействие и на исследователей языка. Целью сравнительно-исторического метода в языкоznании являлось установление родства языков. Значительное количество сходных по звучанию и значению слов разных языков было известно и до основателей компаративистики. Актуальной задачей исследователей стало отличить истинное родство от случайных совпадений и заимствований. При изучении родства языков они обратились к истории происхождения и развития языков, увидев в этом методе ключ для осуществления поставленной цели. Таким образом, в XIX веке новые лингвистические данные учёные находили в прошлом [Лоза, 2016, с. 49].

Важно подчеркнуть: как в идее культурного релятивизма, так и в том, что большая роль в современной жизни романтиков отводилась истории, можно заметить влияние главной черты философии романтизма (стремление к свободе).

Вместо того, чтобы держать себя в узких рамках родины, а также настоящего времени исследователи языка эпохи романтизма открылись миру и прошлому, что, в итоге, способствовало возникновению сравнительно-исторического языкознания.

1. 3. 3. Зарождение сравнительно-исторического языкознания

Компаративистика зародилась в первой четверти XIX века. Именно с этим моментом связано выделение языкознания в особую науку. Раньше оно служило только составной частью либо философии (как в Древней Греции), либо логики (со времён Аристотеля).

На начальном этапе развития языкознания учёными был накоплен огромный фактический материал. Географические открытия XV – XVIII вв. позволили ввести в научный обиход множество языков (африканских, североиндейских, экзотических языков Востока), которые сильно отличались от европейских. Философы, учёные-энциклопедисты, особенно в XVI – XVIII вв., приходили к выводу о родстве ряда языков, высказывали предположения об общем языковом предке сходных языков [Шулежкова 2008, с. 49].

Все мысли исследователей языка были направлены на сравнительное изучение языков мира и их типологическую классификацию. Например, продолжали составляться общие рациональные грамматики в духе «Грамматики Пор-Рояля», такие, как «Справочник по французской грамматике» (1705 г.) Р. де Марэ или «Истинные принципы французского языка» (1747 г.) А. Жирара [Реферовская 1996, с. 47].

До конца XVIII века европейские философы, как правило, опирались на данные одного-двух языков, преимущественно своего родного и латыни, игнорируя национальное своеобразие прочих языков. Шло накопление рабочих приёмов описания в рамках старых идей [Алпатов 2005, с. 52].

В каждый период своего существования языкознание не только пополняется фактами, но также даёт новое истолкование своим извечным проблемам [Михайлова 2000, с. 5]. Некоторые учёные XVIII века (больше философы, чем

лингвисты) высказывали принципиально новые теоретические положения, которые постепенно меняли общие представления о языке.

В центре обсуждений встало проблема происхождения языка. Раньше господствовали библейские представления о Вавилонской башне. Теперь им на смену пришли попытки рационалистических объяснений того, каким образом люди начали говорить.

Почти все известные до наших дней концепции о происхождении языка появились в XVIII веке, хотя довольно сходные с ними взгляды высказывались ещё в античности. Была выдвинута идея Ж. Ж. Руссо о «коллективном договоре», в соответствии с которой люди договорились между собой о том, что как называть [Березин 1984, с. 23]. Итальянский философ Дж. Вико (Giambattista Vico, 1668–1744) предложил развёрнутую концепцию исторического развития человечества, в которой важное место отводилось развитию языка. По мнению известного немецкого мыслителя К. Маркса (Karl Marx, 1818–1883), в ней содержались основы сравнительно-исторического метода. Большую популярность также получило положение И. Г. Гердера о «духе народа», которое получило разработку в лингвофилософской концепции выдающегося немецкого филолога Ф. В. К. К. фон Гумбольдта (Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt, 1767–1835) [Хухуни 2018, сс. 24–30].

Наиболее разработанную теорию происхождения и развития языка для тех лет предложил известный французский философ Э. Бонно де Кондильяк (Étienne Bonnot de Condillac, 1715–1780). Он считал, что язык на ранних этапах развивался от бессознательных криков к сознательному их использованию. Затем, получив контроль над звуками, человек смог контролировать свои умственные операции [Алпатов 2005, с. 53].

Все эти идеи, конечно, вызывали интерес, но содержали один неустранимый недостаток: они были основаны не на анализе языкового материала, а на произвольных, хотя иногда и остроумных догадках [Шулежкова

2008, с. 50]. К теоретическим проблемам языка обращались непрофессиональные лингвисты. Пережившие много веков представления о древнееврейском языке как «корне» всех языков мира, на котором говорили до вавилонского смешения языков, окончательно уступают место идеям о множественности языковых семей. Однако надёжного научного метода наука XVIII века ещё не имела, а представления об истории языков часто бывали фантастическими. Нужен был новый подход к языковым фактам, метод описания накопленных данных о языках мира. Он подготавливался всем ходом развития лингвистики.

Тем не менее, важно отметить, что ещё в XVIII веке, наряду с теоретическими рассуждениями о необходимости сравнительного анализа языков, делались и практические опыты их сравнительного описания. В XVII–XVIII веках закладывается основа сравнительно-исторического метода. В XVII веке выходец из Хорватии Ю. Крижанич (1617–1693), проживавший долгие годы на Руси (главным образом в ссылке), дал первый образец сравнения славянских языков. В XVIII веке голландский лингвист Л. Тен-Кате (L. Ten Kate, 1674–1731) в книге «Введение в изучение благородной части нижненемецкого языка» (1723 г.) произвел тщательное сравнение германских языков и установил важнейшие звуковые соответствия этих родственных языков.

Большое значение среди предшественников сравнительно-исторического метода имеют труды выдающегося русского учёного М. В. Ломоносова (1711–1765). Например, его работа «О пользе книг церковных в российском языке» (1757 г.). Учёный дал совершенно точную классификацию трёх групп славянских языков с указанием на большую близость восточных к южным. Он также разъяснил вопрос о степени близости русских диалектов и разобщённости немецких, о месте старославянского языка. М. В. Ломоносов отмечал родственные отношения славянских языков с другими индоевропейскими языками, в частности, с балтийскими, германскими, греческим и латинским,

указал на особенно тесную связь славянских языков с балтийскими [Шарафутдина 2012, с. 184].

По выражению датского лингвиста В. Л. П. Томсена (Vilhelm Ludwig Peter Thomsen, 1842–1927), «весь XVIII век сравнительно-исторический метод «витал в воздухе» [Томсен 1938, с. 51]. Нужен был некоторый толчок, который стал бы отправной точкой для развития метода. Им послужило в конце столетия открытие санскрита английским востоковедом и путешественником У. Джонсом (William Jones, 1746–1794). Он много лет прожил в Индии, которая тогда была бывшей английской колонией, и занимался изучением индийской культуры под руководством местных учителей, сохранявших знание национальной лингвистической традиции [Алпатов 2005, с. 54]. У. Джонс одним из первых среди европейцев узнал санскрит и первым начал его сопоставлять с греческим, латинским и другими европейскими языками. В 1786 году, выступая на заседании Королевского общества в Калькутте, он высказал предположение о том, что санскрит является прародителем европейских языков. Сходство санскрита с этими языками было очевидным, тогда учёный выдвинул идею о происхождении всех этих языков, включая санскрит, от единого предка.

С открытием санскрита в таких странах, как Германия, Россия, Дания, Чехия и некоторых других началось бурное развитие исследований в области сопоставления европейских языков с санскритом и между собой. Возрастание интереса к ним проявилось, прежде всего, в печати многоязычных словарей.

Первый словарь был издан императрицей Екатериной II (1729–1796). Составив списки слов, которые должны были переводиться на как можно большее количество языков, она рассыпала их по странам. В 1787 году вышла первая часть труда под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы», куда вошли списки слов по 200 языкам, а также диалектам Азии и Европы [Томсен 1938, с. 46]. Опубликование поступившего материала императрица поручила немецкому естествоиспытателю и

путешественнику П. С. Палласу (Peter Simon Pallas, 1741–1811). Наконец, в 1787 году появилась первая часть большого труда под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы». Она заключила в себе списки слов по 200 языкам и диалектам Азии и Европы. Но слишком поспешное выполнение сделало желательной новую обработку, и уже в 1791 году она появилась в четырёх томах, охватив 272 языка, среди которых были языки Африки и Америки.

Ещё одним крупным трудом была работа испанского иезуита Л. Эрвас-и-Пандуро, которая получила название «Идея вселенной» (1778–1792). Но издание И. К. Аделунга «Митридат» (1793–1801), стало наиболее известным трудом из всех перечисленных. В качестве языкового примера оно имело «Отче наш» на почти 500 языках и диалектах [Томсен 1938, с. 138].

Несмотря на то, что исследователи языка конца XVIII столетия ещё не обладали надёжными знаниями в области лингвистики, именно они способствовали развитию сравнительно-исторического метода, благодаря чему языкознание стало самостоятельной наукой.

1. 3. 4. Сравнительно-историческое языкознание в трудах европейских компаративистов XIX века

В течение всего XIX века центр мировой науки о языке и, прежде всего, компаративистики, находился в Германии. Огромную роль в развитии языкознания сыграли немецкие филологи. Германия является родиной ведущих представителей сравнительно-исторического метода, таких учёных, как Ф. Бопп (Franz Bopp, 1791–1867), Я. Л. К. Гримм (Jacob Ludwig Karl Grimm, 1785–1863), создатель философии языка Ф. В. К. Ф. фон Гумбольдт, крупнейший представитель натуралистического направления в языкознании А. Шлейхер

(August Schleicher, 1821–1868) и многие другие известные учёные [Лукин 2016, с. 82].

Первым произведением, направившим внимание на санскрит, была работа К. В. Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» (1808 г.). Она содержит довольно туманные размышления языковедческо-философского характера, тем не менее, сильно способствует пробуждению интереса к изучению языков в Индии. Его старший брат А. В. Шлегель был первым немецким учёным, который во время своего пребывания в Париже (1814–1815) глубже ушёл в работу над санскритом [Томсен 1938, сс. 58–59].

Поначалу сопоставления языков были очень несовершенными. Но всего через три десятилетия после открытия санскрита Ф. Бопп, профессор восточной литературы и общего языкознания в Берлинском университете закладывает основы сравнительно-исторического метода. В литературе основоположником компаративистики именуется У. Джонс. Однако, скорее, таковым признаётся Ф. Бопп [Хухуни 2014, с. 8]. Немецкий филолог стал создателем сравнительной грамматики семейства родственных языков [Десницкая 1984, с. 105]. Его книга «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков» (1816 г.) охватывает очень многие индоевропейские языки и считается годом рождения нового метода в языкознании. Этому предшествовали годы работы Ф. Боппа с восточными языками: ещё в гимназии он изучал санскрит, персидский, арабский, древнееврейский языки; с 1812-го по 1816 г. в Париже продолжал работу над древними восточными языками, тщательно исследуя санскритские памятники.

В центре научных интересов Ф. Боппа была генетическая сторона языкового развития. Учёный сформулировал понятие корня. Он понимался не в привычном для нас смысле, а как древний комплекс, которому в более поздних языках могут соответствовать как аффиксы, так и не имеющие значения

элементы. По нему, слова одной языковой семьи производились первоначально от односложных корней [Алпатов 2005, с. 56].

Труд Ф. Боппа «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков» носит новаторский характер. В нём филолог высказывает мнение о том, что на основе сравнения языков можно установить их «первобытное состояние» [Звегинцев 1964, сс. 28–29]. Взяв за исходную точку санскрит, Ф. Бопп сравнивает строения всех упомянутых в заглавии языков. Подробно разбирая различные явления и языковые формы, он показывает то развитие, которое они проделали, ищет их первоисточник. Учёный также детально анализирует систему спряжения санскрита, используя в качестве примеров отрывки из древних сказаний индийцев, таких как «Рамаяны», «Махабхараты», «Веды». Затем описывает системы спряжения греческого, латинского, персидского, германского языков и приходит к выводу, что ни в одном из этих языков нет ни единой глагольной флексии, которой не было бы в санскрите. Таким образом, он доказывает родство европейских языков с санскритом.

В своих работах Ф. Бопп пишет о грамматическом строе родственных индоевропейских языков. В 1839–1849 гг. выходит его знаменитая «Сравнительная грамматика санскритского, зендского, латинского, литовского, готского и немецкого языков». В центре внимания были корни и флексии родственных языков.

Ф. Бопп постепенно расширял круг сравниваемых языков. Придавал большое значение славянским языкам в индоевропейской языковой семье, в конце жизни доказал принадлежность к индоевропейским языкам албанского языка [Шулежкова 2008, с. 53].

Со временем учёные обратились к изучению других индоевропейских языков. Были разработаны сравнительно-историческая фонетика, этимология,

фразеология, сравнительно-исторический синтаксис, сравнительно-историческое словообразование индоевропейских языков.

Одновременно с Ф. Боппом, но независимо от него, сравнительно-историческим изучением индоевропейских языков занимался Р. Раск, с 1823 г. профессор копенгагенского университета. Он создал сравнительно-историческое языкознание скандинавских языков. В 1818 году выходит его работа «Исследования в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка». Вторая часть этой работы – «О фракийском языковом классе» вышла в 1822 году. Поставив перед собой задачу установить происхождение исландского языка, Р. К. Раск сравнивает его с ближайшими атлантическими языками (гренландским, кельтским, баскским, финским) и находит, что они не являются родственными. Затем исландский язык рассматривается в сравнении со скандинавскими языками (норвежским, шведским, датским), и устанавливается их ближайшее родство. Выявив группу родственных скандинавских языков, учёный сопоставляет их с германскими языками и убеждается в родстве теперь уже скандинавских и германских языков.

Основная мысль, пронизывающая работу Р. К. Раска 1818 года, такова: скандинавские и германские языки являются близкими ветвями. Вместе со славянской и балтийской языковыми группами они имеют своим источником древнефракийский язык, вымерший праязык юго-восточной Европы. В отличие от Ф. Боппа, Р. К. Раск занимался преимущественно лексикой и этимологией. Он утверждал, что слова могут состоять из компонентов разного происхождения, поэтому сравнивать надо не целые лексемы, а их составные части [Алисова 2011, с. 56, Тронский 2001, с. 11]. По нему, в лексике, наиболее устойчивыми являются местоимения и числительные. Если такие слова окажутся общими, то языки, несомненно, являются родственными [Шулежкова 2008, с. 56].

Зарождение германского сравнительно-исторического языкознания связано, в первую очередь, с научной деятельностью Я. Гrimма, известного как

собирателя немецкого фольклора. Его интерес к истории национальной культуры и национальному языку объясняется уже увлечением идеями романтизма.

Главным трудом Я. Л. К. Гримма стала четырёхтомная «Немецкая грамматика», над которой он работал почти 20 лет (1819–1837). По названию можно предположить, что это грамматика немецкого языка. Однако она представляет собой, скорее, построенное на исторической основе, изложенное в виде сравнений, описание строя всех как более древних, так и более новых, готско-германских языков [Томсен 1938, с. 63]. Здесь автор не поднимает общих языковедческих проблем, зато подробно описывает общие черты и частные отличия родственных германских языков.

Я. Л. К. Гримм неуклонно применял исторический принцип при изучении языков и, используя древнейшие памятники и современные ему диалекты германских языков, доказал действительное движение форм в германских языках [Шулежкова 2008, с. 58]. Работа Я. Л. К. Гримма оказала сильное влияние на развитие сравнительно-исторического языкознания. Его заслуга заключается, главным образом, в том, что он способствовал дальнейшему развитию исторической грамматики, которая прослеживает и освещает историческое соотношение между формами родственных языков в различные времена. Однако, как бы много Я. Л. К. Гримм ни создал гениального и оригинального в этой области, всё же не следует забывать о том, что он во многом непосредственно основывался на мыслях Р. К. Раска [Томсен 1938, с. 64].

Параллельно с формированием сравнительно-исторического языкознания германских и скандинавских языков зарождается сравнительно-историческая славистика. Стимулом к её развитию стало знакомство лингвистов с памятниками старославянского языка, изучение языковой культуры и истории славянских народов.

Основоположником сравнительно-исторической грамматики славянских языков был Й. Добровский (1753–1829). Он выявлял истоки славянской

письменности, изучал деятельность славянских первоучителей Кирилла (827–869) и Мефодия (815–885). В 1807 году опубликовал книгу о первой славянской азбуке «Глаголитика», в 1828 году – свою работу «Моравские легенды о Кирилле и Мефодии». Однако для сравнительной грамматики славянских языков особенно ценные его «Основы древнеславянского языка» (1822 г.), которая стала первой научной грамматикой старославянского языка.

Подлинный расцвет сравнительно-исторической славистики произошёл благодаря русскому филологу А. Х. Востокову. Уроженец города Аресбурга, расположенного на острове Эзель (нынешняя Эстония), швед по национальности (его подлинная фамилия Остенек), А. Х. Востоков получил образование в Санкт-Петербурге (учился в сухопутном кадетском корпусе, затем в Академии художеств) и с детства увлекался словесностью: собирал русские народные песни и пословицы, написал «Опыт о русском стихосложении», изучал русские народные говоры.

На смену поэзии приходит увлечение славянскими древностями. Он изучает и систематизирует старославянские и древнерусские памятники. В 1842 году А. Х. Востоков сделал образцовое «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея», что выдвинуло его в число выдающихся палеографов XIX века. В 1843 году он осуществил издание древнейшего древнерусского и старославянского памятника «Остромирово евангелие», снабдив его глубоким научным комментарием. В 1858 – 1861 годах А. Х. Востоков опубликовал фундаментальный «Словарь церковнославянского языка».

Главным трудом А. Х. Востокова стала небольшая работа 1820 года, прочитанная вначале как лекция, – «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка». В ней учёный предлагает собственную классификацию славянских языков. Он настаивает на специальном изучении восточнославянских языков, которые, Й. Добровский включал в одну группу с южнославянскими. Сравнивая русский, украинский и белорусский языки со

старославянским, Востоков описывает фонетические признаки восточнославянских языков, отличающие их от старославянского и других южнославянских языков [Шулежкова 2008, сс 61–62].

Идеи А. Х. Востокова оказались очень плодотворными. По мнению русского филолога И. И. Срезневского (1812–1880), «Востоков сделал ряд открытий, которые должны были изменить понятия о славянском языке... Востоков положил прочное основание славянской филологии». Он сделал ряд открытий, которые должны были изменить понятия о славянском языке.

Вслед за А. Х. Востоковым сравнительно-историческим изучением славянских языков занимались И. И. Срезневский, автор работы «Мысли об истории русского языка» (1887 г.), российский лингвист Ф. И. Буслаев (1818–1897), написавший труд «Историческая грамматика русского языка» и другие [Шулежкова 2008, с. 63].

За исключением рано умершего Р. К. Раска, эти учёные продолжали активно работать примерно до 50-х гг. XIX века, опубликовав немало сочинений, в которых впервые формировался сравнительно-исторический метод. При этом никто из них не стремился к общетеоретическим и тем более философским рассуждениям. Они впервые в мировой науке, работая с конкретным материалом, старались выработать действительно научный метод исследования. Ф. Бопп – сравнением языков с санскритом. Р. К. Раск – своими исследованиями скандинавских языков. Я. Л. К. Гримм – изучением готско-германских языков. А. Х. Востоков – работой над происхождением славянских языков.

Сравнительно-историческое языкознание развивалось активно. XIX век является периодом, охватившим несколько направлений науки о языке: натуралистическое, психологическое и некоторые другие [Лукин 2018, с. 49]. Прежде всего, произошло значительное накопление фактического материала. Наряду с формированием сравнительно-исторического языкознания германских, скандинавских и славянских языков развивалось также сравнительно-

историческое языкознание романских языков, о чём мы подробно поговорим в следующей главе.

Итак, как мы увидели в этом разделе, Ф. Ж. М. Ренуар жил в период бурного развития языкознания, который можно считать судьбоносным в истории науки о языке: как уже отмечалось выше, именно в XIX веке языкознание было выделено в отдельную науку. Вполне возможно, что такие условия создали дополнительную мотивацию для ведения научной деятельности.

1. 4. Социально-экономическая ситуация Франции конца XVIII – первой половины XIX вв. и её влияние на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара

1. 4. 1. Социально-экономический аспект Старого порядка

В современной истории языкознания всё большее значение приобретает нарративная историография. Следуя её принципам, исследователь детально воссоздаёт портрет личности лингвиста на широком фоне эпохи [Радченко 2011, с.82]. На взгляды учёного оказывает воздействие не только философия, но и вся обстановка того или иного исторического периода в целом. Нашей целью будет выяснить, что ещё, помимо философии, а также науки (языкознания эпохи романтизма) могло повлиять на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара. Для её реализации в предыдущих параграфах мы обратились к изучению науки (языкознания) эпохи романтизма. А теперь рассмотрим такие области, как экономика, политика, и, в следующем разделе, искусство, поскольку, с нашей точки зрения, они являются одними из самых крупных сфер жизни, а, значит, наиболее подходящими для иллюстрирования общей атмосферы изучаемого временного промежутка.

Романтизм как историческое явление был тесно связан с глубокими и мощными процессами, протекавшими в европейском обществе конца XVIII – начала XIX вв. Эти процессы охватили практически все стороны жизни: политику, экономику, искусство и. д. В социально-экономической области наибольшие изменения затронули Францию [Ромашко 1983].

Сама эпоха романтизма очень интересна с точки зрения самой истории: в её рамки входят следующие этапы исторического развития: Великая французская революция (1789–1799), Наполеоновские войны (1804–1814) и Реставрация Бурбонов (1814–1830).

До 1789 года во Франции ещё с конца XVI века существовал так называемый Старый порядок или Старый режим (фр. *Ancien Régime*). Его разрушение революцией, с нашей точки зрения, является проявлением главной черты философии романтизма («стремление к свободе»). Дело в том, что между этапами дореволюционной и послереволюционной Франции обнаруживается примерно такая же по силе разница, как между классицизмом и романтизмом. События, происходящие в те времена, и развивающиеся наряду с ними философские идеи являются друг для друга зеркальным отображением, поскольку между ними можно провести параллель.

Известный французский социолог А. Ш. А. К. Токвиль (Alexis Charles Henri Clérel, comte de Tocqueville, 1805–1859) в своём легендарном труде «Старый порядок и революция» (2008 г.) писал: «Французы в 1789 году приложили величайшие усилия, чтобы рассечь, так сказать, надвое свою судьбу и проложить пропасть между тем, чем они были до тех пор, и чем хотели стать отныне. Ради этого они приняли всяческие меры предосторожности, дабы ничего не взять с собой из прошлого в новую жизнь; они наложили на себя разные ограничения, чтобы вылепить себя по иному образу, нежели их отцы; и, наконец, чтобы измениться до неузнаваемости, они ничего не забыли» [Токвиль 2008, с. 5].

При Старом порядке всю мощь государства олицетворяла королевская власть, которая воплощалась исключительно в особе монарха и считалась священной, божественной по своему происхождению. Король мог устанавливать, а также собирать любые налоги, отменять любые законы, объявлять войну и заключать мир, не спрашивая ни у кого разрешения.

Наивысшего могущества французская монархия достигла в годы царствования Людовика XIV (Louis XIV, 1661–1715) [Манфред 1983, с. 14]. Однако при Людовике XV (Louis XV, 1710–1774) исчезали сотни миллионов ливров, собранные в виде налогов с голодающего народа. Влияние Франции на международной арене заметно упало. Внутриполитическое положение в стране обострилось. Королевская власть и двор потеряли всякое уважение. К концу своего царствования Людовик XV довёл государство до грани банкротства. Франция приближалась к революции [Ревуненков 2003, с. 39].

Людовик XVI (Louis XVI, 1754–1793), в отличие от предшественников, обладал весьма туманными представлениями об управлении страной. Но главное, он не интересовался и не хотел заниматься государственными делами [Рыжков 2001, с. 227]. Некоторые историки утверждают, что такое поведение стало бегством от ответственности за судьбу страны и разлагающуюся абсолютную монархию [Янковик-Коник 2012, сс. 38–40].

Население дореволюционной Франции делилось на три сословия. Первое сословие – духовенство, второе – дворянство, все остальные группы населения – так называемое, третье сословие [Корлейль 1991, с. 81]. Первые два сословия обладали целым рядом привилегий, третье являлось совершенно бесправным [Блось 1906, с. 3]. Обладая около 1/3 всей французской земли и огромными доходами от своих феодальных прав, первые два сословия налогов платили очень мало. Вся тяжесть налогообложения падала на третье сословие. Главным плательщиком являлось крестьянство [Ревуненков 2003, с. 21].

В старом обществе самое значимое место занимала церковь, но не потому, что священники решали общественные проблемы, а потому, что они были сеньорами, собственниками, и сборщиками [Токвиль 2008, с. 18].

К 1789 году население Франции достигло 25 миллионов человек, из которых было не менее 22 миллионов крестьян. Они уже давно являлись свободными, однако владели землёй только на феодальном праве в соответствии со старинной формулой: «Нет земли без сеньора». Крестьяне были не собственниками, а лишь наследственными держателями (цензитариями) своих земельных участков, с которых в пользу сеньора взималась масса повинностей [Ревуненков 2003, с. 19].

Сеньор взимал с крестьян дорожные, мостовые и ярмарочные пошлины, а кое-где даже подымную подать (за право иметь дома печь). Только сеньор мог владеть мельницей, хлебопекарней, давильней для винограда, быком или боровом, а крестьяне обязаны были пользоваться всем этим за плату. Сеньору принадлежало также исключительное право охоты, рыбной ловли, содержания голубятен и кроличьих садков, что было очень обременительно для крестьян. Охотники топтали крестьянские поля, кролики поедали их посевы и т. п. Очень разорительной для крестьян являлось право триажа, то есть право сеньора превращать в свою собственность треть всех общинных угодий (лугов, выпасов, пустошей).

Далеко не все крестьяне имели цензивы. Было велико количество безземельных, а также малоземельных крестьян, которые владели настолько маленькой цензивой, что прокормиться с неё было совершенно невозможно [Ревуненков 2003, с. 22].

Плоды крестьянского труда доставались не только дворянам, но и церкви, а также новоиспеченным капиталистам из рядов третьего сословия. Не меньшую долю изымало государство в виде прямых и косвенных налогов, которые на протяжении всего XVIII века постоянно росли. Основным прямым налогом во

Франции XV – XVII веков была талья – налог на землю и имущество. Её платили только крестьяне.

При Людовике XIV к талье был добавлен ещё один прямой налог – капитация (подушная подать). Капитацию должны были платить все подданные короля. Но духовенство уже в 1710 году избавилось от капитации, внеся в королевскую казну единовременный взнос в размере 24 миллионов ливров. Взносы дворян по этому налогу были совершенно ничтожны.

Людовик XV ввёл в 1749 году ещё один прямой налог: двадцатину, то есть пятипроцентный сбор от всех доходов, включая и доходы от феодальных прав дворян и церковной десятины. Однако духовенство уклонилось от уплаты и этого налога, договорившись о том, что будет ежегодно вносить в казну «безвозмездный дар» в размере 2,5 миллионов ливров (совершенно ничтожную сумму по сравнению со своими доходами). Дворяне также платили двадцатину далеко не в полном объеме. С крестьян же налоги взыскивались с большой суворостью. Штрафы, заключения в тюрьму, конфискация имущества за неуплату налогов были повседневным явлением.

Очень обременительными для крестьян были и косвенные налоги, самым ненавистным из которых была габель (соляной налог). Помимо всего перечисленного, на них падала ещё одна государственная повинность – введённая в 1737 году барщина, то есть принудительный труд крестьянина, который иногда отнимал у них до двенадцати рабочих дней в году.

Таким образом, подавляющее большинство крестьян жило в ту эпоху в крайней бедности. Отметив, что примитивны были их орудия труда. Жилищем крестьянину служила деревянная хижина, часто полуземлянка, без окон и трубы, с глиняным полом. Свою одежду он шил из грубого сукна, носил деревянные башмаки (сабо).

Интересно то, что революция, чьей целью было, прежде всего, повсеместное уничтожение средневековых учреждений, разразилась именно во

Франции, где народ ощущал свою обременительность менее всего. Феодальные права в других странах были гораздо тяжелее.

В конце XVIII века в Германии почти ни в одной её части крепостное право ещё не было полностью отменено. Например, почти все солдаты, составившие войска Фридриха II (Friedrich II, 1712–1786) были подлинными крепостными. В большинстве германских государств крестьянин не имел права ни покинуть владения своего помещика, ни возвыситься в своём положении, ни сменить ремесло. Многие годы он проводил на службе в помещичьей усадьбе: чинил усадьбу, доставлял продукты на рынок, служил своему помещику гонцом и т. д.

Крепостной мог стать земельным собственником, хотя его право собственности всегда оставалось несовершенным уже потому, что он был обязан возделывать своё поле под надзором. Крестьянин не мог ни продавать, ни заложить своё поле по своей воле. Ему указывали, что сеять, вынуждали продавать урожай. Даже наследство не переходило целиком к его детям: какая-то часть обычно удерживалась помещиком.

Во Франции ничего подобного уже не существовало: крестьянин уходил, приходил, покупал, продавал, заключал сделки и, в принципе, работал, как ему было удобно. Крепостничество полностью исчезло везде кроме некоторых восточных, завоёванных провинций. Причём дата его отмены восходит к весьма отдалённой эпохе. Так, например, в Нормандии оно уже не встречалось с XIII века.

Однако феодальные права вызвали настоящую ненависть именно у французского народа. Причиной было то, что французский крестьянин стал земельным собственником. Документы рисуют французского крестьянина XVIII века, как человека, который готов купить землю за любые деньги, отдав все свои сбережения. При этом даже маленький участок земли было не только очень трудно получить, но и владеть им, что придавало ему ещё большую ценность. Прежде, чем приобрести земельную собственность крестьянин платил налог

владельцам, его соседям. Соседи отрывали его от собственного поля, обязывая работать в другом месте безо всякой оплаты. Они продавали ему право продавать его собственный урожай и нередко без спроса брали его сами. В принципе, что бы крестьянин ни делал, соседи постоянно мешали ему работать, во избежание чего он нередко изображал из себя нищего [Токвиль 2008, с. 116].

На протяжении всего XVIII века социальные противоречия во французской деревне всё более обострялись [Адо 1987, с. 27]. Жизнь дорожала. Стремясь повысить доходы, дворяне усиливали поборы с крестьян, восстанавливали давно забытые, но формально ещё не отмененные крестьянские повинности, захватывали пустующие земли, сдавали их крестьянам на условиях краткосрочной аренды и т.д.

Крестьяне отчаянно сопротивлялись наступлению сеньоров, в силу чего во французской деревне постоянно происходили судебные конфликты. Процессы с сеньорами крестьяне обычно проигрывали, и это только усиливало их недовольство. Народ не переставал открыто выступать против налогового гнёта. Крестьяне громили помещения судов и нотариусов, жгли судебные бумаги [Линдов 1919, с. 3].

Основной формой социального конфликта во французских городах XVIII века являлись хлебные бунты, возникавшие из-за нехватки продовольствия и слишком высоких цен. В хорошие годы фунт хлеба стоил не менее 2 су, в голодные – гораздо больше. Следовательно, не менее 50 % дохода рабочей семьи уходило только на хлеб [Ревуненков 2003, с. 31].

В истории наблюдается постепенное сближение сословий. В Средние века и пока феодализм сохранял своё господство, всех, кто держал землю от сеньора, называли вассалами. Среди них было много недворян, которые постоянно привлекались сеньором для управления сеньорией, из-за чего деревенский класс не переставал становиться ближе к дворянству. Это можно проиллюстрировать уже на примере их общих дел, связанных с сеньориальным судом, важным

механизмом феодального правления. Вассалы были обязаны каждые две недели являться на суд сеньора, где совместно с самим сеньором или его постоянным судьей они разбирали споры, случавшиеся среди обывателей [Токвиль 2008, с. 83].

Верхушкой третьего сословия была буржуазия, представители которой назывались буржуа. Деревню XVIII столетия можно считать общиной, все члены которой бедны, грубы и невежественны. Образ жизни установил между социальными классами тысячу сходств. Сеньор не только не имел больше права управлять общиной, но даже считал, что вмешиваться в управление этой общиной, в каком-то смысле значит ронять себя [Токвиль 2008, с. 78].

В конце XVIII века манеры дворянства и буржуазии настолько походили друг на друга, что имели одни и те же идеи, привычки и вкусы. Дворяне и буржуа читали одни и те же книги, говорили на одном и том же языке. Их отличие состояло лишь в правах. Ни в какую другую эпоху истории Франции дворянское звание не приобреталось так легко, как в 1789 году. Некоторых новоиспеченных дворян не принимали обе стороны: для одной они были недостаточно благородными, а для другой уже чересчур [Токвиль 2008, с. 86].

Тем не менее, несмотря на такое большое количество общих черт, французы оказались разобщёнными между собой более чем где-либо ещё. Дело в том, что отличительным признаком дворянства была принадлежность к нему по рождению. Таким образом, каждый, кто родился незнатными, оказывался вне этого класса и занимал в государстве пусть высокое, но всегда подчиненное положение.

Англия была единственной страной на европейском континенте, где уничтожили кастовую систему. Действительно, здесь дворяне и простолюдины занимались одними и теми же делами, даже выбирали одни и те же профессии. Сближение сословий в этой стране было заметно и в языке. Можно сказать, что английское слово «gentleman» есть история самой демократии. Его значение

постепенно расширялось. В каждом веке оно применялось к людям, стоящим на чуть более низкой социальной ступени. Наконец, перебралось в Америку, где его употребляли уже для обозначения абсолютно всех граждан [Токвиль 2008, с. 81].

Во Франции, как и в других странах европейского континента, где феодальная система тоже окончательно исчезала, прослеживалось постепенное обеднение дворянства, несмотря на приобретение им в XVIII веке многих новых привилегий. Ни один закон не мешал представителям буржуазии разоряться, как и не помогал им богатеть. Тем не менее, он постоянно обогащался и даже, случалось, становился богаче дворянина [Токвиль 2008, с. 78].

Неравенство в области налогов установилось на всём европейском континенте, однако во Франции год от года оно всё сильнее разобщало людей. Наконец, они стали не просто соперниками, но и врагами [Токвиль 2008, с. 83]. Феодализм никогда не внушал французам столько ненависти, как перед своим исчезновением. Деспотизм Людовика XIV воспринимался ими гораздо легче, чем политика Людовика XVI. Народом двигало горькое чувство обиды и беспримерное желание изменить своё положение. Ненависть к неравенству побуждала французов желать полного искоренения оставшихся установок Средневековья, чтобы построить равноправное общество [Токвиль 2008, с. 182].

1. 4. 2. Основные события Великой французской революции

Великая французская революция принадлежит к числу наиболее крупных этапов не только в истории Франции, но и во всемирной истории. Действительно, разлом, произошедший на рубеже XVIII – XIX веков, был настолько мощным, что ему трудно найти аналог [Обломовский 1947, с. 9].

В целом, главными причинами революции были новые установки, относящиеся к условиям существования общества [Токвиль 2008, с. 18]. Она должна была очистить человеческий ум от всех прежних идей: уничтожить

отжившие феодальные порядки, устоявшиеся формы власти, опровергнуть признанные авторитеты и многое другое [Токин 1932, с. 36]. По мнению А. Ш. А. К. Токвиля, революция была лишь продолжением долгой работы, насильственным окончанием творения, над которым трудились десять поколений. Более того, если бы она не свершилась, то старая социальная постройка всё равно бы однажды разрушилась [Токвиль 2008, с. 29].

Существенной особенностью Великой французской революции был народный характер. Буржуазия выступала против феодализма и абсолютизма совместно с народом. Однако главной движущей силой революции являлось крестьянство [Ревуненков 2003, с. 7].

А. Ш. А. К. Токвиль утверждал, что, «несмотря на свой атеистический характер, Великая французская революция, как ни одна другая, похожа на религиозную революцию» [Токвиль 2008, сс. 21–22]. Дело в том, что обычно религии рассматривают человека самого по себе: вне страны его проживания, которая могла оказать на него влияние. Великая французская революция рассматривала гражданина также отвлечённо. В некотором смысле она стремилась к разрушению всех границ. Революция сближала и разделяла людей, делая врагами соотечественников и братьями чужеземцев. Она сформировала над отдельными национальностями общее духовное отчество, гражданами которой могли стать люди любой нации.

Главной целью Великой французской революции было возрождение человеческого рода. Во все времена, вплоть до самого Средневековья совершались попытки заменить основные законы своей страны естественными правами человека. Но их попытки провалились [Токвиль 2008, сс. 22–23].

В этом параграфе мы представим историческую картину Великой французской революции, рассмотрев этапы, которые наилучшим образом отражают политическую ситуацию Франции той эпохи. Но прежде всего, скажем несколько слов о ближайших, предшествующих ей событиях, поскольку, с нашей

точки зрения, они стали кульминацией того, что существовало при Старом порядке и, соответственно, самим истоком революции.

Можно предположить, что обстановка, которая сложилась во Франции незадолго до начала революции, была обусловлена, в первую очередь, погодными условиями. Сильнейший град в июле 1788 года уничтожил урожай зерновых во многих провинциях, а суровая зима погубила многие виноградники и часть урожая огородных культур. В результате цены на продовольствие значительно подскочили, снабжение рынков хлебом и другими продуктами резко ухудшилось [Ревувенков 2003, с. 7].

Экономическое положение в Париже у многих было очень тяжелым. Зимой 1788/89 годов насчитывалось до 80 тысяч безработных. За четыре месяца до начала революции во Франции произошло более 300 бунтов. Как в городах, так и в сельской местности тысячи вооружённых людей совершили походы за хлебом. Толпы крестьян вторгались в замки или монастыри и забирали имевшийся там хлеб, а также заставляли сеньоров или аббатов отказываться от своих прав [Ревуненков 2003, с. 67].

Прямые и косвенные налоги на третье сословие увеличивать было больше нельзя. У монархии имелся всего один выход: вынудить платить налоги и привилегированные сословия. Однако дворянство и высшее духовенство оказали сопротивление.

5 мая 1789 года в Версале, в просторном зале дворца «Малые забавы», состоялось торжественное открытие Генеральных штатов. Конфликт между сословиями начался уже на следующий день, когда депутаты духовенства и дворянства собрались на отдельные заседания, чтобы приступить к проверке полномочий. Тем самым они давали понять, что Генеральные штаты будут заседать и голосовать по сословно. Но депутаты третьего сословия отказались от создания своей отдельной палаты и пригласили депутатов других сословий к совместной работе. Между ними начались долгие переговоры, в которые

вмешался даже король (Людовик XVI), требуя посословного голосования. Тем не менее, депутаты третьего сословия, на стороне которых была поддержка большинства народа, твёрдо стояли на своём [Ревуненков 2003, сс. 67–68].

В итоге к депутатам третьего сословия присоединились около 20 депутатов от духовенства. На заседании 17 июня они провозгласили себя Национальным собранием, призвав народ прекратить уплату налогов. Этот революционный акт нашёл широкий отклик во Франции и оказал решающее воздействие на позицию духовенства. Через два дня многие депутаты духовенства также присоединились к третьему сословию. Будучи крайне возмущённым, король распорядился закрыть зал «Малых забав». Тогда утром 20 июня депутаты третьего сословия собрались в зале для игры в мяч и дали знаменитую клятву не расходиться до тех пор, пока не выработают для своей страны конституцию.

6 июня король отдал приказ о концентрации в окрестностях Парижа и в самом Париже армии в 20 тысяч человек. Прибытие войск сразу сделало атмосферу в городе более напряжённой. Толпы народа творили восстания. В основном они нападали на оружейные лавки, чтобы оказать отпор прибывшим войскам и достать продовольствие.

Утром 14 июля 7 или 8 тысяч человек напали на Дом инвалидов, подвалы которого представляли крупнейший арсенал [Кропоткин 2012, с. 56]. Но главным событием этого дня стало взятие Бастилии, что послужило началом революции. В сознании современников это восстание является символом падения всего Старого порядка [Ревуненков 2003, сс. 77–78].

Во второй половине июля и в августе 1789 года Франция пережила «агарную революцию», которая положила начало ликвидации феодальных порядков в деревне. Крестьянские восстания вспыхнули почти одновременно в разных частях страны в конце июля и продолжались в большинстве провинций до первых чисел августа, а в некоторых местностях даже до конца этого месяца. Добавим, что во многих провинциях крестьянским восстаниям предшествовало

возникновение «великого страха», под которым подразумевают период всеобщей паники во Франции (19 июля – 8 августа 1789 года).

Почти везде крестьяне действовали одинаково. Они объединялись в отряды по 150-200, иногда по 300-400 человек и являлись к замку местного сеньора, требуя, чтобы он выдал им феодальные документы, где были записаны их повинности. Если сеньор шёл на уступки, они торжественно сжигали документы и заставляли его подписать специальную бумагу об отказе от своих феодальных прав (на этот случай крестьяне приводили с собой местного нотариуса). Если же сеньор отказывался, они подвергали замок разгрому: насильственно изымали и жгли феодальные документы, уничтожали имущество, угоняли скот, расхватывали продовольствие, а иногда даже поджигали замок. Крестьяне также врывались в города, где громили конторы нотариусов, у которых хранились архивы сеньоров. Имели место и убийства сеньоров [Ревуненков 2003, с. 83].

Не только буржуазии, но и дворянству становилось ясно, что остановить крестьянское движение невозможно. 4 августа началось знаменитое «ночное» заседание Учредительного собрания, в которое в 1789 году было переименовано в Национальное собрание. Перелом в ходе обсуждения крестьянского вопроса на этом заседании внесли некоторые аристократы. Кроме слов сочувствия крестьянам, у них нашлись проекты реформ. По их мнению, несмотря на то, что восстания были, по большей части, преступными, крестьян можно было оправдать.

В течение ночи с 4 на 5 августа были одобрены многие уступки крестьянам, которые затем оформили декретом 5-11 августа относительно «уничищения привилегий». Первая статья декрета гласила: «Национальное собрание полностью уничтожает феодальный порядок». Все феодальные повинности, вытекавшие из личной зависимости крестьянина, отменялись безвозмездно. Упразднялись серваж, церковная десятина и множество дворянских прав.

Декрет 5-11 августа провозгласил равенство всех граждан перед законом в налогах, равный для всех доступ к должностям, отмену особых привилегий провинций и городов. Таким образом, они положили начало всей социально-юридической структуры Старого порядка [Ревуненков 2003, сс. 86 – 87].

26 августа 1789 года была принята «Декларацией прав человека и гражданина», которая служила своеобразным введением к первой французской конституции. Теоретической основой этого документа было учение просветителей о прирожденных правах человека, которым должен был соответствовать новый общественный строй, идущий на смену Старому порядку.

В первой статье декларации говорилось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Во второй – гарантировались «естественные и неотъемлемые права человека», под которыми понимались «свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». Источником верховной власти объявлялась нация, а закон – выражением «общей воли». Всем гражданам предоставлялось право участвовать в выработке законов либо лично, либо через своих представителей. Провозглашался свободный доступ для всех ко всем службам. Объяжалось, что налоги должны распределяться равномерно между всеми гражданами. В Декларации говорилось: «Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека». Каждому гражданину предоставлялась возможность «высказываться, писать и печатать свободно, под угрозой ответственности лишь за злоупотребление этой свободой». Седьмая статья гласила: «Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и при соблюдении форм, предписанных законом». А в семнадцатой было написано: «Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен её иначе, как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения».

Однако Людовик XVI отказался не только утвердить декларацию, но и санкционировать декрет 5-11 августа. В отношениях между королем и Учредительным собранием возник кризис [Ревуненков 2003, сс. 88–89].

В Париже обстановка становилась всё более напряженной. Хотя урожай 1789 года был неплох, подвоз хлеба не увеличился. Он по-прежнему был дорог, его не хватало. У булочных выстраивались длинные очереди. Нередко возникали драки. Резко сократилось производство предметов роскоши, так как многие аристократы и богачи выехали из столицы. И без того большую армию безработных и голодных пополнили рассчитанные хозяевами слуги, подмастерья, мануфактурные рабочие.

В сентябре волнения рабочих и безработных усилились. 5 октября вооружённая толпа в 6 или 7 тысяч человек двинулась на Версаль. Люди пришли в Учредительное собрание, чтобы, прежде всего, потребовать хлеба. Собрание решило направить депутацию к королю с требованием безотлагательного утверждения Декларации прав и других законов. Теперь король должен был принять решительные меры для обеспечения столицы продовольствием. Около одиннадцати часов вечера того же дня он известил о своём согласии утвердить Декларацию и других законов [Ревуненков 2003, сс. 91 – 94].

Декретом 8 октября 1789 года был изменён традиционный титул французских королей: до того момента Людовик XVI был «королём Франции» (фр. «*Roi de France*»). Теперь он стал «королём французов» (фр. «*Roi des Français*»). Оставаясь главой государства, Людовик XVI мог править лишь на основании закона, который уже не являлся выражением королевской воли.

Все эти события были завершающим моментом начального этапа революции. Абсолютизм во Франции был окончательно уничтожен. Праздник Федерации (14 июля) способствовал дальнейшему сплочению всех областей страны вокруг Парижа и сыграл большую роль в закреплении завоеваний [Ревуненков 2003, с. 100].

Несколькоими декретами, принятыми в июне-ноябре 1790 года Национальное собрание осуществило так называемое «гражданское устройство духовенства»: провело реформу церкви, лишившую её прежнего привилегированного положения в обществе. В результате, закрыли часть монастырей, сократили число епархий, а также упразднили все церковные титулы, кроме епископа и кюре.

С мая 1790 года право объявлять войну и заключать мир перешло к Национальному собранию. Декретом от 19 июня 1790 года были отменены институт наследственного дворянства и все связанные с ним титулы. Называть себя маркизом, графом запрещалось [Ревуненков 2003, сс. 117–118].

Эти реформы в значительной степени преобразили страну. Однако неравенство в налогообложении отнюдь не было ликвидировано. Основная его тяжесть по-прежнему падала на крестьянство. Интересы широких народных масс игнорировались. Обстановка в деревне оставалась напряженной. Декрет от 5-11 августа, объявивший феодальный порядок «полностью уничтоженным», пробудил большие надежды среди крестьян. Поджоги замков прекратились. Но время шло, а феодальные повинности всё ещё продолжали их обременять, и с ноября 1789 года началась новая волна крестьянских беспорядков.

Центром интриг, направленных против революции оказался королевский двор. В действительности, Людовик XVI противодействовал всем актам Национального собрания, тем самым возмущая народ вероломством и лживостью.

Вступив в тайную переписку с иностранными дворами, он строил планы вооруженного переворота. Монархию часто критиковали в демократической печати и клубах, доказывая преимущества республиканского строя [Ревуненков 2003, с. 132].

В ночь с 20 на 21 июня 1791 года Людовик XVI вместе со всей своей семьёй бежал из Парижа. Замысел заключался в том, чтобы добраться до крепости Монмеди, и, опираясь на армию французского генерала Ф. К. де Буйе (François

Claude Amour, marquis de Bouillé, 1739–1800) австрийского войска, а также отряды эмигрантов, предпринять поход на Париж. В итоге, он надеялся разогнать Национальное собрание и восстановить свою неограниченную власть. Однако его планы были сорваны. Утром 22 июня королевская семья была отправлена обратно в Париж. И, будучи фактически отстранённым, Людовик XVI был заточён в крепость Тампль (средневековая крепость в Париже).

Известие о бегстве короля и задержании его в Варенне подняло на ноги все окрестные города и сёла. Повсюду жители вооружались. Опять начались нападения на замки. В истории это событие принято называть «Варенский кризис».

3 сентября 1791 года Национальное собрание приняло окончательный текст конституции и представило её на утверждение короля. 13 сентября он дал конституции свою санкцию и на следующий день принёс присягу на её верность. Таким образом, создался режим конституционной буржуазной монархии, который представлял собой крупный шаг вперёд [Ревуненков 2003, с. 145–146].

30 сентября 1791 года Национальное собрание было разогнано. И 1 октября того же года открылось Законодательное собрание, в состав которого вошло 745 депутатов. Все они были новыми людьми, поскольку члены Национального собрания объявили себя не подлежащими переизбранию. Если в нём половина мест принадлежала представителям дворянства и духовенства, то в Законодательном собрании лиц дворянского происхождения и священников было совсем немного (около 20 священников и почти столько же бывших дворян). Подавляющее большинство депутатов принадлежало к буржуазии [Ревуненков 2003, с. 149].

В состав Законодательного собрания выходили представители Клуба фейянов (либералы-монархисты, сторонники конституции 1791 года), а также члены Якобинского клуба. Фейяны считали революцию законченной и не поддерживали проведение дальнейших реформ. Для якобинцев революция была

не завершена, в связи с чем они отстаивали необходимость новых политических преобразований. Представители Якобинского клуба со временем стали расходиться во мнениях. Впоследствии образовалась новая группа, лидерами которой были депутаты от департамента Жиронды, такие, как, например, Жак-Пьер Бриссо (Jacques Pierre Brissot, 1754–1793) или Маргерит-Эли Гаде (Marguerite Élie Guadet, 1755–1794). Современники называли эту группу жирондистами. Будучи адвокатами, литераторами и журналистами, они выдвигались на роль ведущей политической группировки буржуазии, позднее закрепив за собой положение ведущей политической силы в стране [Ревуненков 2003, с. 150].

Жирондисты стояли за войну. Выступая 16 декабря в Якобинском клубе, Ж. П. Бриссо заявил: «Народ, завоевавший себе свободу после десяти веков рабства, нуждается в войне. Война нужна для упрочения свободы, для очистки её от пороков деспотизма, для избавления её от людей, могущих её извратить». Его воинственную позицию разделяли остальные лидеры Жиронды, которые хотели закрепить победу буржуазии над дворянством, довести революцию до буржуазной республики [Ревуненков 2003, сс. 156–157].

С самого начала деятельности Законодательного собрания Людовик XVI старался вернуть себе первенствующее положение, утраченное им при Национальном собрании. Однако большинство обвиняло его в двуличии и злоупотреблении правами [Ревуненков 2003, с. 150].

10 августа 1792 года толпы народа двинулись на королевский дворец Тюильри и взяли его штурмом. Это восстание знаменовало собой подъём Великой французской революции на более высокую ступень своего развития: король был низложен, а режим буржуазной монархии, оформленный конституцией 1791 года, фактически рухнул [Ревуненков 2003, с. 208].

21 сентября 1792 года Национальный конвент провозгласил Францию республикой. Большинство требовало, чтобы Людовика XVI предали суду и

наказали соразмерно тяжести своих преступлений. В его виновности не сомневался никто, но вместе с тем многие люди из народа, особенно крестьяне саму идею казни короля находили ужасной. Их мнение разделяло большинство жирондистов, ссылаясь на то, что по конституции 1791 года гарантировалась неприкосновенность особы короля [Ревуненков 2003, с. 243].

21 января 1793 года Людовик XVI был гильотинирован на площади Революции [Бакс 1918, с. 56] Вслед за ним в октябре казнили и его жену, Марию-Антуанетту (Marie-Antoinette, 1755–1793). Это событие положило конец многовековой истории французской монархии, полной преступлений против народа. Однако, убив короля, Конвент бросил вызов всему институту монархии, из-за чего практически вся остальная Европа ополчилась против Французской Республики [Ревуненков 2003, с. 253].

С этого момента начинается эпоха террора, основанная, в первую очередь, на политическом конфликте якобинцев и жирондистов, ставших друг для друга противоборствующими сторонами. Жирондисты хотели такой республики, в которой были бы обеспечены привилегии богатства. Они выражали интересы тех слоёв буржуазии, состояние которых возникло ещё при Старом порядке и значительно выросло в годы революции. Эти слои всячески противились ограничениям собственности и экономической свободы.

Один из наиболее влиятельных деятелей Великой французской революции, якобинец М. Ф. М. И. Робеспьер (Maximilien François Marie Isidore de Robespierre, 1758–1794) упрекал жирондистов в том, что они хотят построить республику только для себя, собираются править страной исключительно в интересах богачей. Он противопоставил им «истинных патриотов», которые будут стараться основать республику на принципах равенства и всеобщего блага [Ревуненков 2003, с. 228]. По нему, для того чтобы основать и укрепить демократию, прийти к мирному господству конституционных законов, необходимо пережить революцию [Ревуненков 2003, с. 362]. Главным оружием «революционного

правительства» он объявлял террор, утверждая, что деспотизм свободы против тирании и есть революционное правление. Добавим, что позднее М. Ф. М. И. Робеспьер требовал даже усиления террора.

Французский революционер Л. А. Л. Сен-Жюст (Louis Antoine Léon de Saint-Just, 1767–1794) заявил: «Мы призваны изменить природу европейских государств; мы не должны отдыхать до тех пор, пока Европа не будет свободной; её свобода будет гарантировать прочность нашей свободы. Французский революционер Ж. Р. Эбер (Jacques René Hébert, 1757–1794) также считал, что Франция должна воевать до полного уничтожения «всех тиранов». Окончание войны ему представлялось таким: «Все троны разбойников низвергнуты, все народы, наконец, свободны. Он требовал, чтобы богатые были лишены возможности «собирать безмерные богатства», и их заставили довольствоваться «скромной прибылью» [Ревуненков 2003, с. 418].

Декрет от 10-11 июня оказался беспощадным по отношению к «правам» бывших сеньоров: все их права на общинные земли аннулировались. Конституция, принятая 24 июня, закрепляла такие завоевания народа, как республика, всеобщее избирательное право, широкие демократические свободы [Матье 1928, сс. 141–142]. Она гарантировала всем французам «право выражать свои мысли и свои мнения, как посредством печати, так и любым другим способом», «право объединяться в народные общества», «право на образование» и другие права. Конституция гарантировала неприкосновенность частной собственности [Ревуненков 2003, с. 310].

19 марта 1793 года принимается закон, на основании которого было произведено большинство казней. Это был знаменитый «Закон о наказании мятежников». Система революционного правосудия предполагала, что аресту подлежат не только лица, совершившие определённые преступления, но и те, ко-

торые, представлялись «подозрительными». Их не надлежало ни предавать суду, ни предъявлять им какие-либо обвинения, а просто содержать в тюрьме до заключения мира.

Таким образом, тюремы эпохи террора оказались забитыми не столько дворянами и священниками, сколько людьми из народа [Ревуненков 2003, с. 375].

2 июня 1793 года было низвергнуто господство Жиронды. Процесс жирондистов был завершён, и 31 октября того же года их казнили [Ревуненков 2003, с. 373]. Террор не обошёл и Ф. Ж. М. Ренуара, который разделял их взгляды: к счастью, печальная участь своих единомышленников обошла его стороной, но он был заключён в одну из старинных парижских тюрем и довольно длительное время провёл в заточении [Сумарокова 2016, с. 55]. Отметим, что, будучи осуждённым, Ф. Ж. М. Ренуар написал трагедию «Катон Утический» (1794 г.), которая имела антиякобинскую направленность, и, представляя собой протест против тирании, прославляла свободу.

Период якобинской диктатуры закончился Термидорианским переворотом, который привёл к казни Робеспьера (27 июля 1794 года). Тем не менее, его жёсткая политика фактически ликвидировала феодальные порядки в деревне. Именно им были впервые произнесены слова «Свобода, Равенство, Братство» (фр. *Liberté, Égalité, Fraternité*), ставшие национальным девизом Франции [Петрункевичъ 1917, с. 27].

Переворот 18 брюмера (9 ноября 1799 года) считается окончанием Великой французской революции. В результате его был установлен новый политический режим во главе с Наполеоном Бонапартом (Napoléon Bonaparte, 1769–1821) [Гусейнов 1989, с. 138].

1. 4. 3. Наполеоновская эра и Реставрация Бурбонов как продолжение Великой французской революции

Несмотря на то, что «Наполеоновская эра» (1799 – 1814) и «Реставрация Бурбонов» (1814 – 1830) являются отдельными историческими этапами развития политической мысли, многие учёные, такие, как А. Ш. А. К. Токвиль или российский историк К. В. Рыжов (1964 г.) видели в них продолжение революционного движения.

Будучи юнкером артиллерии, получившим военное образование, Наполеон возлагал на революцию большие надежды. В начале своего пути он, ещё не столько француз, сколько корсиканец, больше интересовался делами Корсики. Однако с каждым годом всё активнее включался в общественно-политическую жизнь Франции, выступая на народных собраниях и митингах. Наполеон зачитывался произведениями Руссо и других просветителей, мечтал о «изложении королей», которых всех считал «тиранами». Резко осуждая общественный строй, основанный на разделении на богатых и бедных, он был недоволен тем, что земля находится в руках тех, кто ничего не делает, а человек труда не имеет почти ничего [Ревуненков 2003, с. 205].

В 1791 году он записался в местный Якобинский клуб и вскоре стал его секретарём. Во время Вареннского кризиса Наполеон требовал свержения Людовика XVI и суда над ним, а также написал небольшой трактат «Республика или монархия?», в котором вполне определенно высказался за республику. Более того, в 1804 году Наполеон составил Кодекс (Гражданский кодекс), где закрепил такие фундаментальные принципы 1789 года, как равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности и собственности, свобода совести и др. В целом этот документ обладал большим прогрессивным значением, представляя собой символ революции [Ревуненков 2003, с. 582].

Выступая против феодализма и монархии, Наполеон принял якобинский террор, доведя до совершенства новую, созданную крупнейшей революционной армией, стратегию. Главный источник военной мощи современной Франции он видел в самой революции, поскольку, на его взгляд, после неё люди действительно были на многое способны [Ревуненков 2003, с. 599].

Победы в Италии (1797 г.) пробудили в нём честолюбивые мечты о власти. Падение Милана – главной цитадели австрийского владычества в Италии произвело огромный морально-политический эффект. Итальянские государи были объяты ужасом перед Бонапартом и покорно склонялись перед ним [Ревуненков 2003, с. 505]. Много времени спустя, уже на Святой Елене, он вспоминал, что именно в Италии почувствовал себя человеком, призванным влиять на судьбу народа.

В декабре 1797 года Бонапарт вернулся в Париж, где ему был оказан восторженный приём. В Северной Италии осталась 20-тысячная французская армия, «чтобы охранять свободу народов», как говорилось во французских бюллетенях [Ревуненков 2003, с. 513].

Несмотря на то, что его поход в Египет (1798 г.) оказался настоящей катастрофой, большинству французов он вовсе не представлялся полководцем, потерпевшим неудачу. Напротив, в их глазах он был генералом, которому сопутствует лишь победа, и который к своей прежней славе «освободителя» Италии добавил новую славу «освободителя» Египта [Ревуненков 2003, с. 541].

Отметим, что у Наполеона имелись и враги. Видя в нём «нового тирана», замышляющего гибель республики, они сходились в небольшие кружки, где обсуждали планы его убийства.

Наполеон был возмущён политикой Директории. На смену её неустойчивому режиму, который не смог устраниТЬ опасность, исходящую от роялистов, пришла бонапартистская диктатура [Ревуненков 2003, с. 536].

Свою главную цель Бонапарт видел в создании «сильной власти», «сильного правительства». И первым его шагом к достижению поставленной цели был Консулат, вторым – Империя. Первоочередным делом временного Консулаты была выработка новой конституции. В ней были сформулированы положения, направленные на то, чтобы устраниить из государственного устройства всякие «излишки демократии». Она была введена в действие 24 декабря 1799 года.

2 августа 1802 года Сенат объявил Наполеона Бонапарта пожизненным первым консулом республики. Одновременно были внесены весьма существенные изменения в конституцию VIII года. Будучи пятой по счёту, она фактически уничтожала республику, сохранив лишь её название и некоторые из её форм. Власть Бонапарта делалась не только пожизненной, но и наследственной [Ревуненков 2003, с. 569].

Сенатус-консультом 18 мая 1804 года Наполеон был провозглашён «императором французов». 2 декабря 1804 года в Соборе Парижской Богоматери состоялась коронация Наполеона и Жозефины де Богарне (*Joséphine de Beauharnais*, 1763–1814). Корону на голову Наполеона возложил не папа, а он сам, как и корону поменьше – на преклонившуюся перед ним Жозефину. Современники справедливо увидели в этой двойной коронации явное стремление Бонапарта к восстановлению прежней каролингской империи [Ревуненков 2003, с. 577].

Империя Наполеона стремительно приобретала черты монархии со всеми её атрибутами. К 1810 году его могущество достигло своего апогея. Территория самой Франции сильно расширилась. В «новых департаментах» проживали итальянцы, немцы, бельгийцы, голландцы, даже хорваты и албанцы. Братья и сёстры Наполеона заняли престолы Европы. Под властью французского самодержца находились страны с общим количеством населения в 75 миллионов человек. Франция получала колоссальные доходы с оккупированных стран, в её

«Великой армии» служили сыновья почти всех наций Европы [Ревуненков 2003, с. 598].

Однако с каждым годом войны политика Наполеона становились всё больше и больше похожей на ограбление. Республикаанская армия перерождалась. Демократические порядки в ней постепенно отменялись. На первый план выходили честолюбие, карьеризм, жажда наживы [Ревуненков 2003, сс. 502–503].

Война в Испании опозорила армию Бонапарта и способствовала её моральной деградации. Она была уже многонациональной, «европейской», что послужило одной из главных причин её гибели в России в 1812 году.

Советский и российский историк В. Г. Ревуненков (1911–2004) в своём труде «История французской революции» (2003 г.) писал: «Испанская война особенно ярко выяснила новые черты в психологическом складе Наполеона, которые проявлялись и ранее, а теперь стали пугать даже его ближайших сподвижников. Во время своего похода в Италию Бонапарт проявил себя смелым полководцем, но осторожным политиком, способным пойти на самоограничение и компромисс. Однако привыкший к непрерывным победам и длительной власти император, не переставал приобретать черты азартного игрока, который, проиграв крупную ставку, продолжает игру и, наконец, проигрывает всё» [Ревуненков 2003, сс. 593–594].

Несмотря на то, что деспотичная политика Наполеона ликвидировала республику, о возвращении к феодальному прошлому не было и речи. Она сохранила и упрочила все завоевания революции в социально-экономической сфере, став важным звеном в процессе утверждения нового, буржуазного строя на европейском континенте [Ревуненков 2003, сс. 14–15]. В. Г. Ревуненков отвечал: «Сыграв роль мощного тирана, своими декретами Бонапарт устранил последние следы Средневековья. Полный разгром феодально-абсолютистской Европы Наполеоном нанёс феодализму смертельный удар» [Ревуненков 2003, с. 633].

«Наполеоновская эра», а именно попытки основать новую династию и европейскую империю стали классическим примером того, что ожидает всякого претендента на европейское или даже мировое господство.

«Реставрация Бурбонов» произошла благодаря победе над Наполеоном. Династия вновь заняла престол и правила с 1814 по 1830 год [Янковяк-Коник 2012, с. 7]. Этот период связан, в первую очередь, с правлением Людовика XVIII, который вступил на престол 6 апреля 1814 года. Однако к политике король не проявлял ни малейшего интереса. Советский и российский историк К. В. Рыжов (род. 1964 г.) в своём труде «Все монархи мира» (2001 г.) так писал о нём: Он буквально страшился государственных забот и, в принципе, избегал всякий труд.

Ни во что не углублялся серьёзно, и салонные сплетни занимали его гораздо больше, чем заседания совета министров и выработка законопроектов» [Рыжов 2001, с. 232].

Французы и без того испытывали ненависть к Бурбонам, а фактическое равнодушие Людовика XVIII к своей стране только усиливало общественное недовольство. Он почти нигде не находил поддержки. Армия его покинула. И даже роялисты не скрывали своего возмущения относительно пассивности короля. К. В. Рыжов (род. 1964 г.) подчёркивал: «Людовик XVIII имел очень ясный и скептический ум, мало способный поддаваться иллюзиям. Может быть, лучше всех других дворян-эмигрантов он понимал, что Франция уже не та, и что управлять ей надо по-другому» [Рыжов 2001, с. 232].

Время царствования Людовика XVIII делится на два этапа. Дело в том, что в 1815 году произошло неожиданное возвращение Наполеона. Ненависть народа к Бурбонам была настолько сильна, что все перemetнулись на сторону Бонапарта [Ревуненков 2003, с. 622]. На сей раз у власти он продержался совсем недолго. Битва при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) стала последним крупным сражением французского императора. Не прошло и года, как французский трон снова занял Людовик XVIII и царствовал до 1824 года.

После смерти короля престол перешёл к его младшему брату Карлу X (Charles X, 1757–1836). Но уже в 1830 году в результате трехдневной Июльской революции («Три славных дня») правлению династии Бурбонов пришёл конец. Причиной восстания стала консервативная политика Карла X, целью которой было восстановление общественных порядков, царивших до Великой французской революции [Литтлвуд 2008, с. 131].

Добавим, что новым королём Франции стал герцог Орлеанский Луи Филипп (Louis-Philippe I, 1773–1850). Однако Февральская революция (1848 г.), главной задачей которой было установление гражданских прав и свобод, вылилась в отречение самого короля, провозгласив тем самым Вторую французскую республику. Таким образом, все действия, направленные на возвращение абсолютизма заканчивались крахом.

Практически все труды Ф. Ж. М. Ренуара, например, «Основы грамматики романского языка» (*«Éléments de la grammaire de la langue romane»*, 1816) или шесть томов «Избранной поэзии трубадуров» (*«Choix des poésies originales des troubadours»*, 1816-1821) вышли в периоды Наполеоновской эры и Реставрации Бурбонов. Однако, с нашей точки зрения, именно Великая французская революция, точнее, разрушение ею Старого порядка способствовало формированию научного мнения учёного. Как мы увидели в этом разделе, события, происходящие в конце XVIII – первой половине XIX века отражали философские идеи романтизма, в первую очередь, её главную черту – «стремление к свободе». Преобразования революции и их последующее укрепление послужили дополнительными катализаторами развития этой черты, значительно усилив её влияние. Такие слова и словосочетания, как падение абсолютизма, равноправие, устранение привилегий, крушение феодального строя и некоторые другие стали, своего рода, синонимами слова «свобода».

1. 5. Искусство Франции конца XVIII – первой половины XIX вв. и его влияние на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара

1. 5. 1. Романтизм в искусстве Франции

Философия эпохи романтизма также отразилась на искусстве. Чтобы это показать, мы представим его в целом и, поскольку видов искусства существует, как известно, очень много, рассмотрим основные из них с опорой на наследие Франции.

Исходя из того, что истоком романтизма принято считать движение «Бури и натиска», а оно получило название по драме немецкого писателя Ф. М. фон Клингера, можно утверждать, что литература является одним из важнейших источников всей романтической эпохи.

Герой романтической литературы хорошо отражает портрет личности эпохи романтизма. Для него было характерно состояние внутреннего дискомфорта, что служило почвой для конфликта с реальностью, от которой он бежал. Романтический герой – человек беспокойный, настроенный пессимистично из-за критического взгляда на мир [Голиков 2014, с. 7]. Он враждебно относится ко всему застойному и косному. Его тяготит ограниченность и узость социума. Интерес представляет всё невоплощенное [Гуревич 1970, с. 7]. Советский и российский литературовед Д. Д. Обломовский (1907–1971) так писал о герое романтической литературы: «Совершая попытку вырваться на широкий простор, герой вступает в более сложные связи. Но поскольку не может, как абстрагироваться от установок прежнего общества, так и принять новое, царит хаос, который идёт от внутренних противоречий. Дисгармония усиливает критическое отношение к миру, тем самым повышая уровень одиночества. В итоге, он совсем отрывается от реальности и начинает жить в своих мечтах» [Обломовский 1947, с. 10].

О состоянии литературы много размышлял И. Г. Гердер. Говоря о том, что подражание древним делает литературу безжизненной, он призывал писателей начать новый омолаживающий круг культурного развития Европы [Гайм 2011, с. 18].

«Романтической» считалась вся европейская литература, которая отказалась от законов классицизма и не являлась копированием античной. В первую очередь, к ней относились средневековые рыцарские романы.

Центром литературной мысли стал замок французской писательницы А.-Л. Ж. де Сталь (Anne-Louise Germaine de Staël-Holstein, 1766–1817) в Коппе (рядом с Женевой), оказавшей сильное влияние на всех, кто читал её сочинения. Их называли «группой Коппе». Они имели решающее значение для дальнейшего развития литературы. Выступая против укоренившихся предрассудков и косности литературы, группа Коппе создала особую литературную философию. В своей реформаторской деятельности её участники не только опирались на местные французские тенденции, но и объяснили французам зарубежные произведения. Благодаря им писатели, осознав новые задачи, сумели выразить чувства, которые были недоступны для рационалистической позиции позднего классицизма [Реизов 1962, с. 6].

В литературном творчестве романтизма выдигался индивидуальный характер человека. Подчёркивалась его неповторимость и самобытность. Особое внимание уделялось к внутреннему миру человека, что было связано с развитием предромантических движений, таких, как, например, сентиментализм [Габитова 1989, с. 129].

Литературное наследство А.-Л. Ж. де Сталь огромно. В 1800 году она публикует двухтомный труд «О литературе», изложив свои взгляды на искусство в духе либеральных романтиков. В 1802 году выходит её знаменитый роман «Дельфина». Представляет собой протест против церковных устоев, восхваление революции [Мендаль 2014, с. 147].

Большое значение для формирования романтической литературы имела идея культурного релятивизма, важнейшим памятником которой стал роман А.-Л. Ж. де Сталь «Каролина или Италия» (фр. «*Corinne, ou l'Italie*», 1807 г.). Главные герои оказываются чужеземными друг для друга и должны определить свою позицию по отношению друг к другу через соотношение национальных культур. Английский лорд Освальд Нельвиль обладает «северным», меланхоличным психологическим складом. В то время как Коринна представляет собой южную цивилизацию Италии с её живостью и свободой. Их общение – попытка преодолеть культурную чуждость двух стран. В итоге Коринна гибнет в родной для Нельвиля, но чужой для себя цивилизации. Герои представляют две полярные национально-культурные позиции, которые в произведении искусно опосредованы третьим персонажем – французским графом д’Эрфейлем, который выражает среднеевропейский культурный стандарт [Зенкин 2001, с. 52].

Культурный релятивизм способствовал смягчению нравов. Особую ценность в противовес подвигам приобретают созидательные поступки людей, в результате чего наблюдается упадок такого жанра, как ода. Например, в стихотворении знаменитого французского писателя В. М. Гюго (Victor Marie Hugo, 1802–1885) «Волхвы» (фр. «*Les Mages*») из Сборника «Созерцания» (фр. «*Les Contemplations*», 1856 г.) прославляются люди творческие, а не герои-полководцы [Зенкин 2001, с. 39].

Помимо перечисленных авторов к ведущим писателям эпохи романтизма относятся Ф. Р. де Шатобриан (François-René, vicomte de Chateaubriand, 1768–1848), А де Ламартин (Alphonse Marie Louis de Prat de Lamartine, 1790–1869), А. де Миоссе (Alfred de Musset, 1810–1857), В. М. Гюго (Victor Marie Hugo, 1802–1885) и другие.

Ф. Р. де Шатобриан родился в дворянской семье, отличавшейся консервативными политическими взглядами. К тому же получил строгое религиозное воспитание и даже собирался стать священником. Однако судьба

открыла ему доступ ко двору, где, оказавшись в центре политической системы, он увидел глубокий упадок королевской власти во Франции. Вследствие этого у будущего писателя сформировалось скептическое отношение к аристократической культуре, монархии Бурбонов, французскому абсолютизму, и, в принципе, к Старому порядку.

Интересно то, что первым произведениям Ф. Р. де Шатобриана стала работа философского характера: «Политический, исторический и моральный опыт о революциях древних и современных» (*фр. «Essai historique, politique et moral sur les révolutions anciennes et modernes, considérées dans leurs rapports avec la Révolution française»*, 1797 г.), в которой автор изложил свои мысли относительно устройства общества Франции тех времён. По нему, государственная власть является неизбежным злом. Выступая за демократию, он, тем не менее, утверждал, что человек остается рабом в любых общественных условиях, поскольку идеальный социум существует только в потустороннем мире [Обломоский 1947, с. 28].

Одним из самых известных произведений Ф. Р. де Шатобриана является повесть «Атала или любовь двух дикарей в пустыне» (*фр. «Atala, ou les Amours de deux sauvages dans le désert»*, 1801 г.). Ф. Р. де Шатобриан разделял учение Ж. Ж. Руссо о цивилизации и природе. Вслед за французским мыслителем он считал, что причиной деградации общественных нравов служит подъём культуры. Материальный прогресс общества представляется Ф. Р. де Шатобриану ничтожным. Технические завоевания человека он называл жалкой копией явлений природы.

Главные герои повести «Атала или любовь двух дикарей в пустыне», индейцы Шактас и Атала живут в диких лесах. Шактас странствует по Европе. Автор описывает неудачи, постигшие его на этом пути: он вечно чувствует себя чужим и решает вернуться на родину.

Критика культуры, создаваемой человеком, сопровождается у Ф. Р. де Шатобриана осуждением самой человеческой натуры. Он считал, что человек не в состоянии внести гармонию и равновесие в свою душу. Эту мысль писатель выражает, например, через самоубийство Атала, которая не смогла справиться со своими чувствами и эмоциями.

По мнению Ф. Р. де Шатобриана, если источник хаоса заключается в самом человеке, то для того, чтобы спасти его от враждебных сил природы, вовсе не нужно создавать новый строй, который содействовал бы развитию. Необходимо ограничить чувства, подчинив их религии. Таким образом, для идейной концепции повести большое значение имеет роль священника Обри, который выступает в качестве спасителя Атала и Шактаса.

А. де Ламартин происходил из обедневшей дворянской семьи. Был воспитан в религиозно-нравственном духе и вообще в верности Старому режиму. От родителей унаследовал ненависть к общественным порядкам, создавшимся после революции.

Обучение в Иезуитской коллегии укрепило в нём консервативное мировоззрение. Однако дипломатическая карьера А. де Ламартина связал будущего писателя и поэта с монархией Бурбонов, что в корне изменило его видение мира. Помимо этого большую роль в формировании взглядов А. де Ламартина сыграли сочинения А-Л. Ж. де Сталь и Ф. Р. де Шатобриана.

А. де Ламартин делает своим объектом вселенную, расширяя рамки повседневного и камерного существования. Человеческое «я» в его поэзии стремится охватить в своём кругозоре бесконечность. Именно это питает его бунтарство. Герой А. де Ламартина не способен видеть всё в розовом свете. Ему глубоко чужд легкомысленный взгляд на жизнь, из-за чего он замкнут в себе.

Природа рисуется А. де Ламартином как противовес цивилизации, средоточие гармонии и равновесия. В отличие от Ф. Р. де Шатобриана он представлял природу как возможность уйти от общественных проблем. Одним из

наиболее известных произведений А. де Ламартина стала элегия «Озеро» (*фр. «Le Lac»*, 1820 г.). Главный герой теряет свою возлюбленную и находит утешение в природе, помогающей ему пережить утрату. Она выдерживает атмосферу счастья, которое он когда-то испытывал [Обломовский 1947, с. 90].

Французский писатель и поэт А. де Мюссе по своему происхождению принадлежал к доярству. Но его семья не была предана Старому порядку. В своих поэмах он подчёркивал великолепие внешнего мира: прекрасную земную реальность и созданную человеком величественную культуру. Отсюда идёт вихреобразный темп, в котором разворачивается действие его произведений.

Герой одной из наиболее известных поэм А. де Мюссе «Дон Паэс» (*фр. «Don Paes»*, 1829 г.) прочно стоит на земле, полон переживаний. Он энергичен и бесстрашен. Его жизнь насыщена.

Однако в произведениях А. де Мюссе присутствует трагизм. Для него характерны образы ночи и тумана. Главный герой поэмы «Дон Паэс» в конце умирает. Конфликты между людьми носят роковой характер. Причину дисгармонии А. де Мюссе усматривает не в самом материальном мире и не в природе человека, а в тех отношениях, которые установились между людьми из-за их эгоизма [Обломовский 1947, с. 190].

В. М. Гюго с ранних лет был далёк от установок Старого режима. Он критиковал несвободу человека. На его взгляд, именно она порождала среди людей протест. Герой В. М. Гюго всецело обращён к событиям, происходящим в объективном мире. Он реагирует на них с повышенной эмоциональностью: восклицает, восторгается, возмущается и т. д.

Идеал В. М. Гюго видел в яркости и красочности. По нему, жизнь должна быть полной приключений, тайн, опасностей, поскольку необычное и неизведанное требует от человека напряжения всей его духовной энергии.

Герой романа «Ган Исландец» (*фр. «Han d'Islande»*, 1823 г.) Орденер ставит своей целью спасти от гибели отца своей возлюбленной, Иогана Шумахера.

Будучи в прошлом всемогущим канцлером, он становится узником, оклеветанным врагами. Орденер отправляется в поиски за украденной шкатулкой с бумагами, которые могли бы реабилитировать Иогана. Его путь проходит через ряд авантюр. Несколько раз жизнь Орденера чудом спасается от смерти. В итоге он попадает в тюрьму и ему, как государственному преступнику, угрожает казнь [Обломовский 1947, с. 263].

Говоря об искусстве эпохи романтизма, нельзя не рассмотреть живопись, поскольку она является, если не самым наглядным, то одним из самых наглядных видов искусства, и на ней особенно хорошо проиллюстрировать черты изучаемого направления.

Итальянские философы Д. Антисери (1931–2014) и Дж. Реале (Giovanni Reale, 1931–2014) в их труде «Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней» (1997 г.) писали: «Просветители утверждали, что существуют абсолютные образцы искусства, которые были созданы мастерами, максимально развившими свои способности. Основную задачу современного художника они видели в приближении к этим образцам через подражание, считая совершенными творцами античных художников [Реале 1997, с. 4]. В живописи романтического периода произошло обновление тематики. Как материал для искусства была принята действительность с её случайностями, свободной от «классического закона». Творчество наполнилось реальными историческими событиями и героическими эпизодами современности».

Отвергнув академические каноны, живопись эпохи романтизма изменила и сам характер: статике художники противопоставили динамику, законченности – незаконченность, чрезмерной объективности – обострённую субъективность. Они любили неопределенность, бесконечность, туманность. По их мнению, свободы нет там, где всё известно. Даже контур считался проявлением деспотизма, как бы держа образ в заключении [Берковский 2001, с. 33].

Однако романтики были связаны с классицистами. Французский живописец Ж.-Л. Давид (Jacques-Louis David, 1748–1825) был первым художником революции. Французские живописцы-романтики Ж. Л. А. Т. Жерико (Jean-Louis-André-Théodore Géricault, 1791–1824) и Ф. В. Э. Делакруа (Ferdinand Victor Eugène Delacroix, 1798–1863) высоко ценили работы Ж.-Л. Давида, а также творчество его любимого ученика, французского художника А. Ж. Гро (Antoine-Jean Gros, 1771–1835), чья живопись стала посредствующим звеном между классицизмом и романтизмом. Вслед за Ж.-Л. Давидом он посвятил своё творчество прославлению Наполеона [Мутерь 1899, с. 187]. Одной из его самых известных картин является «Наполеон Бонапарт на Аркольском мосту» (фр. «*Bonaparte au pont d'Arcole*», 1796 – 1797). На картине изображён эпизод трёхдневного сражения при Арколе, который произошёл 15 ноября 1796 года [Дмитриева 1993, с. 19].

Первые произведения Ж. Л. А. Т. Жерико вдохновлены победоносными походами великой армии, а затем её поражениями. Его знаменитой работой является, например, картина «Возвращение из России» (фр. «*Retour de Russie*», 1818 г.), на которой изображены изнемогающие солдаты, бредущие по снежной пустыне. Картина «Плот Медузы» (фр. «*Le Radeau de La Méduse*», 1819 г.) представляет собой одно из самых известных полотен эпохи романтизма уже потому, что является ярким примером немедленного отклика на реальные события, символом трагической борьбы человека и его героизма [Дюпети 2003, с. 20]. Поводом для её создания послужила морская катастрофа, произошедшая в июле 1816 года с пассажирами и членами морской команды корабля «Медуза». Художник изобразил момент, когда гибнущие люди завидели корабль на горизонте, расположив группы людей таким образом, что они в совокупности составляют длящееся во времени драматическое повествование.

Ф. В. Э. Делакруа считал себя последователем Ж. Л. А. Т. Жерико [Байрамова 2007, с. 8]. По его словам, на картине «Плот Медузы» (1819 г.)

показано общество Франции. Отметим, что отцом художника был знаменитый дипломат наполеоновской эпохи Ш. М. де Талейран (Charles Maurice de Talleyrand-Périgord, 1754–1838), что не могло не оказать воздействия на его творчество. Ф. В. Э. Делакруа ценил индивидуальность человека, будучи уверенным в том, что искусством является воплощение замысла, когда оно выражает мысль художника, а не холодная точность при передаче изображения. Решительно восставая против академизма, он утверждал многогранность прекрасного, разнообразие его форм. По мнению художника, действительно прекрасное творение не может быть порождением простой традиции: его создаёт неизвестный, избранный человек-гений, который опрокидывает нагромождение избитых и бесплодных доктрин [Дмитриева 1993, с. 17].

Как и всех романтиков Ф. В. Э. Делакруа волновали события современной истории, в частности, страдания народа. Его картина «Свобода, ведущая народ» (фр. «*La Liberté guidant le peuple*», 1830 г.) принадлежит к тем редким произведениям, которые остаются в сознании нации, как символ. В центре холста изображена женщина, известная как Марианна – аллегория Французской Республики и олицетворение национального девиза «Свобода, Равенство, Братство». На её голове фригийский колпак. В правой руке она держит флаг республиканской Франции, в левой – ружьё. Шагая по умершим, женщина символизирует самоотверженность французов. За ней идут представители различных социальных классов, тем самым как бы прославляя единство французского народа во время революции.

Добавим, что стремление художников романтической эпохи отойти от избитых мифологических сюжетов было настолько сильным, что привело к возникновению такого направления в живописи, как реализм. Его основоположником считают французского художника Ж. Д. Г. Курбе (Jean Désiré Gustave Courbet, 1819–1877), творчество которого стало популярным после революции 1848 года. По его мнению, художник не должен брать

мифологических сюжетов в качестве своего материала и вообще писать того, чего никогда не видел. Его задача – в неприкрашенной достоверности передавать нравы, идеи и облик своей эпохи. Ж. Д. Г. Курбе говорил: «Искусство живописи не может быть ничем иным, как изображением предметов, видимых и осязаемых художником. Я люблю вещи такими, каковы они есть. К чему искать в мире то, чего в нём нет, и силой воображения менять в нём то, что есть?» [Дмитриева 1993, с. 35]. Таким образом, фигурально выражаясь, в мастерской Курбе оказался весь современный мир [Бретелл 1988, с. 8]. Его главное произведение – «Похороны в Орнане» (фр. «*Un enterrement à Ornans*», (1849 – 1850)) представляет собой полотно огромных размеров, на котором изображено пятьдесят фигур в натуральную величину: мэр, священник, плачущие, пожилые женщины, певчие дети и другие. Все они – земляки художника, его знакомые. Он писал их с натуры, показав каждого без малейших прикрас [Дмитриеват 1993, с. 28].

Вторая половина XVIII века – одна из значительных эпох в истории музыкальной культуры. Новое время, ознаменованное важными общественно-историческими и идеологическими сдвигами, потребовало нового музыкального искусства [Левик 1974, с. 3].

Швейцарский музыкальный критик К. Неф (Karl Nef, 1873–1935) в своём труде «История западно-европейской музыки» (1938 г.) писал, что «композиторы эпохи революции были фанатиками мечты, ловцами «синей птицы» [Неф 1938, с. 16]. Точкой отправления для создания произведения служили процессы подсознательной жизни, психология человека, его чувства и эмоции, что, в итоге, раскрывало личность [Привалов 2003, с. 8].

Революция видела в музыке мощную социальную силу, призывая её на службу государству. Она стала существенной частью общественного воспитания. Для неё было важно такое качество, как сила эмоционального внушения [Неф 1938, с. 16].

Из салонов музыка выходит на вольный воздух, улицу, площади. Наблюдается преобладание духовых оркестров, ударных и медных инструментов, мощных составов, ансамблей. Заметен сильный рост песен о свободе, гимнов. Уже в 1789 году их насчитывается около 116, в эпоху террора – около 701. Многие из них отличаются маршеобразным ритмом,ластной энергией, непреодолимым порывом чувства. Самыми популярными стали: Марсельеза (фр. «*La Marseillaise*», 1792 г.), «Пойдут дела на лад» (фр. «*Ça ira*», 1790 г.), «Пробуждение народа» (фр. «*Le réveil du peuple*», 1795 г.).

Композитором большого исторического значения стали: Ф. Ж. Госсек (François Joseph Gossec, 1734–1829), А. Э. М. Гретри (André Ernest Modeste Grétry, 1741–1813), Э. Н. Мегюль (Étienne Nicolas Méhul, 1763–1817) и другие [Конен 1981, с. 1]. Будучи воодушевлённым республикой, он написал свыше 40 произведений: гимны и песни о свободе, природе, равенстве, Вольтере (Франсуа Мари Аруэ, 1694–1778), Ж. Ж. Руссо, человечестве, 14-ом июле и т. д.

Французская опера эпохи романтизма характеризовалась неукротимой волей, душевным состоянием, возникшим вследствие тревожной и неуверенной в завтрашнем дне жизни. Ещё в конце XVIII века в ней появились тенденции к фантастике и идеализации прошлого [Амирова 2005, с. 293]. Смелым проявлением беспокойного романтического духа была, например, опера французского композитора Ж-Ф. Лесюёра (Jean-François Le Sueur, 1760–1837) «Пещера» (фр. «*La grotte*», 1794 г.) [Неф 1938, сс. 219–220].

1. 5. 2. Особенности драматургии эпохи романтизма

Тему драматургии эпохи романтизма мы рассмотрим отдельно: театр не только занял особое место во французской культуре романтизма, но и непосредственно связан с Ф. Ж. М. Ренуаром. Как было сказано в предыдущем параграфе, между искусством и политикой романтического периода,

прослеживается тесная связь. Но политический характер искусства был заметен больше всего в театральной сфере. Попытки реформировать классическую сцену возникли как средство борьбы с политическим режимом. Дело в том, что уже с началом революции необходимо было вмешиваться в политические события: не только поучать зрителя, но и указывать ему на виновных, побуждая его к действию [Реизов 1962, с. 4]. На наш взгляд, драматургов вообще можно было считать ещё одной политической партией, которая вела довольно активную деятельность на протяжении всей эпохи романтизма.

Общественно-воспитательную роль играл, в первую очередь, такой жанр, как историческая трагедия, которая стала естественным развитием школы выдающегося мыслителя эпохи Просвещения Вольтера, несмотря на то, что уже в начале революции его драматургия считалась пройденным этапом. По мнению французского драматурга и политического деятеля А. В. Арно (Antoine Vincent Arnault, 1766–1834), трагическая манера Вольтера обнаруживалась почти во всех трагедиях, выходивших в свет с 1789 по 1800 год [Реизов 1962, с. 8]. Добавим, что влияние на возникновение этого жанра вполне могла оказать философия И. Г. Гердера. Он рекомендовал обратиться к более ранним периодам отечественной истории, утверждая, что так можно приобщиться к духу своей нации в его наиболее чистом выражении [Берковский 2001, с. 38].

Появившись в середине XVIII века во Франции, жанр «историческая трагедия» распространился по Европе и в каждой стране приобретал особый общественный смысл. Его принимали все политические группировки, от крайне монархических до республиканских.

Историческая трагедия противопоставлялась трагедии с вымыщленным сюжетом, и на этом основании ей отдавалось предпочтение. История служила источником примеров фанатизма священников, деспотизма королей и других социально-политических явлений.

Положительные герои излагали в речах мысли о наилучшем общественном устройстве, которые соответствовали взглядам самого автора. Иногда тирады произносили и отрицательные персонажи, чтобы ужаснуть зрителя страшными последствиями, например, тиранизма. В замысле автора тирада выходила за пределы драматической ситуации, как бы отделяясь от действия. Актёрская речь при чтении вслух передаёт все оттенки смысла читаемого текста. Большое значение при озвучивании художественного текста имеет интонация уже по той причине, что она маркирована индивидуальными особенностями голоса чтеца [Вишневская 2016, с.92]. Советский литературовед Б. Г. Реизов (1902–1981) в своей книге «Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период первой империи» (1962 г.) писал: «Актёры произносили её, обращаясь не столько к собеседнику, сколько к зрительному залу, и она тотчас же вызывала аплодисменты, не потому, что зрителя волновала драматическая ситуация, а потому, что тирада нравилась ему по своему политическому содержанию» [Реизов 1962, с. 9].

В связи со сказанным выше драматические произведения эпохи романтизма были переполнены намёками, так называемыми, аллюзиями. Ими широко пользовался ещё Вольтер, но только теперь они получили особое значение. Видя залог успеха у публики в исторических событиях, которые напоминали современную ситуацию, драматурги брали их за основу для создания сюжета. Главная задача заключалась в том, чтобы вскрыть сходство исторического события с происходящим теперь и тем самым дать зрителю почву для рассуждений. Газеты, рецензировавшие пьесы, обращали исключительное внимание на намёки, аналогии в ситуациях, сходство характеров [Реизов 1962, с. 11].

Первым произведением, причисленным к жанру «историческая трагедия» была трагедия французского драматурга М. Ж. Шенье (Marie-Joseph de Chénier, 1764–1811) «Карл IX, или Школа королей», поставленная на сцене французского театра 4 ноября 1789 года. Будучи переполненной протестами против злоупотреблений, а также гнёта власти, она была буквально пронизана

конституционно-монархическими мотивами уже в силу того, что образу преступного короля-тирана Карла IX (Charles IX, 1550–1574) противопоставлялся «просвещенный монарх», «отец народа» Генрих Наваррский (Henri de Navarre, 1553–1610), каким французская буржуазия хотела бы видеть и Людовика XVI. Роль Карла IX в этом спектакле с блеском исполнил выдающийся трагический актёр той эпохи Ф. Ж. Тальма (François Joseph Talma, 1763–1826) [Ревуненков 2003, с. 100]. Отметим, что в этом произведении особенно было заметно влияние Вольтера. Выступая против мифологических сюжетов, свою трагедию М. Ж. Шенье назвал «национальной». Он утверждал, что интерес представляют только исторические темы [Реизов 1962, с. 12].

Таким образом, отчасти именно благодаря М. Ж. Б. де Шенье, античные сюжеты во время якобинской диктатуры были признаны аполитичными. Он считал, что история даёт множество поучительных примеров: как правильно поступать государям, и чего им следует избегать. По нему, именно исторический сюжет вызывал нужные ассоциации. Например, в Карле IX или Филиппе Красивом (Philippe IV le Bel, 1268–1314) можно было более наглядно разоблачить французскую монархию, чем, например, в царе Микен Агамемноне (Ἀγαμέμνον, ок. 410–400 до н. э.) или в римском императоре Тиберий Юлий Цезарь Август (Tiberius Julius Caesar Augustus, 42 г. до н. э.–37 г. н. э.). Свою мысль о творческой важности истории М. Ж. Б. де Шенье выразил в своей книге «Исторический обзор состояния и успехов французской литературы после 1789 года». На мифологические темы он не написал ни одной пьесы [Реизов 1962, с. 14].

Добавим, что реформы, проведённые во время революции, были заметны не только в драматическом сюжете, но и в самой речи актёров. В начале якобинской диктатуры, постановлением правительства было запрещено произносить со сцены слово «*seigneur*» (от фр. «господин»), так же как и титулы (король, герцог, граф и т. д.). Дело в том, что для француза 1789 года оно звучало оскорбительно, поскольку являлось званием и, следовательно, напоминало об уничтоженных привилегиях.

Для исторической трагедии это запрещение имело большое значение. Приходилось переделывать или вычёркивать пассажи. Этим «очищением» занимались либо сами авторы, либо директора театров [Реизов 1962, с. 15].

Итак, как мы увидели в предыдущих параграфах данного раздела, влияние философии романтизма прослеживается и в искусстве. Главная черта философии романтизма проникла в разные области общественной жизни, что доказывает, насколько мощной была пропаганда против стереотипов и вообще всевозможных ограничений. Повлияв на науку, экономику, политику и искусство она как бы подчеркнула саму себя, тем самым значительно усилив своё влияние. Стремление к свободе стало главной чертой, как философии романтизма, так и самого исторического периода в целом. Представители эпохи романтизма стремились не только свободно мыслить, но и свободно жить. Всё было направлено на полное раскрепощение личности.

1. 5. 3. Драматургия Ф. Ж. М. Ренуара

В качестве материала для своего творчества французский драматург Ф. Ж. М. Ренуар брал исторические сюжеты, противопоставляя их сюжетам античным. История была его музой, как и для драматургии эпохи романтизма в целом (см. п. 1. 3. 2.). Б. Г. Реизов цитировал французского драматурга: «Интерес, который вызывают драматические сюжеты, заимствованные из древней истории, почти совершенно исчерпан: многочисленные и великолепные картины, написанные нашими величайшими художниками, внушают нам одновременно и восхищение и отчаяние. Описывать же те нравы и характеры – значит осуждать себя на подражание или сходство, наибольшая заслуга которого заключается в каких-нибудь удачных штрихах или тонко замеченных и выраженных оттенках. Но попробуем изобразить на сцене великие события и всем известные бедствия!.. Тесная связь театрального действия с религиозными и гражданскими законами, с

нравами, обычаями и даже предрассудками зрителей сделает эти картины новыми и интересными и позволит более непосредственно достигнуть цели, – пользы, к которой драматический поэт часто стремится и к которой он должен стремиться всегда» [Реизов 1962, с. 40].

Бельгийский лингвист и писатель Ф. О. Ф. Т. де Райфенберг (Рейфенберг) (Frédéric Auguste Ferdinand Thomas de Reiffenberg, 1795–1850) относил Ф. Ж. М. Ренуара к школе Вольтера, однако подчёркивал, он «был замечен в силу независимости своего мнения» [Reiffenberg 1839, р. 4]. Ф. Ж. М. Ренуар отказывался от традиционных романических приёмов, при помощи которых драматурги пытались захватить внимание зрителей. Например, он освободил свою трагедию от любовной линии: весь интерес его пьесы заключался, с одной стороны, в правдивости характеров, с другой, – в точном изображении политических интриг, событий.

В 1807 году в своей вступительной речи во Французской академии Ф. Ж. М. Ренуар выступил с апологией исторической трагедии: «Можно думать, что настало время избирать сюжеты наших трагедий преимущественно в наших исторических преданиях, показывать французам на сцене уроки, данные нам нашими предками, фамильные примеры славы и добродетели и, таким образом, вернуть трагедию к её почтенным истокам».

В молодые годы Ф. Ж. М. Ренуар написал несколько трагедий, большая часть которых осталась ненапечатанной. Очевидно, сам автор не счёл их достойными печати. Но во время Консульства он предложил Французскому театру свою трагедию «Тамплиеры» [Raynouard 1805]. Однако пьеса лежала в делах Театрального комитета без движения [Реизов 1962, с. 32].

Расцвет творчества французского драматурга происходит в годы Империи Наполеона. Его трагедия «Тамплиеры», вышедшая в свет 14 мая 1805 года, получает ошеломительный успех. В центре сюжета произведения – исторический

факт разгрома ордена тамплиеров королём Филиппом IV в 1307 году [Бояджиева 1981, с. 113].

Ф. Ж. М. Ренуар писал своё произведение, побуждаемый чувством исторической справедливости. По нему, осуждение тамплиеров, их казнь и запрещение ордена стало государственным преступлением. Всё было вызвано его необычайным богатством: орден давал взаймы всем королям Европы, тем самым вызывая беспокойство у Филиппа IV. Во введении драматург подробно излагает материалы судебного процесса, из которых следует полная невиновность рыцарей. Он видел в этом преступлении результат теории государственного интереса: Филипп IV и его министры прикрывали свою корысть интересом государства. Король был заинтересован в том, чтобы присвоить богатства тамплиеров и вместе с тем уничтожить этот могущественный орден, представляющий угрозу для его власти. Чтобы добиться своей цели, необходимо было обвинить рыцарей в преступлениях, которые они не совершали, а затем пытками заставить орден в них признаться.

Сама проблема поставлена в первых же стихах трагедии. Советник короля Г. де Ногаре (Guillaume de Nogaret, 1260–1313) считает необходимым уничтожить тамплиеров, так как они слишком богаты и могущественны. Он заявляет: «Если их нужно осудить, я сам дерзну сделать это: моим высшим законом будет государственный интерес» [Raynouard 1805, р. 6.]. Король также думает о «спасении государства», а главное – о своём собственном: «Захватить рыцарей, и особенно великого магистра, значит спасти государство и, может быть, нас самих» [Raynouard 1805, р. 67].

Орден тамплиеров привлекал к себе симпатии. Даже М. Ж. Б. де Шенье относил Филиппа Красивого к числу неправедных королей, называя его «гнусным похитителем сокровищ тамплиеров». Б. Г. Реизов писал о Ф. Ж. М. Ренуаре: «Он прославлял жертв, до сих пор почитаемых в Европе многочисленными обществами; он отдавал должное добродетелям ордена, который пережил самого

себя благодаря влиянию всегда тайному, но всегда мощному и длящемуся до наших дней, – по крайней мере, если верить достойным уважения историкам, прославленным философам и, в частности, Кондорсе» [Реизов 1962, с. 33].

Из всего вышеизложенного можно с уверенностью сделать вывод о том, что многие восхищались драматургией Ф. Ж. М. Ренуара. Однако на творческом пути будущего учёного случилось то, что, с нашей точки зрения, могло послужить главной причиной его ухода из театра и последующего всецелого посвящения себя науке. Дело в том, что драматургическая деятельность Ф. Ж. М. Ренуара вызывала сильное недовольство Наполеона, которого на тот момент вполне можно было считать главным человеком в стране. По мнению императора, французский драматург ошибочно сделал из Филиппа IV отрицательного героя. Бонапарт был убеждён в положительной роли короля, поскольку считал, что все государственные деятели, совершающие преступления, в них невиновны. Они оправданные заранее жертвы судьбы, которые берут на себя бремя преступлений ради блага человечества. У них нет и не может быть выбора.

Как отмечалось выше, для романтиков было свойственно жить в своих мечтах и, в принципе, отдаляться от реальности (см. с. 65). Ф. Ж. М. Ренуар представляет тамплиеров идеализированно: по нему, рыцари – сторонники высоких и религиозных добродетелей. Несмотря на то, что им предстоит быть сожжёнными на костре, они остаются преданными королю и не теряют веру в Бога [Бояджиева 1981, с. 113].

Не менее резкую критику Наполеона вызвала ещё одна трагедия Ф. Ж. М. Ренуара «Генеральные Штаты или смерть герцога де Гиза» (1809 г.). По мнению императора: «Ренуар искажает истину истории; его герои фальшивы, его политика опасна и, может быть, даже вредна». Он говорил, что автор сделал из герцога де Гиза (duc de Guise, 1563–1588) Фигаро, что слишком оскорбительно для истории. По нему, герцог был одним из самых великих деятелей своего времени, обладал выдающимися достоинствами и талантами. Добавим, что первое представление

этой трагедии на придворном театре в Сен-Клу состоялось только через шесть лет после принятия её 4 августа 1804 года во Французском театре, из-за того, что тогда она не была разрешена к постановке цензурой.

Император не скрывал, что никогда не доверял Ф. Ж. М. Ренуару и не видел в нём мастера писательского искусства, приняв определение, которое дал ему французский писатель и политический деятель Ж. П. Л. де Фонтан (Jean Pierre Luis de Fontanes, 1757–1821): «Провансальский оригиналный, а главное, независимый» [Реизов 1962, с. 32].

Итак, обратившись к изучению драматургии Ф. Ж. М. Ренуара, мы увидели, что в театральной сфере французский филолог отличался независимостью мнения. Данное обстоятельство говорит о нём, как об истинном романтике и свидетельствует о решающем влиянии идеологии романтизма на его мировоззрение. Многие восхищались драматургией французского филолога. Однако некоторые произведения будущего учёного вызывали сильное недовольство Наполеона, из-за чего, с нашей точки зрения, он покинул театр и встал на путь научной деятельности.

Забегая вперёд, отметим, что в своём видении относительно происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуар был одинок. В этом проявилась его самобытность, что снова характеризует учёного как истинного романтика и служит доказательством первостепенного влияния романтизма на его лингвистические взгляды.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Период становления и развития сравнительно-исторического метода, а также годы жизни французского компаративиста Ф. Ж. М. Ренуара охватывают временной промежуток возникновения и формирования такого направления в западноевропейской культуре конца XVIII – первой половины XIX вв., как романтизм, который не мог не оказать влияния на языкознание и лингвистические взгляды учёного.

Компаративистика зародилась в трудах европейских исследователей языка конца XVIII столетия, таких, как, например, немецкий филолог И. К. Аделунг. Однако, по мнению известного датского учёного В. Томсена, в работах того времени обнаруживается большое количество ошибок, в силу чего заметно, что авторы на тот момент не обладали надёжными лингвистическими знаниями. Тем не менее, создавались даже крупные произведения, посвящённые объекту изучения.

Ф. Ж. М. Ренуар занимался исследованием романских языков. Центром его творчества стала лингвофилософская концепция о происхождении романских языков, весьма своеобразная по своему содержанию. В отличие от других исследователей романских языков, в первую очередь, немецких лингвистов К. Ф. Дица и А. В. Шлегеля, которые видели источник романских языков в народной латыни, французский филолог считал таковым провансальский.

Целью первой главы было выяснить, каким именно было влияние романтизма на европейское языкознание конца XVIII – первой половины XIX вв. и лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара: что способствовало осуществлению таких смелых действий исследователями языка, а также зарождению и развитию компаративистики.

Для реализации поставленной задачи мы обратились, прежде всего, к философии, поскольку она служит эпицентром мыслей того или иного исторического периода: именно в ней сосредоточены его фундаментальные мысли.

Главный источник романтизма некоторые учёные видели в философии легендарного немецкого мыслителя И. Канта, который стоял на грани эпох Просвещения и романтизма. Например, немецкий мыслитель Р. Кронер замечает, что «Критика чистого разума» создала основу, на которой вообще мог образоваться романтический дух».

В центре просветительского мировоззрения был разум. Ключевыми понятиями философии И. Канта стали «вещь в себе» и «несовершеннолетие». Он одновременно и придавал и не придавал особого значения разуму. Каждый, кто следовал его взглядам, открывал в себе способность абстрагироваться от стереотипов, но, осознавал: есть то, что рассудком никогда не постичь. В итоге, «разрешение» думать и смирение с фактом относительной точности результата мыслительного процесса как бы подали человеку идею мыслить максимально свободно, которая стала основной чертой философии романтизма. Условно мы назвали её «стремлением к свободе».

К числу главных особенностей романтизма относятся также появление идеи культурного релятивизма и интереса к прошлому. Идея культурного релятивизма предполагала отказ от предания чему-либо абсолютного значения. Интерес к прошлому характеризовался тем, что в устройстве современной жизни высокая роль отводилась истории.

Сравнительно-исторический метод в языкоznании был бы невозможен без сравнения языков. Причём, само сравнение не способно осуществиться без живого интереса к разным языкам. По идее культурного релятивизма, все культурные типы сделались равноправными. Так как культура своего этноса перестала быть образцом, интерес к культуре других этносов повысился. Исходя

из этого, мы предположили, что новая тенденция способствовала возрастанию интереса и к языкам.

Целью сравнительно-исторического метода в языкоznании было установить родство языков. Актуальной задачей исследователей языка стало отличить настоящее родство от случайных совпадений и заимствований. По мнению романтиков, прошлое должно использоваться в устройстве современной жизни. Вполне возможно, что такое видение прошлого оказало воздействие и на исследователей языка: при изучении родства языков, они обратились к истории происхождения и развития языков, найдя в новом методе ключ для осуществления своей цели.

Добавим, что в обеих этих особенностях романтизма можно заметить влияние главной черты эпохи («стремление к свободе»): вместо того, чтобы держать себя в узких рамках родины, а также настоящего времени исследователи языка открылись миру и прошлому, что, в результате, обусловило возникновение компаративистики.

На взгляды учёного оказывают воздействие не только философия, но и вся атмосфера того или иного временного промежутка. Мы рассмотрели такие сферы, как наука (языкоznание), экономика, политика и искусство, поскольку, с нашей точки зрения, они являются одними из самых крупных областей общественной жизни, а, значит, наиболее подходящими для того, чтобы проиллюстрировать общественный климат исторического периода.

Проведённые исследования показали, что Ф. Ж. М. Ренуар жил в период бурного развития языкоznания, который можно назвать судьбоносным в истории науки о языке, поскольку именно в XIX столетии языкоznание было выделено в отдельную науку. Данное обстоятельство не могло не стать для филолога ещё одной мотивацией для проведения лингвистических исследований.

В центре обсуждений исследователей языка конца XVIII века была проблема происхождения языков мира. Некоторые учёные (больше философы,

чем лингвисты) высказывали принципиально новые мнения, которые постепенно меняли общие представления о языке. Например, была выдвинута идея известного французского мыслителя Ж. Ж. Руссо о «коллективном договоре», по которой люди договорились между собой о том, что как называть.

Отправной точкой для развития компаративистики стало открытие санскрита английским востоковедом и путешественником У. Джонсом. Увидев сходство санскрита с европейскими языками, он выдвинул идею о происхождении всех этих языков, включая санскрит, от единого предка. С этого момента в Германии и других странах началось активное исследование в области сопоставления европейских языков с санскритом и между собой, что проявилось, в первую очередь, в печати многоязычных словарей. Наиболее известным было издание И. К. Аделунга «Митридат», имеющее в качестве языкового примера «Отче наш» на почти 500 языках и диалектах.

Несмотря на то, что исследователи языка конца XVIII века не обладали надёжными лингвистическими знаниями, именно они способствовали развитию сравнительно-исторического метода, благодаря чему языкознание было выделено в самостоятельную науку.

Компаративистика зародилась в первой четверти XIX века. Исследователи языка совершали попытки рационального объяснения того, как появилась речь. Ведущими компаративистами стали: немецкие учёные Ф. Бопп, Я. Л. К. Гримм, датский филолог Р. К. Раск, русский учёный А. Х. Востоков и некоторые другие.

Эти филологи впервые в истории языкознания, работая с конкретным материалом, старались выработать действительно научный метод исследования. Ф. Бопп – сравнением языков с санскритом. Р. К. Раск – своими исследованиями скандинавских языков. Я. Л. К. Гримм – изучением готско-германских языков. А. Х. Востоков – работой над происхождением славянских языков. Одним из их основных принципов исследования происхождения языков было сравнение не целых лексем, а их составных частей.

Проведённые исследования показали, что главная черта философии романтизма («стремление к свободе») проникла в разные сферы жизни, что доказывает, насколько мощной была пропаганда против всевозможных ограничений. Повлияв на науку (языкознание), экономику, политику, искусство она усилила своё влияние. Представители эпохи романтизма стремились не только свободно мыслить, но и свободно жить. Всё было направлено на полное раскрепощение личности.

В своём видении относительно происхождения романских языков французский филолог был одинок. В этом проявилась его самобытность, что характеризует учёного как истинного романтика и свидетельствует о решающем влиянии романтизма на его лингвистические взгляды, впоследствии определив их специфику.

Обратившись к изучению драматургии Ф. Ж. М. Ренуара, мы увидели: филолог отличался независимостью своего мнения и в театральной сфере, что ещё раз подтверждает: смена общественной парадигмы нашла своё отражение в его мировоззрении. Многие восхищались драматургией Ф. Ж. М. Ренуара. Однако театральная деятельность будущего учёного вызывала сильное недовольство Наполеона, из-за чего, на наш взгляд, он покинул театр и всецело посвятил себя науке о языке.

ГЛАВА II

ТВОРЧЕСТВО Ф. Ж. М. РЕНУАРА НА ФОНЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

2. 1. Происхождение романских языков как объект изучения исследователей языка в рамках формирования романистики

Значимой чертой языкоznания XIX века является расцвет романистики или романской филологии, науки, объектом изучения которой являются романские языки. Многие течения и школы в общем языкоznании развились именно на базе романистики [Йордан 1971].

В истории романской филологии существует целое множество концепций о происхождении романских языков, поскольку вопрос о происхождении романских языков всегда был очень важным для этой науки [Реферовская 1966, с. 3]. Изучая лингвофилософскую концепцию о происхождении романских языков романиста Ф. Ж. М. Ренуара, нам было необходимо рассмотреть её в контексте концепций о происхождении романских языков других представителей романистики: только так возможно выяснить, каков научный вклад французского филолога в языкоznание. В этом разделе мы представим наиболее известные концепции о происхождении романских языков. А в следующем подробно рассмотрим лингвофилософскую концепцию о происхождении романских языков Ф. Ж. М. Ренуара и сравним её с изложенными в последующих параграфах.

2. 1. 1. Основные этапы развития латинского языка и народной латыни

Ключевым понятием романской филологии служит «народная латынь». Прежде, чем перейти к концепциям о происхождении романских языков, мы определим разницу между всем известным латинским языком и народной

латынью. Чтобы увидеть её наиболее ясно, сравнили не только сами понятия «латинский язык» и «народная латынь», но и основные этапы развития этих языков.

Латинский язык – это язык, принадлежащий к итальянской группе индоевропейской семьи языков. Историю развития латинского языка, в целом, можно разделить на три основных этапа. В середине первого тысячелетия до н. э. италики составляли большинство населения Апеннинского полуострова. Латынь древнего периода (*лат. prisca latinitas*) вначале была народным разговорным языком земледельцев и, особенно, пастухов, которые проживали в Риме и его окрестностях [Корлэтяну 1974, с. 46].

Первое письменное свидетельство о древних латинян – это надпись на пренестинской застёжке (фибуле) (лат. *Fibula Praenestina*), которая была найдена в 1871 году около крепости Пренесте (*Praeneste*), расположенной в восточной части Лация. Она датируется примерно 600 г. до н. э [Корлэтяну 1974, с. 47].

Долгое время латинский язык, подвергаясь значительному влиянию других итальянских языков и диалектов, был только одним из языков полуострова. Но римляне завоёвывали другие области Итальянского полуострова, из-за чего политическое могущество Рима росло, и язык получил широкое распространение. Это заметно, в первую очередь, после Второй Латинской войны (340–338 до н. э.).

В древней Италии латынь играла большую роль в силу экономических, политических, а также культурных условий развития римского народа. Дело в том, что Рим располагался на перекрёстке основных торговых путей, поскольку находился в 25 км от моря и почти в 25 км от Апеннинского полуострова. Таких путей насчитывалось 29. Им соответствовали 29 ворот в Рим. Отсюда происходит знаменитое высказывание: «Все дороги ведут в Рим» [Корлэтяну 1974, с. 23].

Менее чем за два века латинский язык в своём развитии продвинулся вперёд. Началом римской литературы считается 240 г. до н. э., когда древнеримский драматург Л. Андроник (*Livius Andronicus*, 280–200 гг. до н. э.) по

поручению римских правителей поставил на общеизвестных праздниках драму по греческому образцу.

Основателем настоящей римской литературы считается римский поэт Г. Невий (Gnaeus Naevius, примерно 274–200 гг. до н. э.). Он написал эпопею «Пуническая война» (7 книг) [Корлэтиану 1974, с. 48]

Выдающимся писателем древнего периода латинского языка и литературы был римский комедиограф Т. М. Плавт (Titus Maccius Plautus, 254–184 гг. до н. э.), который написал более ста комедий. Например, «Амфитрион», «Пленники». В своих драматических произведениях всегда преследовал морализирующую цель. Известный древнеримский политический деятель, оратор и философ М. Т. Цицерон (Marcus Tullius Cicero, 106–43 гг. до н. э.) считал язык произведений Т. М. Плавта образцом латинской речи.

На протяжении нескольких веков римляне и нелатинские народы воевали друг с другом. В итоге, к 200 году до н. э. весь Итальянский полуостров был уже под властью Рима.

С ростом и укреплением Римского государства развивался латинский язык, постепенно ассимилируя языки народов. Так, например, ко II – I вв. до н. э. область, где раньше говорили на умбурском языке, была полностью латинизирована. Что касается других итальянских областей, то ко времени Союзнической войны (91 – 88 г. до н. э.) их латинизация была уже окончательной.

Тем не менее, нельзя утверждать, что нелатинские языки перестали существовать. Латынь усвоила из этих языков многие слова, выражения и даже грамматические формы. Всех больше на него повлиял этрусский язык [Корлэтиану 1974, с. 25].

Латынь также очень сильно подверглась влиянию греческого языка. В принципе, Греция оказала на Римскую империю существенное влияние. Количество слов греческого происхождения в латыни достигает нескольких тысяч. Греческое влияние на латинский язык чувствуется не только на уровне

лексики и фразеологии, но также заметно на морфологическом уровне. Под воздействием греческого языка латынь стала всё больше и больше развиваться как язык культуры, способный выразить все достижения искусства. Этому способствовало завоевание римлянами Греции во II в. до н. э. Практически никто из древних латинских писателей не был рождён в Риме, например, Л. Андроник.

Распространение латинского языка за пределами Итальянского полуострова началось в 241 г. до н. э. и продолжалось до 106 г. н. э. Война против Карфагена началась в середине III века до н. э. и дала Риму возможность осознания своей мощи. Сицилия служила ареной сражений в Первой Пунической войне (264 – 241 до н. э.), вследствие чего была превращена в римскую провинцию [Корлэтяну 1974, с. 31].

В этот период имело место хорошо известное восстание римских рабов под руководством фракийского раба Спартака (Spartacus, 73–71 гг. до н. э.) В 71 году до н. э. он пал в сражении, благодаря чему Римская империя достигла апогея в своём могуществе. Рим доминировал над всем миром [Корлэтяну 1974, с. 33].

Известный древнеримский государственный и политический деятель Г. Ю. Цезарь (Gaius Julius Caesar, 100–44 гг. до н. э.) написал ряд исторических трудов большого документального и литературного значения. В отношении языка он требовал чистоты. Выступал за соблюдение строгих грамматических правил. М. Т. Цицерон внёс большой вклад в дело нормализации латинского языка. С этой целью он разработал теорию трёх стилей. Высокого, среднего и низкого. Чётко различал литературный и разговорный латинский язык [Корлэтяну 1974, с. 52].

Примерно к 44 году до н. э. латинский язык и литература достигли вершины своего развития. К этому времени М. Т. Цицерон создаёт ораторское искусство. Такие известные поэты Древнего Рима, как П. В. Марон (Publius Vergilius Maron, 70–19 гг. до н. э.) и К. Г. Флакк (Quintus Horatius Flaccus, 65–27 гг. до н. э.) – эпическую и лирическую поэзии. Это – «золотой век» или классический период в развитии латыни и латинской культуры вообще. Отметим, что между

литературным латинским языком классического периода и латынью древней эпохи существовала большая разница [Корлэтяну 1974, с. 60].

Завоевание римлянами любой новой провинции имело важное последствие для данной территории: начинался процесс романизации населения. Устойчивость римского владычества в завоёванной провинции зависела от экономической и культурной сопротивляемости местного населения. Греция, которая находилась на более высокой ступени развития культуры вообще, чем Рим, не была подвергнута процессу романизации.

Романизация населения осуществлялась купцами, ремесленниками, прибывшими из Римской империи. Хотя эти колонисты не были выходцами из Италии, все являлись носителями и распространителями латинской культуры. На латинском языке говорили, прежде всего, солдаты римских легионов. Римское владычество заставляло побеждённое население изучать латынь. Римский император Т. Ф. Веспасиан (Titus Flavius Vespasianus, 39–81 гг. до н. э.) издал специальный эдикт, относительно Иберской провинции, который предусматривал: «латинский язык вводится в исключительное официальное употребление повсюду как деловой и административный язык в городах». Это относилось не только к Иберскому полуострову, но и ко всем остальным римским провинциям.

Латынь распространялась колониями воинов-ветеранов, ушедших в отставку. Во многих местах ветераны из разных провинций составили основную массу населения. Они считались римскими гражданами самого высокого правового статуса и пользовались большими привилегиями: получали земельные участки без всякой компенсации, были правителями сёл и городов [Корлэтяну 1974, с. 43].

Латынь также служила посредником, т. е. была средством общения между людьми различного этнолингвистического происхождения.

В процессе романизации определённую роль сыграли школы, где учили говорить и читать на латинском. В школах много занимались латинской грамматикой. Римляне всячески способствовали тому, чтобы дети местного населения учились латинскому языку, т. к. считали школы важным способом романизации. Самым серьёзным образом организацией школ занимался Г. Ю. Цезарь.

Распространению латинского языка содействовали также торговые отношения провинций между собой и с метрополией. Благодаря торговым контактам часто происходило первое знакомство с римской культурой, литературой, римской жизнью в целом.

После смерти основателя Римской империи Г. Ю. Ц. Октавиана Августа (Gaius Julius Caesar Octavianus Augustus, 63–14 гг. до н. э.) и примерно до 200 года идёт речь о постклассическом периоде в развитии латинского языка. Говорили о «серебряной латыни». В это время начинают свою деятельность философ и драматург Л. А. Сенека (Lucius Annaeus Seneca, 4–65 гг.) [Корлэтяну 1974, с. 61].

Значительным событием в истории европейских народов стало огромное перемещение населения, известное под названием «великое перенаселение народов» (IV – VII вв. н. э.), то есть нашествие варваров на Римскую империю [Моммзен 2002, с. 304].

Причин тому было немало. Антагонизм между социальными классами приводил к восстаниям. Сначала они имели местный характер, а затем охватывали широкие массы землевладений. К ним присоединялись и рабы. Римское рабовладельческое общество быстро приходило в упадок.

В течение IV в. н. э. развернулся острый социально-экономический кризис, охвативший всю империю. Богачи жестоко эксплуатировали простых людей. Из-за внутренних противоречий Римское государство не только не могло завоевать соседние народы, но и отразить их атаки.

Возрастала плотность населения. Объединённые против Римской империи народы всё чаще её захватывали [Грановский 1961, с. 216]. Наконец, ослабленная восстаниями рабов, а также бедных слоёв населения Римская империя не смогла устоять перед мощными ударами и попала во власть мигрирующих народов.

Больше всего среди варваров было германских племён [Гумбольдт 2000, с. 221]. К концу IV века и особенно в V-ом всех чаще на Римское государство нападали германские племена. Проникая в империю, мигрирующие народы стремились создать самостоятельные государственные организации, которые просуществовали какое-то время.

В 476 году Одоакр (Odoacer, 433–493 гг. н. э.), вождь из племени герулов, возглавил отряд варваров и сверг последнего римского императора, пятнадцатилетнего Ф. Р. Августа (Flavius Romulus Augustus, около 460–после 507 гг.) [Карсавин 2003, с. 58]. Это событие считается падением Западной Римской империи и началом Средневековья в истории Европы. На самом деле, между римлянами и варварами не было особого взаимного ожесточения. Случалось, что римляне уходили к варварам по экономическим причинам [Осокин 2003, с. 93].

Молдавский филолог Н. Г. Корлэтяну (1915–1974) пишет: «Римская империя всеми силами стремилась отбить нападения, но делалось это ценой больших потерь. Когда завоевателям является менее культурный народ, нарушается ход экономического развития. Но при длительной войне менее культурный народ, как правило, вынужден приспособиться к более высокому положению завоеванной страны. Он ассимилируется покорённым народом и вынужден осваивать его язык» [Корлэтяну 1974, с. 69].

Народная латынь – разговорная речь тех слоёв населения, которые не получали школьного образования и не подвергались влиянию художественной литературы. Она была обиходным, повседневным языком [Давыдов 2011, с. 7].

По всей территории Римской империи латынь распространилась двумя основными путями: как литературный язык (использовалась, например,

писателями в литературных произведениях, употреблялась в школах, в официальных документах); как народно-разговорная речь торговцев, ремесленников, в принципе, широких народных масс.

Литературная латынь сохранялась в школах, где она получала стабильные закономерные формы. Разговорную латынь, напротив, можно было услышать на рынках, в мастерских и деревнях.

В III – IV вв. до н. э. латинский язык проникает в языки соседних с Лацией итальянских народов (умбров, галлов и т. д.)

Далее латынь распространилась на всей территории Итальянского полуострова. В это время чувствовалась разница между языком римских городов и народно-разговорной речью, особенно крестьянской.

В семье, также со слугами писатели пользовались разговорным латинским языком. Разговорный вариант латыни был подвергнут свободному развитию. Он отражён в памятниках латинского языка, начиная с древнего периода, заканчивая VIII веком.

Латинские писатели, например, М. Т. Цицерон, не раз упоминали о том, что народная разговорная речь имела большое сходство с древней латынью. Для римлян она никогда не была языком, только речью (*sermo*). Писатели называли её по-разному: Т. М. Плавт – «*plebeius sermo*», римский ритор М. Ф. Квинтилиан (M. F. Quintilianus, 35–96) – «народная речь» или «речь народа». Деревенская речь называлась – «*rusticus sermo*», городская – «*urbanus sermo*», речь воинов – «*militaris sermo*».

Немногие романисты считают народную латынь ограничительными рамками последних веков существования Римского государства. В настоящее время подавляющее большинство романистов, например, швейцарский филолог В. Мейер-Любке (Wilhelm Meyer Lübke, 1861–1936), считают, что народная латынь как разговорный аспект латинского языка существовала во все периоды истории латинского языка. Австрийский учёный Э. Рихтер (Elise Richter, 1865–

1943) характеризует народную латынь, как «разговорный язык всех периодов, всех социальных слоёв». Таким же образом, известный французский медиевист Ф. Лот (Ferdinand Lot, 1866–1952) считает народную латынь разговорной латынью, употребляемой всеми слоями населения. Значит, нельзя говорить о противопоставленных «двуих латинских языках» (классической и народной латыни) как двух самостоятельных единиц [Корлэтяну 1974, с. 81].

Литературная латынь – письменный, графически фиксированный аспект латинского языка. Народная латынь – разговорный аспект латинского языка, его живой вариант, который всегда находился в эволюционном движении. Однако классическая литературная латынь и народная латынь должны быть рассмотрены не столько как стилистические варианты латинского языка вообще, но и как территориальные варианты. Известный французский лингвист П. Ж. А. Мейе (Paul Jules Antoine Meillet, 1866–1936) в своём труде «Сравнительный метод в историческом языкознании» (1954 г.) писал: «Между литературным латинским языком и разговорной латынью, продолжением которой являются романские языки, существовали расхождения, неодинаковые у разных людей, у людей разного культурного уровня» [Мейе 1954, с. 239].

Различие между литературной латынью в классический период (I в. до н. э. и I в. н. э.) и народной латынью, которая постоянно развивалась, всё больше и больше проявляется с течением времени по мере отдаления от классического периода латинского языка. К концу IV века н. э. их разница становится наиболее явной [Корлэтяну 1974, с. 81].

К 14 году (смерть императора Августа) народная латынь распространяется в римских провинциях. Языки местного населения постепенно исчезают. Между латинской речью различных провинций наблюдаются диалектные различия. В 476 году, когда Западная Римская империя перестаёт существовать, письменная латынь противопоставляется народным говором.

Начиная с 476 года до VII века, латинская классическая культура приходит в упадок. Политические, экономические и культурные связи между провинциями прерывались. Школы уже не оказывали того влияния, которое они осуществляли ранее. Народная латынь в каждой провинции приобретает самостоятельный характер и свои особенности.

Не существует ни одного памятника языка, написанного целиком и полностью на народной латыни. Никто кроме древнеримского писателя П. Арбитра (*Petronius Arbiter*, 27–66) не писал сознательно на народной латыни. Самым известным таким романом является «Сатирикон» (первоначальное название «Сатуры»). Однако во многие произведения проникали народнолатинские элементы (так называемые, вульгаризмы).

Они представлены в различных текстах, надписях, переводах, в частной переписке и даже грамматиках. Но все эти источники лишь фрагментарно отражают характерные черты народной латыни, элементы которой встречаются

во все периоды развития латинского языка. Их количество значительно возрастает в классическую эпоху, после III века и, особенно падения Рима в 476 году [Корлэтяну 1974, с. 104].

Безусловно, больше всего народно-разговорные элементы, особенно крестьянские слова и обороты, использовались в народных комедиях, известных под названием «литературные ателланы». Персонажами, чаще всего, были глупцы.

Особенно много народнолатинских элементов появляются в произведениях одного из первых римских комедиографов Т. М. Плавта. В его пьесах действующими лицами становились люди из низших слоёв населения (рабы, плебеи и некоторые другие). Их язык, соответственно, носит народно-разговорный характер. Таким образом, писатель показывает жизнь своих персонажей. Самым известным произведением Т. М. Плавта является комедия «Хвастливый воин» (лат. «*Miles gloriosus*») [Корлэтяну 1974, с. 107].

Элементы народной латыни проникли в различные труды научно-технического характера. В первую очередь, это трактат «Об архитектуре» («*De architectura*») известного инженера-архитектора М. В. Поллиона (Marcus Vitruvius Pollio, 80–15 гг. до н. э.). Большое значение для изучения разговорного латинского языка имела работа римского поэта и философа Т. Л. Кара (Titus Lucretius Carus, 99–55 гг. до н. э.) «О природе вещей». А также трактат римского учёного-энциклопедиста и писателя М. Т. Варрона (Marcus Tarentius Varro, 116–27 гг. до н. э.) «О латинском языке» [Корлэтяну 1974, с. 110].

2. 1. 2. Основные этапы развития провансальского языка

Ключевым понятием творчества Ф. Ж. М. Ренуара стал «провансальский язык». С целью лучше понять лингвофилософскую концепцию о происхождении романских языков французского учёного, мы также обратились к изучению понятия «провансальский язык» и основным этапам развития этого языка.

Понятие «провансальский язык» происходит от названия бывшей Римской провинции: *Provincia Romana* или просто *Provincia* [Алисова 2001, с. 278]. В Средние века его называли «la langue d'oc» (*oc* – утвердительная частица) [Клокова 2003, с. 13].

Первые тексты на провансальском языке появляются довольно рано. Отдельные слова и фразы встречаются уже в документах VIII – IX вв. Самый древний юридический документ из сохранившихся, целиком написанный на провансальском, относится к 1106 году. Является нотариальным актом [Алисова 2007, с. 176].

Первым памятником провансальского языка и литературы считаются относимые к XI веку поэма «Боэций» (фр. «*Boëcis*»), от которой остался фрагмент из 257 стихов, и Песнь о святой Вере Аженской (фр. «*Chanson de Sainte Foy*

d'Agent»), состоящая из 593 восьмисложных стихов, разделённых на строфы-тирады [Бурье 2008, с. 241].

В XI веке начало складываться провансальское литературное койне, которое окончательно утвердилось в следующем веке, в поэзии трубадуров [Брюнель-Лобришон 2003, с. 1]. В Средние века, особенно, в XII веке, провансальский (*langue d'oc*) был высокоразвитым литературным языком, языком трубадуров, таких как А. Даниэль (*Arnaut Danièl*, около 1150–после 1210), Б. де Вентадорн (*Bernart de Ventadorn*, около 1140–1200), П. Видаль (*Peire Vidal*, 1175–1205) и др. Провансальский для них был способом выражения своих чувств и раздумий [Будагов 2001, с. 21].

Творчество трубадуров было первым опытом европейской лирики на народном языке. Оно представляет одну из интереснейших ветвей мировой поэзии и лежит у истоков всей последующей истории европейской литературы. Дошедшее до нас наследие трубадуров само по себе весьма обширно: известно около 2540 песен 460 поэтов [Мейлах 1975, с. 4–10].

После указа (1539 г.) французского короля Франциска I (*François I*, 1494–1547) о введении французского языка как обязательного в официальных документах провансальский язык уже не считался самостоятельным языком, а стал лишь местным диалектом.

В XIX веке провансальский был воскрешён как литературный язык благодаря деятельности великого провансальского поэта Ф. Мистраля (*Frédéric Mistral*, 1830–1914) и его школы (движение фелибров, фелибриж (*фр. félibrige*)).

Несмотря на то, что в начале XIX века движение фелибров прекратило своё существование, поэзия на провансальском языке существует до сих пор. Более того, на провансальском издаются журналы. Его изучают в университетах Франции. А также регулярно собираются международные конгрессы по вопросам современного провансальского и старопровансальского языка. Провансальский является родным языком (в большинстве случаев наряду с французским) части

населения южной Франции. По своему строю он ближе всех к каталонскому [Сергиевский 1952, с. 21].

2. 1. 3. Концепции о происхождении романских языков

Романская филология, как наука, сформировалась лишь в XIX веке, однако её истоки уходят в далёкое Средневековье. Примерно в 1305 году, известный итальянский поэт Д. Алигьери (Dante Alighieri, 1265–1321) написал трактат «О народном красноречии» [Десницкая 1985, с. 157]. В этом труде он первый в истории романистики назвал народную латынь основой формирования известных ему романских языков. Об их общности говорило сходство таких понятий, как «небо», «земля», «любовь», а также главголов «быть», «жить», «умирать» и т. д.

Д. Алигьери отмечал, что при утвердительном ответе жители Южной Европы, которые говорили *oc*, находятся в западной части от Женевского озера (имеются в виду провансальцы), те, кто употребляют *sic* – в восточной и южной части (итальянцы), а те, которые использует *ille*, являются северными по отношению к первым (французы). Таким образом, он различал три романских языка, сформированных на базе народной латыни: итальянский, французский и провансальский.

Советский и российский лингвист А. В. Десницкая (1912–1992) в своей книге «История лингвистических учений» (1985 г.) трактует рассуждения Д. Алигьери о происхождении языков как «одну из необычайных для того времени» или «одну из значительно определивших своё время» гениальных догадок, которые возникают как бы в пустоте, нисколько не определяются предшествующими теориями языка и господствующим мировоззрением» [Десницкая 1985, сс. 157–158].

Несмотря на то, что работа итальянского мыслителя написана более шести с половиной столетий тому назад, для исследователей романских языков она всегда

имела большое значение. Число признанных романских языков так и оставалось три вплоть до XVIII века. Со временем в связи с упадком провансальской литературы вместо провансальского включали в романскую группу языков испанский. Позднее, учитывая политические причины, португальский также стали относить к романским языкам. Следовательно, к XVIII веку романских языков насчитывалось уже пять: французский, итальянский, испанский, провансальский и гасконский, то есть каталонский.

Безусловно, заслуживает внимания лингвистическая концепция Ш. де Бовеля (1479–1566). Он стал первым во Франции исследователем романских языков, кто совершил попытку дать научное обоснование проблемы происхождения французского языка. Как известно, в эпоху Возрождения его истоки возводили к латинскому языку, что объяснялось, прежде всего, высоким социальным статусом латыни. Ш. де Бовель был также одним из первых исследователей романских языков в истории лингвистической мысли, кто обратился к проблеме языковых контактов и в своих исследованиях опирался на исторические факты. Он признавал исключительное многообразие французского языка и, обнаружив большое количество варварских слов в его составе, утверждал, что он имеет смешанный характер.

Особое значение для романской филологии имеет сравнительно небольшой трактат Ш. де Бовеля (107 с.). Он называется «Книга о различии народных языков и разнообразии французского языка; какие слова у французов являются искусственными и неисконными, или варварскими; какие по происхождению восходят к латинскому языку; о предположительном происхождении французских имен» («*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum*» (1533 г.). Труд содержит многочисленные рассуждения, которые автор подкрепляет внушительным по объёму эмпирическим материалом [Михайлова 2017, с. 98–100].

По мнению И. К. Аделунга романские языки образовались примерно в XI – XII вв. на базе смешения латинского с туземными языками бывших римских провинций (*lingua romana rustica*). Романскими он назвал следующие языки: французский, итальянский, испанский, португальский и ретороманский [Корлэтяну 1974, с. 94].

Романская филология сформировалась как наука благодаря научной деятельности немецкого учёного К. Ф. Дица (Christian Freidrich Diez, 1794–1876): в истории романистики он впервые применил сравнительно-исторический метод в изучении происхождения романских языков [Черняк 2018, с. 72; Мейе 1938, с. 9]. По мнению немецкого филолога, источником происхождения романских языков является народная латынь. Главными трудами К. Ф. Дица стали: «Грамматика романских языков» («Grammatik der romanischen Sprachen», 1836–1844) и «Этимологический словарь романских языков» («Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen», 1853 г.).

Н. Г. Корлэтяну отмечал, что в первом издании своей «Грамматики романских языков» К. Ф. Диц различал шесть романских языков. Каталонский не занимал самостоятельного места. Однако во втором издании этого же труда немецкий романист счёл нужным назвать романским и каталонский, увидев в нём самостоятельный язык, ближайшим образом родственный провансальскому, но не

являющийся его диалектом [Корлэтяну 1974, с. 94]. Определение самостоятельности языка было основано на принципе наличия письменных языковых памятников.

Авторитет К. Ф. Дица содействовал тому, что вплоть до 1870 года количество признанных им романских языков (7) так и не изменилось. В восточную группу романских языков он включал итальянский и румынский; в юго-западную – испанский и португальский; в северо-западную – французский, провансальский и каталонский.

Среди работ, посвящённых вопросу о происхождении романских языков, существуют ценные труды учёных, которые не были ни романистами, ни филологами вообще. Во многом помогает понять процесс формирования современных романских языков классическая работа немецкого мыслителя Ф. Энгельса (1820–1895) «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.). Главным фактором самостоятельного развития определённых диалектов и превращения их в романские языки автор считал распад Римской Империи (395 г. н. э.) [Корлэтяну 1974, с. 91].

Некоторые, хорошо известные филологи, как, например, итальянский учёный Г. И. Асколи (Graziadio Isaia, 1829–1907) или романист В. Мейер-Любке утверждали, что романские языки не вышли прямо из народной латыни, а, скорее, образовались на её основе [Корлэтяну 1974, сс. 88–91]. Речь идёт о той ситуации, которая складывалась на протяжении существования Древнего Рима и вообще Римского государства (приблизительно 754 г. до н. э.–476 г. н. э.) (см. пп. 2. 1. 1. 2. 1. 2).

Большое распространение получила этнологическая теория или теория субстрата, разработанная Г. И. Асколи [Лоя 1968, с. 96]. В качестве основной причины возникновения особенностей латыни отдельных провинций итальянский филолог выдвигал этнический фактор. Он объяснял различия в нынешних романских языках тем, что местные языки покорённых римлянами народов по-разному воздействовали на латинский язык и тем самым содействовали его постепенной дифференциации [Лоя 1968, с. 96].

Сначала теория субстрата была поддержана, однако позднее большинство учёных её критиковали. Например, российский филолог М. В. Сергиевский (1892–1946) указал на её односторонность из-за того, что в ней совсем не учитывается социальный фактор. Тем самым теория субстрата носит абстрактный характер и не может быть признанной единственным объяснением формирования романских языков.

Полностью отрицал теорию субстрата немецкий филолог Г. Грёбер (Hermann Groeber, 1844–1911). Его концепция тоже, безусловно, заслуживает внимания. Он обосновал хронологическую или историческую теорию образования романских языков. По нему, началом формирования романских языков следует считать романизацию первой провинции за пределами Италии, завоёванной римлянами, и продолжающуюся с каждым новым завоеванием.

Учёный установил такую хронологическую схему романизации провинций: 1) Сардиния, 2) Испания, 3) Португалия, 4) Каталония, 5) Южная Франция, 6) Северная Франция, 7) Реция, 8) Дакия, 9) Италия.

По мнению некоторых филологов, концепция Г. Грёбера указывает на главнейший фактор развития романских языков. Она была поддержана, например, итальянским учёным Дж. Бонфарте (Giuliano Bonfante, 1904–2005).

Однако Н. Г. Корлэтиану отмечает, что «концепция Грёбера схематична и не способна объяснить сам процесс формирования и дифференциацию романских языков [Корлэтиану 1974, с. 89].

Довольно известна теория происхождения романских языков В. Мейер-Любке. По нему, при изучении проблемы формирования романских языков должны учитываться общественные отношения. Во многом его концепция схожа с концепцией Ф. Энгельса. Он считал, что главным фактором образования романских языков стало падение Рима (410 г. н. э.) и распад Римского государства (476 г. н. э.) [Корлэтиану 1974, с. 91]. Из-за этих событий нарушились связи между провинциями и, соответственно, установились новые социальные, политические, экономические, а также, разумеется, языковые контакты. Каждая бывшая римская провинция стала жить своей самостоятельной жизнью. Так, например, Сицилия, которая имела более тесные связи с Южной Италией, обнаруживает больше общих лингвистических черт именно с этой частью Италии, чем с Сардинией, хотя Сицилия и Сардиния были завоёваны Римской империей почти одновременно.

Киевский романист С. В. Савченко (1889–1942) различал одиннадцать романских языков: испанский, португальский, каталанский, провансальский, французский, итальянский, румынский, сардский, ретороманский, молдавский, далматский [Корлэяну 1974, с. 95]. В своей работе «Происхождение романских языков» (1916 г.) он писал: «За народной латынью окончательно утверждено её значение, как основы романских наречий, определено отношение её к латыни классической, указаны пути и способы романизации. С этих пор никто уже не сомневался в том, от какого языка берут своё начало неолатинские наречия» [Савченко 1916, с. 8].

Все перечисленные концепции о происхождении романских языков, безусловно, заслуживают внимания. Однако, по мнению, Н. Г. Корлэяну ни одна из них не в состоянии полностью объяснить процесс формирования романских языков. Он пишет: «Большинство романистов считают, что латинский язык отмирал как живой, разговорный язык определённого населения: в V – VI вв. Галии, в VII в. – в Италии, в VI в. – на Балканах. Что касается памятников уже вновь сформировавшихся романских языков, то они появились лишь в IX в. [Томашпольский 2019, с. 15]. Разрыв в 3 – 4 вв. не даёт возможности романистам установить все детали перехода от латинского к романским» [Корлэяну 1974, с. 87].

Добавим, что по современным представлениям, романская группа языков относительно многочисленна, поскольку она включает пятьдесят языков и приравниваемых к ним форм романской речи [Томашпольский 2019, с.11].

Итак, проведённые исследования показали, что Ф. Ж. М. Ренуар является единственным филологом из всех, чьи имена вошли в научный обиход стран Западной Европы, кто утверждал: источником происхождения романских языков был провансальский [Сумарокова 2019, с. 169].

2. 2. Лингвофилософская концепция Ф. Ж. М. Ренуара о происхождении романских языков

Ф. Ж. М. Ренуар стал первым французским филологом, осознавшим следующий факт: для того, чтобы понять современное состояние языков, необходимо знать их историю [Алисова 2011, с. 7]. Как уже было сказано выше, центральной мыслью творчества французского филолога был провансальский как источник происхождения романских языков (см. с. 13). Рассмотрим его лингвофилософскую концепцию происхождения романских языков подробно.

В ходе исследований происхождения романских языков французский филолог обнаружил, что наряду со старофранцузским на территории Франции существовал ещё другой, более древний романский язык, на котором была создана богатая, но почти никому не известная литература [Алисова 2011, с. 7]. Ф. Ж. М. Ренуар считал, что именно на этом языке когда-то говорила вся Западная Европа, и только через несколько веков возникли другие романские языки [Schlegel 1818, р. 39].

Французский учёный утверждал, что языки Латинской Европы вышли из примитивного романского языка, под которым он подразумевал язык, возникший из испорченной латыни [Raynouard 1816, р. 8]. Его памятником являются, например, «Страсбургские клятвы» 842 года [Raynouard 1836, р. 3].

В 1816 году Ф. Ж. М. Ренуар издал грамматику этого языка, включив в неё многочисленные извлечения из текстов. Он предположил, что открытый им язык стал прямым продолжением того, который, на его взгляд, был единым народным романским языком (старопр. *lingua romana rustica*), получившим своё распространение в южных областях империи Карла Великого (Прованс, Италия, часть Испании и Португалии). Его мнение подтверждало часто повторяющееся в языке трубадуров слово *romanz* (*роман*): оно доказывало осознание ими отличия

между их языком и латынью. Поэтому свой труд филолог назвал «Грамматика романского языка» [Алисова 2011, с. 8].

Ф. Ж. М. Ренуар писал: «Я надеюсь, что результат моих исследований покажет общий источник разных языков Латинской Европы и рассеет сомнения по поводу существования древнего примитивного языка, «грубой идиомы»» [Raynouard 1836, р. 1]. Обращаясь к истории Римской империи, он сообщает о том, что её официальным языком был латинский, но поскольку народы, жившие на завоёванных землях, имели свой язык, возникло много новых говоров [Raynouard 1816, р. 8]. В этот период латынь спас только культ христианства. Латинский являлся универсальным языком декретов и всего, что было связано с церковью [Raynouard 1816, р. 9].

Но количество иностранцев на территории Римской империи не переставало увеличиваться, поэтому к XVI веку официальный язык превратился в хаос. Особенно это было заметно на уровне грамматики.

Ф. Ж. М. Ренуар утверждал, что провансальский когда-то был общим языком «Латинской Европы», став предшественником романских языков. По нему, все романские языки имели одно происхождение, но провансальский сформировался раньше всех, а, следовательно, другие романские языки наполнены его лексикой. Романские языки вышли из примитивного романского языка, тогда как примитивный романский язык продолжил совершенствоваться в провансальском [Raynouard 1821, р. 4]. Эту мысль он подробно развивает в своей работе «Грамматика языков Латинской Европы в её сравнении с языком трубадуров» (1821 г.).

Вывод о том, что провансальский стал первым сформированным романским языком, филолог сделал на основании обнаружения в нём самого большого количества античных значимых форм. Ф. Ж. М. Ренуар также говорил о том, что можно с лёгкостью увидеть черты, которые отличают языки Латинской Европы от

примитивного романского языка. И если бы они исчезли, то каждый язык стал бы идентичным провансальскому.

Лингвист создал шесть книг, посвященных языку трубадуров. Изданые тома получили общее название «Избранная оригинальная поэзия трубадуров» (1816 – 1821). В своём труде «Грамматика языков Латинской Европы в её сравнении с языком трубадуров» (1821 г.) Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что средневековые поэты-певцы заняли весьма почётное место не в одной стране. Именно поэтому изучение их творчества есть верный путь к тому, чтобы понять и оценить нравы, обычаи эпохи, в которой они жили. Он добавляет: «Углубленное изучение их языка принесёт не меньше пользы филологам, лингвистам, грамматистам, которые серьёзно работают над поиском и установлением сходств различных говоров, акцентируя внимание на тех, главные элементы, основные формы которых указывают на один и тот же источник происхождения» [Raynouard 1821, р. 2].

После смерти Ф. Ж. М. Ренуара был опубликован созданный им шеститомный труд, который лингвист озаглавил «Словарь языка трубадуров или романская лексика в её сравнении с лексикой других языков Латинской Европы» (1838 – 1844) [Алисова 2011, с. 8].

2. 3. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его трудах по романской филологии

2. 3. 1. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Основы грамматики романского языка»

Обратимся к самим трудам Ф. Ж. М. Ренуара по романской филологии. Как уже отмечалось раньше, к наиболее известным из них относятся: «Основы грамматики романского языка» («Éléments de la grammaire romane», 1816 г.),

«Избранная оригинальная поэзия трубадуров» («*Choix des poésies originales des troubadours*», 1816–1821), «Романская лексика или словарь языка трубадуров» («*Lexique roman ou Dictionnaire de la langue des troubadours*», 1838–1844), «Влияние сельского романского языка на языки Латинской Европы» («*Influence de la langue romane rustique sur les langues de l'Europe latine*», 1836 г.) и некоторые другие (см. с. 5).

В первую очередь, мы обратимся к работе «Основы грамматики романского языка» («*Éléments de la grammaire romane*», 1816 г.). Она является не только составной частью многотомного труда Ф. Ж. М. Ренуара «Избранная оригинальная поэзия трубадуров» («*Choix des poésies originales des troubadours*», 1816–1821), но и введением к этому произведению. Добавим, что с нашей точки зрения, эта работа стала введением также ко всем последующим трудам учёного по романской филологии, поскольку содержит наиболее важную информацию о языке, который, по мнению филолога, стал источником формирования романских языков. Практически во всех своих книгах Ф. Ж. М. Ренуар ссылается на своё первое произведение.

Труд «Основы грамматики романского языка» («*Éléments de la grammaire romane*», 1816 г.) разделён на две части: 1) теоретическую и практическую. Теоретическая часть включает в себя: «Введение» («*Avertissement*»), «Список основных памятников романского языка, использованных в исследовании» («*Indication des principaux monuments de la langue romane, cités dans ces recherches*»), «Исследования происхождения и формирования романского языка» («*Recherches sur l'origine et la formation de la langue romane*»). Практическая часть состоит из следующих параграфов: «Образование существительных» (Formation des substantifs), «Образование прилагательных» («Formation des adjectifs»), «Примеры употребления романских существительных» («*Exemples de l'emploi des substantives romans*»), «Примеры употребления романских прилагательных» («*Exemples de l'emploi des adjectifs romans*»), «Артикли романского языка» (Articles de la langue

romane), «Личные местоимения» («Pronoms personnels»), «Притяжательные местоимения» («Pronoms possessifs»), «Указательные местоимения» («Pronoms démonstratifs»), «Относительные местоимения» («Pronoms relatifs»), «Неопределённые местоимения» («Pronoms indéfinis»), «Образование глаголов» («Formation des verbes»), «Изъявительное наклонение» («Indicatif»), «Условное наклонение» («Conditionnel»), «Повелительное наклонение» («Impératif»), «Сослагательное наклонение» («Subjonctif»), «Образование пассивного залога» («Modes et temps du passif»), «Вспомогательные глаголы aver и esser или estar» («Verbes auxiliaires aver, et esser ou estar»), «Предлоги, наречия, союзы» («Prépositions, adverbes, conjonctions»), «Союзы и отрицания» («Conjonctions et négations»).

В разделе «Список основных памятников романского языка, использованных в исследовании» филолог перечисляет такие памятники, как, например, «Страсбургские клятвы» («Serment prêté à Strasbourg», 842), «Поэма о Боэции» («Poème de Boèce») и другие.

Далее, в разделе «Исследования происхождения и формирования романского языка» Ф. Ж. М. Ренуар представляет свои лингвофилософские рассуждения о происхождении и формировании романского языка. Главным образом, речь идёт о завоевательной политике Римской империи.

На наш взгляд, наиболее важными положениями, выдвигаемыми французским учёным, являются следующие:

- Римляне стали считать себя хозяевами мира.
- Римляне приняли решение присоединить к метрополии побеждённые государства.
- Сенат постановил, что лучшим способом урегулирования общественных отношений станет установление одного общего языка в качестве официального (латинского).

- Чем больше римляне узнавали о греческой литературе, тем больше требовали, чтобы греки говорили на их языке.
- Законы и указы издавались только на латинском языке.
- Статус латинского языка был настолько высоким, что римский император Тиберий Юлий Цезарь Август (Tiberius Julius Caesar Augustus, до н. э. 42–37 г. н. э.) при произнесении речи в Сенате приносил свои извинения за употребление слова греческого происхождения «монополия» (впоследствии оно вышло из употребления также как, например, греческое слово «эмблема»).
- За незнание латинского языка можно было даже потерять должность и лишиться гражданских прав [Raynouard 1816, p. 3].
- Народ, подчинённый власти Рима, сначала говорил на латыни только по необходимости. Но в скором времени изучал его в своих же интересах.
- Рим не только прививал народу навыки говорения и письма на латыни, но также старался передать ему образ мышления, мироощущение и принципы суждения истинного римлянина [Raynouard 1816, p. 5].
- Профессии «адвокат» и «филолог» были доступны только тем, кто знал латинский язык, поскольку они считались самыми серьёзными [Raynouard 1816, p. 6].
- Римская империя, беспрерывно захватывающая народы, была вынуждена защищаться от этих же народов, которые со всех сторон безнаказанно вторгались в её широкие пределы. Латинскому языку грозило исчезновение [Raynouard 1816, pp. 7–8].
- Латинский язык спасало то, что он был напрямую связан с наукой и искусством. К тому же утвердилось христианство. Рим оставался центром религии.
- Однако со временем римская цивилизация практически перестала существовать.

- Победители и побеждённые были вынуждены как-то общаться. Смешение их языков, как следствие, было губительным для латинского языка, который стремительно деградировал [Raynouard 1816, p. 12].
- К VI веку последствия деградации латинского языка были уже необратимыми. Нарушение грамматических правил сильно осложняло взаимопонимание [Raynouard 1816, p. 18].
- Несмотря на сложность слов языков варваров, произошла трансмутация гласных. Например, вместо формы *volumus* (*хотим*) стала употребляться форма *volomus*.
- Франкский епископ Г. Турский (Gregorius Turonensis, 538–594) в предисловии к своему труду «Слава духовникам» выражает опасение по поводу того, что в неправильном употреблении рода его не упрекнут [Raynouard 1816, p. 22]. Появились два предлога: *de* и *ad*. Значение предлога *de* было сопоставимо с родительным падежом, *ad* – с дательным. В результате этого окончания имён существительных стали использоваться произвольно, и, утратив тем самым своё значение, были со временем отменены [Raynouard 1816, p. 22].
- Предлоги (например, *de* и *ad*) очень часто употреблялись произвольно, что было заметно даже на уровне управления глагола [Raynouard 1816, p. 18].
- Из-за сильного нарушения правил грамматики, латинский язык со временем становится неузнаваемым.

В параграфе «Образование существительных» («Formation des substantifs»)

Ф. Ж. М. Ренуар приводит примеры существительных романского языка, образованных от существительных латинского языка, поставленных в форму винительного падежа.

Например:

- *artem* → *art* (*искусство*);
- *accidentem* → *accident* (*происшествие, несчастный случай*);

- *ducem* → *duc* (герцог);
- *serpentem* → *serpent* (змея) [Raynouard 1816, p. 26].

Ф. Ж. М. Ренуар приводит примеры особых случаев образования существительных.

Некоторые существительные были образованы путём утраты гласного.

Например:

- *corpus* → *corps* (тело);
- *tempus* → *temps* (время) [Raynouard 1816, p. 30].

Некоторые существительные были образованы путём утраты окончания и его замены финальной гласной.

Например:

- *articulus* → *articule* (артикуль);
- *oraculum* → *oracle* (оракул).

Из-за тенденции к упрощению некоторые труднопроизносимые существительные утратили внутреннюю согласную.

Например:

- *matre* → *mare* (мать);
- *patre* → *pare* (отец) [Raynouard 1816, p. 31].

В параграфе «Образование прилагательных» («Formation des adjectifs») французский романист пишет, что образование прилагательных романского языка происходило по тому же принципу, что и образование существительных романского языка.

Например:

- *rusticus* → *rustic* (сельский);
- *fortis* → *fort* (сильный);
- *evidentem* → *evident* (очевидный);
- *gloriosus* → *glorios* (славный);

- *humanus* → *human* (*гуманный, человечный*);
- *obscurus* → *obscur* (*тёмный, мрачный*) [Raynouard 1816, p. 31].

Ф. Ж. М. Ренуар подчёркивает, что все отглагольные прилагательные без исключений были образованы от формы причастия настоящего и прошедшего времён.

Например:

- *amantem* → *amant* (*любимый*).

Учёный отмечает, что в силу стремления к упрощению некоторые труднопроизносимые прилагательные так же как и труднопроизносимые существительные утратили внутреннюю согласную.

Например:

- *visibilis* → *visibl* (*видимый*);
- *terribilis* → *terribl* (*ужасный*) [Raynouard 1816, p. 33].

В разделах «Примеры употребления романских существительных» («*Exemples de l'emploi des substantifs romans*») и «Примеры употребления романских прилагательных» («*Exemples de l'emploi des adjectifs romans*») Ф. Ж. М. Ренуар приводит большое количество примеров употребления романских существительных и прилагательных, используя памятники исторического периода с VII по X вв. включительно.

Например:

- *enfant* (*ребёнок*), *sang* (*кровь*), *mort* (*смерть*) («*Поэма о Боецii*»);
- *christian* (*христианский*), *commun* (*общий, единый*), *nul* (*никакой, ничтожный*) (Страсбургские клятвы) [Raynouard 1816, p. 35].

Французский филолог критикует тех исследователей языка, которые учитывали лишь отношение латыни к их родному языку, игнорируя романский язык, который служил посредником между ними. Этим учёным он адресует целое множество вопросов.

Например:

- Как из латинского ablativa *veritate* образовались итальянское существительное *verita* (*правда*) и испанское существительное *veridad* (*правда*)?
- Как из латинского ablativa *febri* образовались итальянское существительное *febbre* (*лихорадка*) и испанское существительное *fiebre* (*лихорадка*)? [Raynouard 1816, p. 37].

Проведя исследования происхождения романских существительных, Ф. Ж. М. Ренуар заключает: большинство из них образовались от латинских существительных, поставленных в форму именительного и, главным образом, винительного падежей [Raynouard 1816, p. 38].

В параграфе «Артикли романского языка» («Articles de la langue romane») Ф. Ж. М. Ренуар выражает следующую мысль: все артикли романского языка образовались от латинского местоимения *ille* (*он*). Доказательством их существования и употребления служат памятники VIII, IX и X вв.

Филолог представляет все эти артикли:

- *el (lo)* – м. р., ед. ч.
- *els, li; los, il* – м. р., мн. ч.
- *la* – ж. р., ед. ч.
- *las* – ж. р., мн. ч.

Ф. Ж. М. Ренуар также представляет все эти артикли в их сочетании с предлогами *de* и *ad*, которые, как и в современном французском языке, очень часто употреблялись в романском.

Романские артикли в сочетании с предлогом *de*:

- *del* – м. р., ед. ч.
- *dels; des* – м. р., мн. ч.
- *de la* – ж. р., ед. ч.
- *de las* – ж. р., мн. ч.

Романские артикли в сочетании с предлогом *ad*:

- *al; el* – м. р., ед. ч.
- *als* – м. р., мн. ч.
- *a la* – ж. р., ед. ч.
- *a las* – ж. р., мн. ч. [Raynouard 1816, p. 42].

Ф. Ж. М. Ренуар заключает: Важнейшей особенностью романского языка стало появление артиклей, которые избавили от необходимости употребления окончаний, и при этом не оказали никакого негативного влияния на ясность речи, поскольку содержали информацию, как о роде, так и о числе существительного [Raynouard 1816, p. 42, p. 44].

Интересна следующая мысль французского филолога: памятники VII и VIII вв. свидетельствуют о том, что в таких языках, как готский и французский уже употреблялись артикли. Их употребление в романском языке говорит о прямом влиянии на него этих двух языков. Однако Ф. Ж. М. Ренуар опровергает это предположение. Он пишет, что в отличие от артиклей романского языка, артикли готского и французского всё равно предполагали употребление окончаний [Raynouard 1816, p. 42, p. 45].

В параграфе «Образование существительных» («Formation des substantifs») французский романист описывает самые разные случаи образования существительных. Некоторые из них были образованы путём опущения внутренней гласной латинского существительного:

Например:

- *tempus* → *temps* (время);
- *corpus* → *corps* (тело)

В параграфах, посвящённых исследованию романских местоимений («Pronoms»), Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что за исключением некоторых нюансов, местоимения романского языка были заимствованы из латыни [Raynouard 1816, p. 51]. К числу исключений учёный относит, например то, что форма латинского

относительного местоимения прямого дополнения *quem*, которое заменило существительное, поставленное в форму винительного падежа, было преобразовано в форму *que* [Raynouard 1816, p. 57].

В параграфе «Образование глаголов» («Formation des verbes») Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что инфинитивы глаголов романского языка были образованы путём утраты окончаний инфинитивов латинских глаголов.

Филолог отмечает, что почти у всех начальных форм латинских глаголов активного залога было окончание *re*. Гласная *e* была утрачена, а согласный *r* стал окончанием практически всех глаголов романского языка. Перед ним могли стоять такие гласные, как *a*, *e* или *i*.

Например:

- *tenere* → *tener* (*держать*).
- *sentire* → *sentir* (*чувствовать*) [Raynouard 1816, p. 65].

В параграфе «Изъявительное наклонение» («Indicatif») Ф. Ж. М. Ренуар пишет о спряжении романских глаголов активного залога в изъявительном наклонении.

Романская форма первого лица единственного числа глагола была образована путём утраты таких окончаний инфинитивов латинских глаголов, как *ar*, *er*, *re* и *ir*.

Например:

- *plorar* → *plor* (*плачу*).
- *Plor tota dia...* (*Плачу весь день...*) («Поэма о Бозии»).

Романская форма второго лица единственного числа глагола осталась такой же, как и латинская форма второго лица единственного числа глагола. Она характеризовалась окончанием *s*.

Романская форма третьего лица единственного числа глагола была образована путём утраты окончания *t*, которым характеризовалась латинская

форма третьего лица единственного числа глагола. Таким образом, употреблялась та же форма глагола, что и для первого лица.

Например:

- *Ella smetessma ten las claus de paradis* (*Она сама держит ключи от рая*) (*«Поэма от Бозии»*) [Raynouard 1816, pp. 67–68].

Романская форма первого лица множественного числа глагола была образована путём утраты окончания *is*, которым характеризовалась латинская форма первого лица множественного числа глагола.

Например:

- *Nos e molz libres o trobam legen...* (*Мы во многих книгах это находим, читая...*) (*«Поэма о Бозии»*).

Романская форма второго лица множественного числа глагола была образована путём утраты внутренней гласной *i*, которой характеризовалось окончание (*tis*) латинской формы второго лица множественного числа глагола.

Например:

- *amatis* → *amats* (*любите*).

Романская форма третьего лица множественного числа глагола была образована путём утраты окончания *t*, которым характеризовалась латинская форма третьего лица множественного числа глагола. Например:

- *amatant* → *amatap* (*любят*) [Raynouard 1816, p. 68].

В параграфе «Прошедшее незавершённое» (*«Imparfait»*) Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что формы прошедшего незавершённого времени романских глаголов, образованные от латинских глаголов, заканчивающихся сочетанием *are*, были образованы путём утраты окончаний. Исключения составляли только романские формы второго лица единственного и множественного чисел глаголов. Форма второго лица единственного числа осталась без изменений, а форма второго лица множественного числа была образована путём утраты гласной *i*, которой

характеризовалось окончание латинской формы второго лица множественного числа глагола.

Учёный отмечает, что буква *b*, которая часто стояла на конце латинских глаголов, заканчивающихся на сочетание *are*, заменялась в романском языке буквой *v*.

Например:

- *Molt fort blasmava Boecis sos amigs...* (*Сильно ругал Боэций своих друзей...*) («Поэма о Боэции») [Raynouard 1816, p. 68].

В следующем параграфе «Прошедшее простое» («*Prétérit simple*») Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что это время претерпело целое множество изменений.

Романские глаголы, образованные от глаголов латинского языка, заканчивающихся на сочетание *are*, в прошедшем простом времени получили следующие окончания: *ei*, *eis*, *et*, *em*, *ets*, *eron* или *eren*.

Например:

- *No credet deu lo nostre creator...* (*Он не верил Богу, нашему создателю...*) («Поэма о Боэции») [Raynouard 1816, pp. 69–70].

Большинство романских глаголов, образованных от латинских глаголов второго и третьего спряжения, заканчивающихся за сочетание *ere* и, особенно, от латинских глаголов четвёртого спряжения, заканчивающихся на сочетание *ire*, в прошедшем простом времени получили следующие окончания: *i*, *ist*, *i*, *im*, *its*, *iren* или *iron*.

Например:

- *No t servi be, no la m volguist laisar...* (*Я нехорошо тебе служил, ты не хотел мне позволить...*) («Поэма о Боэции»).

В следующих параграфах Ф. Ж. М. Ренуар пишет об образовании времён в романском языке.

Прошедшее сложное время (*prétérit composé*) в романском языке строилось при помощи глагола *aver* (*иметь*), поставленного в форму настоящего времени и последующего за ним причастия прошедшего времени смыслового глагола.

Например:

- *Zo sun bon omne qui an redeems lor peccat...* (*Хорошие – это те люди, которые искупили свои грехи*) («Поэма о Бозии»).

Давнопрошедшее время (*plus-que-parfait*) в романском языке строилось примерно по тем же принципам, что и прошедшее сложное. Только глагол *aver* (*иметь*) ставился в форму прошедшего незавершённого.

Будущее простое время (*futur simple*) в романском языке строилось путём прибавления к инфинитиву или устойчивой форме (аферезы) глагола окончаний спряжения глагола *avoir* (*иметь*) в настоящем времени.

Например:

- *Vedarai... aucirai... darai... tolrai... farai...* (*помешаю... сражу... дам... сниму... сделаю...*) («Поэма о Бозии»).

Также Ф. Ж. М. Ренуар пишет об образовании наклонений в романском языке. Условное наклонение (*conditionnel*) в романском языке образовывалось при помощи добавления к инфинитиву окончаний спряжения глагола «*aver*» в прошедшем незавершённом времени.

Например: *amaria, amarias, amaria, amariam, amariats, amarian* или *amarion, amarien*.

Повелительное наклонение и сослагательное наклонения (*impératif/ subjonctif*) в романском языке строились примерно так же, как в латинском: путём изменения окончаний глаголов [Raynouard 1816, pp. 72–73].

В параграфе «Пассивный залог» («*Modes et temps du passif*») Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что пассивный залог в романском языке строился при помощи разных форм глаголов *essere* или *estare* и смыслового глагола, поставленного в форму причастия

прошедшего времени. Это причастие подчинялось тем же правилам, что и отлагольное прилагательное.

Например:

- *D'una donzella fut lainz visitaz* (*Его посетила одна дама*) (*«Поэма о Бозии»*).

В параграфе «Вспомогательные глаголы aver и esser или estar» (*«Verbes auxiliaires aver, et esser ou estar»*) Ф. Ж. М. Ренуар пишет о роли вспомогательных глаголов в романском языке. На наш взгляд, главным положением, выдвигаемым учёным, является следующее: вспомогательные глаголы (*aver* и *esser/estar*) значительно облегчают спряжение в романском языке, поскольку участвуют в образовании почти всех времён.

Ранее французский филолог уже отмечал, что путём прибавления к инфинитиву или устойчивой формы (аферезы) смыслового глагола окончаний спряжения вспомогательного глагола *aver*, поставленного в форму настоящего времени, в романском языке строилось будущее время (см. с. 114). По тому же принципу в романском языке строилось условное наклонение. Только к инфинитиву или устойчивой форме (аферезы) смыслового глагола присоединялись окончания спряжения вспомогательного глагола *aver*, поставленного в форму прошедшего незавершённого времени.

Учёный подчёркивает, что такой удобный способ образования будущего времени и условного наклонения прослеживается и в других языках Латинской Европы, что доказывает его родство с ними.

Например:

Aimer (фр. любить)

- *aimerai* (фр., I лицо, ед. ч.);
- *amaré* (исп., I лицо, ед. ч.);
- *amarei* (порт., I лицо, ед. ч.);
- *amero* (итал., I лицо, ед. ч.).

Ф. Ж. М. Ренуар отмечает, что о родстве языков Латинской Европы с романским свидетельствуют также схожие формы глаголов *esset* и *aver*, которые использовались для образования будущего простого (*ser/aur*):

Форма *ser*:

- *seras* (ром., 2. лицо, ед. ч.);
- *seras* (фр., 2. лицо, ед. ч.);
- *seras* (исп., 2. лицо, ед. ч.);
- *seras* (порт., 2. лицо, ед. ч.);
- *sara* (итал., 2. лицо, ед. ч.) [Raynouard 1816, p. 82].

Форма *aur*:

- *auran* (ром., 3. л., мн. ч.);
- *auront* (фр., 3. л., мн. ч.);
- *habran* (исп., 3. л., мн. ч.);
- *haverano* (порт., 3. л., мн. ч.);
- *avranno* (итал., 3. л., мн. ч.) [Raynouard 1816, p. 83].

В параграфе «Предлоги» («Prépositions») французский филолог приводит большое количество примеров романских предлогов, взятых из литературных памятников.

Например:

- *An ti et senes ti* ‘С тобой и без тебя’.
- *Ella An Boeci parlet ta dolzament* ‘Она разговаривала с Боэцием так тихо’ («Поэма о Боэции») [Raynouard 1816, p. 88].
- *Fe vos Boeci cadegut en afan...* ‘И тогда Боэций впал в тоску...’ («Поэма о Боэции») [Raynouard 1816, p. 89].
- *Et envers Deu era tot sos afixt...* ‘И он был всецело привязан к Богу...’ («Поэма о Боэции») [Raynouard 1816, p. 88–90].

При описании образования наречий (*adverbes*) в романском языке Ф. Ж. М. Ренуар делает акцент на тех наречиях, которые строились при помощи

присоединения окончания «ment» к определённой форме прилагательного, поскольку именно этот способ образования наречия прослеживается во всех языках, источником которых, по мнению филолога, был романский язык [Raynouard 1816, p. 96].

Например:

Романский язык:

- *planamen* (*честно*);
- *malament* (*злобно*);
- *aulhment* (*бесчестно*).

Другие языки:

- *hautement* (*громко*) (*фр.*);
- *blandamente* (*мягко*) (*исп.*);
- *valerosamente* (*добротно*) (*порт.*)

В параграфе «Союзы и отрицания» («Conjonctions et négations») французский романист приводит примеры романских союзов и отрицаний из древних памятников.

Например:

- *Ou il est malade ou autre chose pris le tient...* ‘Или он болен или с ним что-то ещё’ [Raynouard 1816, p. 99].

В завершении своего труда Ф. Ж. М. Ренуар выражает свою мысль о том, что романский язык не мог возникнуть и сформироваться сразу. Все грамматические явления, представленные им в этой работе, формировались на протяжении длительного периода.

2. 3. 2. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Избранная оригинальная поэзия трубадуров»

«Избранная оригинальная поэзия трубадуров» («*Choix des poésies originales des troubadours*», 1816–1821) является крупнейшим трудом Ф. Ж. М. Ренуара и состоит из шести томов.

Обратимся к содержанию первого тома. Книга включает в себя следующие разделы: «Исторические доказательства существования романского языка в древности» («*Les preuves historiques de l'ancienneté de la langue romane*»); «Исследования происхождения и формирования этого языка («Основы его грамматики до тысячного года») («*Recherches sur l'origine et la formation de cette langue* («*Les éléments de sa grammaire, avant l'an 1000*»); «Грамматика языка трубадуров» («*La grammaire de la langue des troubadours*»); Заключение («*Appendice*»).

Во введении (Исторические доказательства древности романского языка) Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что главной целью первого тома стало собрать исторический материал о романском языке. Этот материал должен был подтвердить существование романского языка в древности, определить источник его возникновения, а также формирования, представить основы грамматики этого языка до 1000 года и, наконец, изложить правила усовершенствованного романского языка, письменно зафиксированного в произведениях трубадуров [Raynouard 1816, p. 5].

По мнению учёного, существование романского языка датируется началом французской монархии. Филолог утверждает, что уже тогда можно увидеть разницу между романским и франским языками [Raynouard 1816, p. 6].

На романском языке говорили все народы южной Европы, завоёванные Карлом Великим. Особенно он был распространён на юге Франции, в части Испании и почти по всей Италии [Raynouard 1816, p. 17].

История свидетельствует о том, что Франция была разделена на две части: в одной говорили на языке *oui* или французском, в другой – на языке *os* или провансальском. Ф. Ж. М. Ренуар утверждает, что именно провансальский стал источником итальянского и испанского [Raynouard 1816, pp. 26–28].

Интересно то, что Ф. Ж. М. Ренуар приводит мнения других филологов, разделявших его точку зрения относительно происхождения романских языков. Например, французский исследователь романских языков П. Д. Юэ (Pierre Daniel Huet, 1630–1721) в своём «Трактате о возникновении романов» («Le Traité de l'origine des romans», 1670) пишет, что «...романский язык был назван провансальским не только потому, что в Провансе он изменился гораздо меньше, чем в других областях Франции, но и потому, что провансальцы писали на нём свои сочинения... К тому же трубадуры, певцы и другие исполнители переводили свои произведения на романский язык. Писательское мастерство всех больше было развито именно в Провансе».

Ф. Ж. М. Ренуар отмечает, что учёные, предметом исследования которых была история французского региона Лангедок, придерживались такой позиции: латинский язык начал портиться и, наконец, перешёл в язык, который, в итоге, стали называть «романским» [Raynouard 1816, p. 29].

Во введении французский романист также представляет план, которому будет следовать в этой книге. Его целью было объяснить происхождение романского языка и показать, как именно он формировался и подробно описать грамматику этого языка на примере поэзии трубадуров [Raynouard 1816, pp. 32–32].

Поскольку о происхождении и формировании романского языка, а также основах его грамматики до 1000 года подробно написано в труде Ф. Ж. М. Ренуара «Основы грамматики романского языка» (*Éléments de la grammaire romane*, 1816), останавливаться на этом мы не будем.

Обратимся к разделу «Грамматика языка трубадуров» («La grammaire de la langue des troubadours»). Он разделён на несколько глав.

В первой главе «Артикли» («Articles») Ф. Ж. М. Ренуар представляет артикли романского языка на примере поэзии трубадуров, рассматривая их в сравнении с артиклями французского языка [Raynouard 1816, p. 109].

М. р., ед. ч.

- *el, elh, lo (le)*

Ж. р., мн. ч.

- *las (les)*

Например:

- *EL pan fo cautz, el vin fon bosi* (Хлеб был тёплым, вино было вкусным).

Ф. Ж. М. Ренуар отмечает, что артикль часто не ставился перед романским существительным.

Например:

- *E conosc anta et honor* ‘И знал стыд и счастье’ [Raynouard 1816, p. 118]

Во второй главе «Существительные» («Substantifs») учёный пишет, что почти все существительные романского языка были образованы путём отбрасывания окончаний, которые указывали на падежи латинских существительных.

Ф. Ж. М. Ренуар отмечает, что в единственном числе финальная согласная *s* у всех существительных мужского рода и у большинства существительных женского рода, которые не заканчивались на гласную *a*, обозначала то, что в предложении они выполняли функцию подлежащего (дополнения). То есть, были поставлены либо в форму именительного, либо в форму винительного падежа [Raynouard 1816, p. 122].

Например:

- *No sai si s'es orguelhs o mals talens* (Не знаю, гордость это или нежелание)

В главе «Прилагательные» («Adjectifs») Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что прилагательное в романском языке должно согласовываться в роде и в числе с существительным, к которому оно относится.

Учёный отмечает, что прилагательное женского рода образуется при помощи добавления гласной *a* к прилагательному, поставленному в форму мужского рода.

Например:

- *Guaia chanso* ‘Весёлая песня’ [Raynouard 1816, p. 138]

В главе «Степени сравнения» («Degrés de comparaison») Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что сравнительная степень в романском языке обычно образовывалась при помощи наречий *plus*, *mens*, *mielhs*, *aitant* и некоторых других. Они ставились перед прилагательным, к которому относились. За прилагательным следовало слово *que* (*чем*).

Например:

- *Pus bela que bel jorn de mai* ‘Красивее, чем майский день’ [Raynouard 1816, p. 148]

Учёный отмечает, что, как и в греческом языке, в романском слово *que* часто заменяло предлог *de*.

Например:

- *Non es plus fresca de lei* ‘Не свежее её’ [Raynouard 1816, p. 151]

Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что превосходная степень обычно образовывалась при помощи артикля, который ставился перед наречием, участвующим в формировании сравнительной степени (*plus*, *mens* и др.).

Например:

- *Am la plus bella e la meilleur* ‘Я люблю самую красивую и самую лучшую’

В главе «Местоимения» («Pronoms») Ф. Ж. М. Ренуар представляет все виды местоимений романского языка и рассматривает их на примере песен трубадуров.

Например, личные местоимения:

Ед. ч., 1 лицо

- *me, mi*
- *Respondetz mi* ‘Ответьте мне…’

Мн. ч., 2 лицо

- *Vos*
- *E si seretz vos lo deniers* ‘И если бы вы были последним’ [Raynouard 1816, p. 157].

Притяжательные местоимения:

Ед. ч., 3 л., м. р.

- *son*

Мн. ч., 2. л., ж. р.

- *tiennes*
- *Et toutes mes choses sont tiennes* ‘И все мои вещи будут твоими’ [Raynouard 1816, p. 192]

Указательные местоимения:

Мн. ч, м. р.

- *sels*
- *Tuit sels que m pregan qu'ieu chan* ‘Все те, кто просят меня спеть’

Ед. ч., ж. р.

- *cella, cilh, celleïs*
- *Cella m platz mas que chansos* ‘Эта мне нравится больше, чем песня’

[Raynouard 1816, p. 216]

Указательные местоимения:

Ед. ч.

- *so*
- *So c'om vol* ‘То, что хочется’ [Raynouard 1816, p. 226]

Относительные местоимения:

Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что такие местоимения, как *lo*, *la*, *lor* и др. называются относительными, когда в предложении выполняют функцию прямого дополнения.

Например:

- *Lo cor qu'ieu ai, mas ges no lo us puesc dir* ‘Чувство, которое я испытываю, но никак не могу вам о нём сказать’ [Raynouard 1816, p. 228].

Отдельно рассматриваются наиболее часто встречающиеся относительные местоимения: *y*, *qui*, *que*, *don* и некоторые другие.

Например:

- *Mas ieu no y truep mas enueg e pesansa* ‘Но я нашёл там лишь скуку и печаль’
- *No sai que m die ni que m fai* ‘Не знаю ни что говорить, ни что делать’ [Raynouard 1816, p. 230]

Неопределённые местоимения:

- *quecxs* (каждый);
- *plusor* (несколько);
- *totz* (весь) и др.

Ф. Ж. М. Ренуар отмечает, что неопределённые местоимения употребляются как существительные, другие – как прилагательные.

Например:

- *Q'usquecxs desira so qu'ieu vuelh* ‘Чтобы каждый желал то, что я хочу’
- *Cascuna creatura* ‘Каждое существо’ [Raynouard 1816, p. 243–244]

В главе «Числительные» («Noms de nombres») Ф. Ж. М. Ренуар представляет все виды числительных романского языка.

Например:

- dos (два) (количественное);
- trezes (третий) (порядковое) [Raynouard 1816, p. 257 –261]

Следующая глава посвящена описанию глаголов (*verbes*) в романском языке. Учёный пишет, что романские глаголы делятся на три группы спряжения. К первой группе относятся глаголы с окончанием *ar*, ко второй – с окончанием *er* или *re*, к третьей – с окончанием *ir* или *ire*.

В романском языке существует два вспомогательных глаголы: *aver* (*иметь*) и *essere* или *estare* (*быть*). Учёный подчёркивает их активное участие в формировании разных времён и наклонений [Raynouard 1816, p. 263].

Ф. Ж. М. Ренуар приводит примеры форм спряжения романских глаголов в разных временах и наклонениях.

Например:

Aimer (любить)

- *am/am*i** (люблю);
- *avem* (полюбили);
- *amaras* (полюбишь);
- *ameran (ion)* полюбили бы [Raynouard 1816, p. 279].

В параграфе «Пассивная форма глаголов» («Passif des verbes romans») Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что для образования пассивной формы романского глагола использовались формы разных времён и наклонений вспомогательного глагола *essere* и формы причастия прошедшего времени смыслового глагола.

Несколько страниц своего труда филолог посвящает описанию особых случаев употребления романских глаголов. Например, он отмечает, что у некоторых из них обнаруживается не один вариант инфинитива: *far* и *faire* (*делать*) [Raynouard 1816, pp. 288–290].

Ф. Ж. М. Ренуар останавливается также на описании формирования причастия настоящего времени (*participe présent*), деепричастия (*gérondif*) и причастия прошедшего времени (*participe passé*) романских глаголов. Учёный пишет, что все эти формы в романском языке строились при помощи удаления окончаний, которыми характеризовались данные грамматические формы в латинском языке.

Например:

amar (любить)

- *amat* (лат. *amantem*) (причастие настоящего времени);
- *amat* (лат. *amatum*) (причастие прошедшего времени);
- *aman* (*amanado*) (деепричастие).

Ф. Ж. М. Ренуар подчёркивает, что все романские глаголы, инфинитивы которых заканчивались на *ar* подвергались этим правилам без исключений [Raynouard 1816, p. 295]. Основную сложность составляли формы причастия прошедшего времени глаголов, инфинитивы которых имели другие окончания.

Например, *er*: *nascer* (родиться) → *né* (причастие прошедшего времени)

Учёный пишет об образовании прошедшего простого времени (*parfait simple*). Он отмечает, что форма третьего лица, единственного числа глаголов с окончанием *er* или *re*, *ir* или *ire* подвергалась множеству самых разных изменений.

Например, глагол *far* (делать).

- *Cel que fetz l'air e cel, terra e mar* ‘Тот, кто создал воздух, небо, землю и море’ [Raynouard 1816, p. 315]

В параграфе «Будущее» («Futur») Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что это время в романском языке строилось при помощи добавления форм спряжения в настоящем времени и в изъявительном наклонении вспомогательного глагола *aver* к инфинитиву глагола.

Например:

- *Aimarai? (Я полюблю?)*

Ф. Ж. М. Ренуар пишет об образовании наклонений в романском языке.

Например, для образования условного наклонения существовала следующая формула: к инфинитиву смыслового глагола добавлялись окончания конкретные окончания.

Например:

amar (любить)

- *amaria* (1 л., ед. ч.);
- *amarias* (2 л., ед. ч.);
- *amaria* (3 л., е. ч.) [Raynouard 1816, p. 319].

Ф. Ж. М. Ренуар много пишет о романских глаголах. На наш взгляд, одним из наиболее важных положений является следующее: когда личные местоимения в романском языке (как и в латинском) выполняли функцию подлежащего, они часто опускались.

Например:

- *E...vuouill sabar* И (я) хочу знать'.
- ...*Amaras ton senhor* ‘Тебе понравится твой господин’ [Raynouard 1816, p. 330].

В седьмой главе «Наречия, предлоги, союзы» («Adverbes, prepositions, conjonctions») Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что перечисленные части речи в романском языке образовались от латинских наречий, предлогов и союзов.

Например:

- *intus* (лат.) → *de ins* (ром.) (в);
- *satis* (лат.) → *asatz* (ром.) (достаточно).

Учёный приводит целое множество примеров романских наречий, предлогов и союзов:

des (с; с какого-то момента);

anceis → (*наоборот*);

devan → (*перед*);

entorn → (*вокруг*);

her → (*вчера*);

deman → (*завтра*);

sus → (*на*);

souven → (*часто*).

Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что очень многие романские наречия были образованы путём присоединения к основе слова окончания *ment*.

Например:

- *humilmen* (*смиренно*).

Учёный отмечает, что такой способ образования наречий прослеживается и в других романских языках [Raynouard 1816, p. 419].

Несколько страниц своего труда Ф. Ж. М. Ренуар посвящает описанию восклицаний (*exclamations*) в романском языке. Он приводит примеры восклицаний, которые выражают такие чувства, как удивление, восхищение, боль и т. д.

Например:

- *Ai! quantas bonas chansos* ‘А! Сколько добрых песен...’.
- *Las! e donc que mferai?* ‘Увы! И что я буду делать?’ [Raynouard 1816, p. 432]

В последней главе Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что романский язык создал целое множество устойчивых выражений (*locutions particulières*), и большинство из них осталось в языках Латинской Европы.

Например:

- *Penre lengatge* (*ром.*) (*prendre langage* (*фр.*)) ‘Узнавать о том, что происходит’.

- *En autra terra irei penre lengatge* ‘Отправляюсь узнавать другую землю’ [Raynouard 1816, p. 438]

В заключении («Appendice») Ф. Ж. М. Ренуар отмечает, что в произведениях средневековых авторов прослеживаются разные варианты написания слов.

Например:

- *Vueh* или *viuoill*, *vuol* и т. д. (я хочу);
- *Que (che)* (что) [Raynouard 1816, p. 446].

Другие тома, за исключением шестого, имеют только косвенное отношение к языкознанию, поэтому мы представим их в общих чертах.

Во втором (1817 г.) собраны самые древние памятники языка трубадуров. Ф. Ж. М. Ренуар пишет о темах, воспеваемых этими поэтами. Среди самых популярных были: любовь, моральные и политические убеждения, благородство, героические подвиги, справедливость, смелость, ошибки современников. Учёный отмечает, что трубадуры создали новое самостоятельное направление в литературе.

В третьей книге (1818 г.) представлены пьесы трубадуров о любви. Ф. Ж. М. Ренуар уделил им особое внимание, поскольку считал, что именно они точнее всех остальных отражают творческое кредо средневековых поэтов.

Четвёртый том (1819 г.) включает пьесы трубадуров на следующие темы: нравы ушедших в прошлое времён, история, религия, философия, и некоторые другие.

В пятом (1820 г.) прописаны имена самых известных трубадуров (350). Автор также представляет их краткие биографии и фрагменты пьес, не вошедшие в предыдущие книги.

Шестой том (1821 г.) носит название «Грамматика языков Латинской Европы в её сравнении с грамматикой языка трубадуров» («Grammaire comparée des langues de l'Europe latine, dans leurs rapports avec la langue des troubadours») и

является довольно крупным трудом (484 стр.). Учёный пишет об отношении грамматики каждого романского языка к грамматике языка трубадуров, посвящая каждому романскому языку отдельную главу. Книга состоит из 8 глав:) «Артикли»; 2) «Существительные»; 3) «Прилагательные»; 4) «Местоимения»; 5) «Числительные»; 6) «Глаголы»; 7) «Наречия, предлоги, союзы»; 8) «Особые выражения (фразеологизмы)». Содержание этого тома тесно связано с содержанием труда Ф. Ж. М. Ренуара «Основы грамматики романского языка» (*«Éléments de la grammaire de la langue romane»*, 1816 г.), поэтому подробно останавливаться на нём мы не станем.

2. 3. 3. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Словарь языка трубадуров или романская лексика в её сравнении с лексикой других языков Латинской Европы»

«Словарь языка трубадуров или романская лексика в её сравнении с лексикой других языков Латинской Европы» (*«Lexique roman ou dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine»*) (1838 – 1844) также, как «Избранная оригинальная поэзия трубадуров» является самым крупным трудом Ф. Ж. М. Ренуара и состоит из шести книг. Но даже не по этой причине мы представим его подробно. По мнению К. Ф. Дица, лексический материал, собранный Ф. Ж. М. Ренуаром, в XIX веке стал базой сравнительной филологии [Diez 1863, p. 12]. Опираясь на точку зрения немецкого учёного, можно утверждать, что «Словарь языка трубадуров или романская лексика в её сравнении с лексикой других языков Латинской Европы» имеет особое значение для развития языкоznания.

На первом томе (1838 г.) мы не будем останавливаться подробно. Дело в том, что он содержит краткую информацию о происхождении и формировании

сельского романского языка, о его грамматике до 1000 года, чём Ф. Ж. М. Ренуар посвятил отдельный труд (см. п. 2.3.1).

Помимо этого в этой книге он представляет наиболее известные произведения трубадуров, например, «*Roman de Flamenca*» (Фламенка)¹ и резюмирует их содержание.

В книге также собраны имена самых известных, с точки зрения автора, трубадуров. Например:

- *Раймбаут Оранский или д'Ауренга* (окс. *Raimbaut d'Aurenga, Rambaud d'Orange*) (ок. 1140/1145–1173);
- *Бернарт де Вентадорн* (окс. *Bernart de Ventadour (de Ventador, del Ventadorn, de Ventedorn)* (ок. 1125/1140–ок. 1190/1200);
- *Фолькет Марсельский* (*Фолько Марсельский*) (окс. *Folquet de Marselha*) (ок. 1150–1231);
- *Сорделло (Сордель)* (окс. *Sordel*) (1200/20–1269/70) и др.

Другие тома мы представим подробно, поскольку все они напрямую связаны с языкоznанием.

Во введении ко второму тому (1836 г.) Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что главной целью всего труда было выявить лексические сходства и расхождения шести романских языков: языка трубадуров, каталанского, испанского, итальянского, французского, португальского.

Называя язык трубадуров языком-создателем, учёный ещё раз подчёркивает: именно на его основе образовались новые романские языки. Чтобы это показать на лексическом уровне, он сравнивает наиболее часто встречающиеся слова из романских языков между собой, распределяя их по

¹ «*Roman de Flamenca*» (Фламенка) – старопровансальская новелла неизвестного автора, написанная около 1234 года. Один из великих образцов куртуазного романа. Единственная рукопись, состоящая из 8087 стихов на окситанском языке. Произведение сохранено не полностью: утрачены начало, несколько листов из середины и конец.

следующим тематическим группам: проживание, пропитание, одежда, обувь, украшения, времена года, экономика, политика, искусство, религия, медицина, коммерция, речь, развлечения и т. д.

тема	язык трубадуров	каталанский	испанский	перевод
проживание	balcon	balcó	balcon	балкон
пропитание	safran	Safrá	Asafran	сафран
украшения	perla	perla	perla	жемчужина
времена года	primavera	primavera	primavera	весна
искусство	ponta	punta	pointe	пуант
эмоции	enojo	noja	ennui	скука
коммерция	cost	cost	costo	стоимость
речь	lenguatge	llenguatge	language	язык
развлечения	dansar	dansar	danzar	танец
медицина	salvament	salvament	salvamiento	спасение
религия	preguiera	preguiera	pregaria	молитва

На последних страницах введения Ф. Ж. М. Ренуар подчёркивает, что сравнив все эти слова, действительно, можно утверждать, что такие языки, как французский, испанский, итальянский, португальский и каталанский произошли от сельского романского языка.

Во второй книге содержится лексика от буквы «A», до «C».

Третий том (1840 г.) включается в себя лексику от буквы «D» до «K».

Четвёртая книга (1842 г.) содержит лексику от буквы «L» до «P».

Пятый том (1843 г.) включает лексику от буквы «Q» до «Z».

В шестой книге (1844 г.) содержится, в основном, лексика от буквы «A» до «Z», не вошедшая в предыдущие тома.

2. 3. 4. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Исследования древности романского языка»

Труд «Исследования древности романского языка» («*Recherches sur l'ancienneté de la langue romane*») (1816 г.) является, относительно, небольшой работой (32 с.).

Основными положениями, выдвигаемыми автором, являются следующие:

1. Романский язык возник во временами царствования Карла Великого (начиная с этого периода различали романский язык и франкский (*francique* или *théotisque*)).
2. Предпосылки возникновения романского языка обнаружены ещё до царствования Карла Великого [Raynouard 1816, p. 8].
3. В период царствования Карла Великого существование романского языка доказывают, прежде всего, тексты литаний¹ (например, личное местоимение *tu* (*ты*), которое никогда не употреблялось в латинских литаниях).
4. Древним памятником романского языка являются «Страсбургские клятвы» 842 года. В их текстах можно увидеть, например, романский предлог *pro* (*для*).
5. Памятники свидетельствуют о том, что на территории Италии романский язык существовал в VIII – IX вв.
6. Во Франции романский язык был уже в VIII веке. Это доказывает речь бенедиктинского² аббата Ж. де Корби (Gérard de Corbie, ок. 1025–1095), который романский язык называл вульгарным.

¹ Литания (лат. *litania*, от греч. *λιτή* (молитва или просьба) – в христианстве молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных возваний. Литании могут адресоваться к Христу, Деве Марии или святым. Наиболее часто употребляются в богослужебной практике Католической церкви.

² Бенедиктинцы (лат. *Benedictini* или лат. *Ordo Sancti Benedict* (Орден св. Бенедикта) – старейший католический монашеский орден.

7. Романский язык (вульгарный) распространился на землях, принадлежащих Карлу Великому (всей территории юга Европы): на юге Франции, в части Испании и почти во всей Италии.
8. Со временем большинство французов владело романским языком лучше, чем латынью. Франкский учёный и секретарь короля Эйнхард (Einhardus, ок. 770–840) признавался в том, что, работая на своей книгой «Жизнь Карла Великого» (1521 г.), которую писал на латинском, мог допустить серьёзные ошибки [Raynouard 1816, pp.14–18].
9. Романский язык в «Страсбургских клятвах» 842 года был ещё очень грубым. Даже не предполагал употребление артиклей. Однако на юге Франции он уже был значительно чище.
10. Памятники свидетельствуют о том, что романский язык усовершенствовался в языке жителей южной Франции, а также в произведениях трубадуров [Raynouard 1816, pp. 22–25].
11. Франция была разделена на две части. На севере утвердительной частицей *да* было слово *oii*. На юге – слово *os*. Поэтому романский язык и получил название «язык ос» или провансальский (романский).
12. На романском языке французы говорили до X века. Поэтому можно утверждать, что именно на его основе образовались другие романские языки [Raynouard 1816, p. 27].

Далее Ф. Ж. М. Ренуар приводит цитаты разных авторов, в произведениях которых речь шла о романском языке.

Французский историк К. Фошэ (Claude Fauchet, 1530–1602) в своём «Сборнике о происхождении французского языка и французской поэзии, Рим и Римляне» (фр. «Recueil de l'origine de la Langue et Poésie francoise, Ryme et Romans» (1581 г.)) заключал: «...этот романский язык, которым владели солдаты Карла Лысого, был тем сельским романским языком, на который Карл Великий

хотел перевести церковные проповеди, чтобы их понимали простые люди так, как если бы они были написаны на их родном языке...» [Fauchet 1581].

Французский филолог П. Д. Юэ (Pierre Daniel Huet, 1630–1721) в своём «Трактате о возникновении романов» (фр. «Traité de l'origine des romans» (1670 г.), в котором прослеживается история романа с античности до 1660-х годов, писал: «Романский язык был назван провансальским не только потому, что в сравнении с другими регионами Франции, в Провансе он сохранился лучше всего, но и потому, что провансальцы обычно на нём писали свои сочинения» [Huet 1666].

Авторы труда «Общая история Лангедока» (фр. *Histoire générale du Languedoc* (1730 г.) отмечали: «Латинский стал, однако, портиться и, наконец, деградировал до языка, впоследствии названного романским. Он похож на язык, на котором сегодня говорят в южных провинциях королевства...» [*Histoire générale du Languedoc* 1730, p. 327]. По их мнению: «...язык, который называется романским, является практически тем же самым, на котором говорят сегодня жители Прованса, Лангедока и Гаскони. Он мало похож на французский» [*Histoire générale du Languedoc* 1730, p. 532].

2. 3. 5. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Филологические и грамматические комментарии о «Романе о Роллоне» и некоторых правилах языка труверов¹ XII века»

«Филологические и грамматические комментарии о «Романе о Роллоне» и некоторых правилах языка труверов XII века» («Observations philologiques et grammaticales sur «Le Roman de Rou» et sur quelques règles de la langue des touvères au douzième siècle») (1829 г.) является, относительно, небольшой работой (138 с.). В ней проанализировано рифмованное произведение французского трувера Васа

¹ Трувёры (фр. *trouvères*, от глагола (*ром.* *trover*, фр. *trouver*) (находить, изображать, сочинять)) – французские поэты и музыканты, главным образом, второй половины XII и XIII веков, слагавшие свою поэзию на старофранцузском языке.

(Wace, ок. 1115 – ок. 1183) «Роман о Роллоне¹». Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что на основе этого анализа, можно проанализировать произведения других труверов.

На первых страницах своего труда романист пишет, что целью работы было доказать существование грамматических правил старофранцузского языка в XII веке. Произведение Васа, состоящее из шестнадцати тысяч стихов, позволяет судить о языке той эпохи.

Ф. Ж. М. Ренуар отмечает, что не осталось ни одного целого оригинала этого древнего манускрипта. Он собрал копии данного литературного памятника. В некоторых стихах утрачены рифмы. Но многие исследователи пытались восстановить целостность произведения. Филолог подчёркивает, что во многом ему помог материал, хранившийся в Британском музее.

Труд состоит из восьми глав. В первой речь идёт о происхождении языка труверов и его схожести с примитивным романским языком (*фр. langue romane primitive*).

Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что деградация языка М. Т. Цицерона и П. В. Марона (Publius Vergilius Maro, 70 – 19 гг. до н. э.) на западе Римской империи привела к формированию сельского романского языка (*фр. langue romane rustique*).

Существительные, а также прилагательные утратили свои латинские окончания, как в единственном, так и во множественном числах. Появились артикли, которые ставились перед существительными. Было множество других изменений.

Филолог подчёркивает, что большинство слов сельского романского языка проникло, как в язык трубадуров, так и в язык труверов (примерно такое же количество). Самое маленькое количество слов проникло в испанский язык, португальский и итальянский языки.

¹ Роллон (лат. Rollo; ок. 860 – ок. 932) – первый герцог Нормандии (под именем Роберт I), основоположник Нормандской династии.

В период царствования Карла Великого сельский романский язык был актуален во Франции, в части Италии и в некоторых частях Испании. Затем империя начала разрушаться. Примитивный романский язык был усовершенствован в разных романских языках. Однако памятники свидетельствуют о том, что язык трубадуров, который был очень близок к языку «Страсбургских клятв» 842 года, старше всех остальных романских языков.

Наилучшим образом язык трубадуров описывают первые произведения средневековых поэтов. В течение трёх веков он был популярен и мало изменился. Ф. Ж. М. Ренуар подчёркивает, что язык трубадуров вышел из употребления исключительно в силу политических причин.

Язык трубадуров и язык труверов очень тесно связаны между собой, особенно на грамматическом уровне. Французский филолог даже называет их двумя диалектами примитивного романского языка. Однако отмечает, что более старым из них является всё же язык трубадуров.

В языке трубадуров обнаруживается 23 черты примитивного романского языка; 22 – в старофранцузском языке (языке труверов); 20 – в испанском; 19 – в итальянском; и 18 – в португальском [Raynouard 1829, p.9].

Ф. Ж. М. Ренуар приводит примеры слов языка труверов с опорой на произведение Васа «Роман о Роллоне» и сравнивает их с теми же словами, взятыми из латыни и языка трубадуров.

Например:

christianus (лат.) (крестьянин)

- *christian* (яз. трубадуров);
- *crestian* (яз. труверов).

mortalis (лат.) (смертельный)

- *mortal* (яз. трубадуров);
- *mortal* (яз. труверов).

naturalis (лат.) (естественный, натуральный)

- *natural* (яз. трубадуров);
- *natural* (яз. труверов).

amorem (лат.) (любовь)

- *amor* (яз. трубадуров);
- *amor* (яз. труверов).

goriosum (лат.) (слава)

- *glorios* (язык трубадуров);
- *glorios* (язык труверов).

Ф. Ж. М. Ренуар пишет, что в X-ом веке французский язык был известен не только во Франции, но и в других странах, например, в Англии. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в XII веке для него существовали реальные грамматические правила.

Книга состоит из тринадцати глав. Одними из наиболее важных положений, выдвигаемых автором при описании правил языка труверов, являются следующие:

- В языке труверов, как и в других романских языках, появились артикли.
- Существительные женского рода обычно заканчивались на гласную *e*.

Например: *rose* (в языке трубадуров – на *a*: *rosa*).

- Для прилагательных существовали те же правила, что и для существительных, к которым они относились.
- Для образования сравнительной степени использовались количественные прилагательные *plus* (более), *moins* (менее), *tieus* (лучше) и др.
- Личные местоимения, такие как *je* (я), *il* (он) и другие иногда не ставились перед глаголами.

В завершении этого параграфа отметим, что перу Ф. Ж. М. Ренуара принадлежит лингвистический анализ ещё одного знаменитого произведения средневековой литературы: аллегорическая поэма XIII века «Роман о Розе»,

написанная на старофранцузском языке французскими труверами Г. де Лоррисом (Guillaume de Lorris, умер ок. 1238 г.) и Ж. де Мёном (Jean de Meung, ок. 1240–1305) [Raunouard 1816, p. 586–593].

2. 3. 6. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара в его труде «Влияние сельского романского языка на языки Латинской Европы»

«Влияние сельского романского языка на языки Латинской Европы» («Influence de la langue romane rustique sur les langues de l'Europe latine») (1836 г.) является, сравнительно, небольшой работой (92 с.). В ней представлено большое количество схожих и даже идентичных черт шести романских языков: языка трубадуров, каталанского, испанского, португальского, итальянского, французского.

В качестве введения Ф. Ж. М. Ренуар подчёркивает, что возникновение сельского романского языка (фр. *langue romane rustique*) на территории Римской империи было обусловлено, прежде всего, необходимостью общения между её коренными жителями и иммигрантами.

По мнению большинства исследователей этого языка, романский был грубым языком. Однако Ф. Ж. М. Ренуар утверждал, что нельзя так строго судить о нём, поскольку считал его совсем неплохо сформированным языком.

Филолог приводит примеры текстов «Страсбургских клятв» 842 года, как главного памятника изучаемого им языка. Например: «Клятва Людовика II Немецкого» (фр. *Serment de Luis II le Germanique*¹) или «Клятва французского народа» (фр. *Serment du peuple français*) [Raynouard, pp. 3–4].

¹ Людовик II Немецкий (фр. *Luis II* или «*le Germanique*», 804/805–876) – родоначальник королевской императорской династии франков.

Далее в книге представлен лингвистический анализ этих клятв (*фр. Observations sur serments*). Ф. Ж. М. Ренуар выделяет курсивом те романские слова, которые с небольшим изменением проникли в разные романские языки.

Автор пишет, что такие романские слова, как *salvament* (*спасение*), *ajudha* (*помощь*), *om* (*человек*), вышли вовсе не из латинских слов *salvation* (*спасение*), *adjutorium* (*помощь*), *homo* (*человек*), и именно на их основе сформировались слова *спасение*, *помощь* и *человек* в романских языках.

- *salvament* (ром.) → *salvament* (прованс.);
- *salvament* (ром.) → *salvament* (катал.);
- *salvament* (ром.) → *salvamiento* (исп.);
- *salvament* (ром.) → *salvamento* (норм.);
- *salvament* (ром.) → *salvamanlo* (ум.);
- *salvament* (ром.) → *sauvement* (*фр.*)).

- *ajudha* (ром.) → *ajuda* (прованс.);
- *ajudha* (ром.) → *ajuda* (катал.);
- *ajudha* (ром.) → *ayuda* (исп.);
- *ajudha* (ром.) → *âjuda* (норм.);
- *ajudha* (ром.) → *ajuto* (ум.);
- *ajudha* (ром.) → *ajude* (*фр.*)).

- *om* (ром.) → *om* (прованс.);
- *om* (ром.) → *hom* (катал.);
- *om* (ром.) → *omne* (исп.);
- *om* (ром.) → *ome* (норм.);
- *om* (ром.) → *uom* (ум.);
- *om* (ром.) → *hom* (*фр.*)).

С целью доказать, что источником происхождения романских языков стал сельский романский язык (фр. *langue romane rustique*) Ф. Ж. М. Ренуар, так же как и в своём труде «Словарь языка трубадуров или романская лексика в её сравнении с лексикой других языков Латинской Европы» (1838 – 1844) сравнивает слова из романских языков между собой, распределяя их по распространённым тематическим группам.

тема	сельский романский язык	каталанский	испанский	перевод
проживание	sala	sala	sala	гостиная
одежда	falda, faudra	falda	falda	юбка
обувь	sabato	sabato	sabata	башмак
виды искусства	cobla	cobla	copla	двустишие
чувства	molleza	mollezza	mollesse	мягкотелость

Изучив труды Ф. Ж. М. Ренуара по романской филологии, можно заключить: все работы ученого отличаются системностью, чёткой структурой, многообразием рассматриваемых лингвистических явлений, а также подробными объяснениями и комментариями, которые автор сопровождает внушительным количеством примеров. Всё это свидетельствует о блестящей эрудиции учёного, а также широте его лингвистических взглядов.

2. 4. Влияние творчества Франсуа Жюст Мари Ренуара на языкознание XIX века

Поначалу мнение Ф. Ж. М. Ренуара о происхождении романских языков из провансальского получило поддержку, но вскоре было поставлено под сомнение в силу развития языкознания.

На взгляд французского филолога, провансальский язык начал распространяться по северу Франции. Подтверждений его точки зрения было мало, однако, учёный её не изменил [Сумарокова 2017, с. 64]. Таким образом, язык юга Франции (провансальцев), язык Бриньоля стал «матерью» старофранцузского, а также каталонского, испанского, итальянского и португальского вместо того, чтобы быть одним из «братьев», появившимся на свет раньше других [Sainte-Beuve 1852, р. 18].

К. Ф. Диц говорил: «Ф. Ж. М. Ренуар пренебрежительно относился к сравнительной грамматике романских языков. В итоге его результаты гипотетичны и неполны» [Diez 1863, р. 12].

Французский филолог Г. Парис (Gaston Paris, 1839–1903) так оценивал позицию Ф. Ж. М. Ренуара «...впрочем, немного ослеплённый патриотизмом, Ренуар не постыдился объявить о том, что провансальский язык в какой-то момент был общим языком Латинской Европы и о том, что этот язык был «матерью» французского, итальянского, испанского» [Diez 1863, р. 8].

Ф. О. Ф. Т. де Райфенберг в своей работе «Очерк о Ренуаре» выражает сомнение относительно того, что когда-то люди использовали один романский язык, на котором теперь говорят провансальцы [Reiffenberg 1839, р. 11].

Немецкий филолог Р. Люр (Rosemarie Lühr, 1946) пишет книгу о французском филологе К. Ш. Форье (Claude Charles Fauriel, 1772–1844), который также не соглашается с Ф. Ж. М. Ренуаром, указывая на то, что «романские языки вышли не из одного примитивного языка» [Lühr 2014, р. 365].

Аргументы Ф. Ж. М. Ренуара по поводу того, что романский язык был посредником между латынью и вышедшими из него романскими языками не убедили А. В. Шлегеля [Schlegel 1818, р. 39]. По мнению немецкого учёного, «позиции Ф. Ж. М. Ренуара противоречит уже тот факт, что португальский не имеет ничего общего с провансальским языком» [Schlegel 1818, р. 49].

Ф. Ж. М. Ренуар считал, что со временем язык *oïль* вытесняет язык *ok*, так как парижский двор требовал его учить, чтобы иметь отношения с двором и высыпать акты французского правительства. Приказы короля Франции были всегда написаны на французском языке. Для тех, кто говорил на языке *ok*, они высыпались на латинском или французском. Таким образом, романский язык, то есть язык трубадуров не имел больше средств существовать и держаться вне узкого круга [Raynoud 1821, с. 390].

Как уже было сказано выше ни одна из представленных нами концепций не в состоянии полностью объяснить процесс формирования романских языков (см. с. 100). Концепция Ф. Ж. М. Ренуара – не исключение. Однако современная романская филология придерживается позиции К. Ф. Дица о народной латыни как источнике происхождения романских языков. Немецкий филолог говорил: «Факты – моё единственное средство. Я их собираю и оцениваю с предельной точностью.... Несмотря на всё богатство гипотетических результатов, я их избегаю. Таким образом, я объясняю, что все романские языки вышли из латинского» [Diez 1863, р. 12]. Последователями К. Ф. Дица стали такие выдающиеся французские учёные, как Е. М. П. Литtré (Émile Maximilien Paul Littré, 1801–1881), Г. Парис, П. А. Мейэр (Paul André Meyer, 1840–1917), вследствие чего романстика достигла настоящего расцвета, несмотря на сравнительно недолгое существование. Добавим, что для общего языкознания она по сей день представляет исключительный интерес и не перестаёт оказывать на него сильное влияние [Томсен 1938, сс. 76–77].

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что лингвофилософская концепция Ф. Ж. М. Ренуара не сыграла никакой роли в развитии ни романской филологии, ни европейского языкоznания XIX века вообще. Однако это совершенно не так. Вклад учёного в развитие науки о языке значительно больше, чем кажется на первый взгляд. Несмотря на многочисленную критику, важность его работ признавалась всеми филологами.

Скромный кабинет, в котором французский филолог проводил целые дни, был местом, где собирались все учёные. Более того, в 1816 году Ф. Ж. М. Ренуар стал сотрудником старейшего научно-литературного журнала «Журналь дэ Саван» (фр. *Journal des savans*, с 1816 г.), и, обладая блестящей эрудицией, в своих статьях часто давал полезные советы тем, кто посвятил себя изучению Средневековья [Guiraud 1913, p. 76].

К. Ф. Дица, а также другого ведущего представителя компаративистики А. В. Шлегеля можно считать последователями Ф. Ж. М. Ренуара, поскольку они использовали результаты его исследований происхождения романских языков в своей научной деятельности.

Основателем романской филологии принято считать К. Ф. Дица, однако сам учёный называл таковым Ф. Ж. М. Ренуара [Diez 1874, p. 1]. По мнению немецкого романиста, Ф. Ж. Ренуар «стал автором идеи проведения сравнительного анализа грамматического строя и лексического состава романских языков. Тем самым учёный открыл новый путь их изучения» [Diez 1863, p. 12].

К. Ф. Диц неоднократно посещал кабинет французского филолога. В результате появились его книги: «Поэзия трубадуров» (1824 г.), «Введение в грамматику романских языков» (1863 г.), «Грамматика романских языков» (1874 г.) и другие. Немецкий учёный говорил, что «Ренуар ошибался, но его ошибки полезны, поскольку они толкали к углублённому изучению вопросов, которые он поднимал в своих исследованиях» [Diez 1863, p. 11].

Наследие Ф. Ж. М. Ренуара оказало немалое влияние на творчество А. В. Шлегеля. Немецкий филолог высоко оценивал значение его трудов: «...он завоевал уважение не только своих соотечественников, но и всей научной Европы» [Schlegel 1818, p. 81]. В научно-литературном журнале Европы «Журналь дэ саван» (фр. «*Journal des savants*») 1818 года находим ещё одного высказывание немецкого филолога относительно научного достижения Ф. Ж. М. Ренуара: «Я с давних пор собирал материал для труда «Исторический очерк о формировании французского языка. Исследования Ренуара на многое пролили свет. Они лишают мои заметки новизны, но всё же не делают их бесполезными...» [Raynouard 1818, p. 586].

Добавим, что, по всей вероятности, А. В. Шлегель и Ф. Ж. М. Ренуар вообще работали сообща. Это подтверждают не только высказывания немецкого учёного, но и слова французского филолога. Ф. Ж. М. Ренуар так отзывался о А. В. Шлегеле: «Как только я опубликовал свою романскую грамматику, мне представился случай познакомиться с господином А. В. Шлегелем, в котором я нашёл компетентного критика» [Guiraud 1913, p. 73]. «Из всех иностранцев, с которыми я говорил о романской литературе, господин А. В. Шлегель – тот, кто изучил её, как мне показалось, лучше всех. Он взялся за написание исторического очерка о формировании французского языка; я не сомневаюсь, что в нём можно найти и много информации, и много смысла» [Raynouard 1817, p. 164].

По словам французского писателя и литературного критика Ш. О. де Сент Бёв (Charles Augustin de Sainte-Beuve, 1804–1869), Ф. Ж. М. Ренуар «стал тем, кто направлял эрудитов, проводящих исследования древних текстов».

Таким образом, заключим: творчество французского филолога сыграло важную роль в языкоznании XIX века, послужив переходной ступенью к получению достоверных знаний о происхождении романских языков [Сумарокова 2019, с. 37].

Ф. Ж. М. Ренуар был одним из тех немногих учёных, кто занялся изучением провансальского языка. Поскольку его труды содержат много информации о романских языках, в первую очередь, об их лексике, они могут служить полезным материалом при изучении истории провансальского и других романских языков.

Работы учёного также внесли существенный вклад в историю литературы Средневековья [Sainte-Beuve 1852, p. 16]. Благодаря ему поэзия трубадуров изучена даже лучше, чем та, что была создана на старофранцузском языке [Schlegel 1818, p. 59]. Точнее, до него были учёные, которые занимались изучением провансальской литературы, но результаты проведённых ими исследований остались неизвестны в филологии [Schlegel 1818, p. 1]. Помимо этого, Ф. Ж. М. Ренуар заполнил лакуны в рифмованном произведении известного трувера Васа «Роман о Роллоне», написанном на нормандском языке, а также представил подробный лингвистический анализ знаменитой аллегорической поэмы XIII века «Роман о Розе», написанной на старофранцузском языке французскими труверами Г. де Лоррисом.

Завершая этот раздел, отметим, что французский филолог сам столкнулся с сомнениями относительно своей лингвофилософской концепции о происхождении романских языков, и обратился за помощью именно к К. Ф. Дицу [Guiraud 1913, p. 74].

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Вторая глава посвящена изучению лингвофилософской системы взглядов Ф. Ж. М. Ренуара в рамках становления романской филологии. Нашей целью было определить роль творчества учёного в развитии языкоznания.

Важной чертой языкоznания XIX века является расцвет романистики (романской филологии), науки, объектом изучения которой являются романские языки.

В истории романистики существует целое множество концепций о происхождении романских языков, так как вопрос о происхождении романских языков всегда был очень важным для этой науки. Чтобы выяснить, каков научный вклад Ф. Ж. М. Ренуара в языкоznание, мы рассмотрели его лингвофилософскую концепцию происхождения романских языков в контексте концепций происхождения романских языков других филологов.

Истоки романистики обнаруживаются ещё в далёком Средневековье. Около 1305 года, известный итальянский поэт Д. Алигьери написал трактат «О народном красноречии». В этой работе он первый в истории романской филологии писал о народной латыни как основе формирования известных ему романских языков.

Заслуживает внимание также трактат французского исследователя романских языков эпохи Возрождения Ш. де Бовеля «Книга о различии народных языков и разнообразии французского языка; какие слова у французов являются искусственными и неисконными, или варварскими; какие по происхождению восходят к латинскому языку; о предположительном происхождении французских имен». Труд учёного отличается многочисленными рассуждениями, которые автор подкрепляет внушительным по объёму эмпирическим материалом.

Романистика сформировалась как наука благодаря научной деятельности немецкого учёного К. Ф. Дица. В истории романистики он впервые применил сравнительно-исторический метод в изучении происхождения романских языков.

Учёный утверждал: источником происхождения романских языков является народная латынь. Главными трудами немецкого романиста стали: «Грамматика романских языков» (1836–1844) и «Этимологический словарь романских языков» (два тома, 1853 г.).

Проведённые исследования показали, что Ф. Ж. М. Ренуар является единственным филологом из всех, чьи имена вошли в научный обиход стран Западной Европы, по мнению которого, праязыком романских языков стал провансальский.

По нему, романские языки вышли из примитивного романского, под которым он подразумевал язык, возникший из испорченной латыни. Романские языки имели одно происхождение, но провансальский сформировался раньше всех, следовательно, другие романские языки наполнены его лексикой.

Поначалу мнение Ф. Ж. М. Ренуара о происхождении романских языков из провансальского получило поддержку, но вскоре было поставлено под сомнение в силу развития языкоznания. Современная романская филология придерживается позиции К. Ф. Дица о народной латыни как источнике происхождения романских языков. Его идеи развивали такие выдающиеся французские учёные, как Е. М. П. Литtré, Г. Парис, П. А. Мейэр, вследствие чего романистика достигла настоящего расцвета.

Однако, несмотря на многочисленную критику, важность трудов Ф. Ж. М. Ренуара была признана всеми филологами. К. Ф. Дица, а также другого ведущего представителя компаративистики А. В. Шлегеля можно назвать последователями Ф. Ж. М. Ренуара, поскольку они использовали результаты его исследований происхождения романских языков в своей научной работе. Основателем романской филологии принято считать К. Ф. Дица, но сам учёный называл таковым Ф. Ж. М. Ренуара. По мнению немецкого романиста, Ф. Ж. Ренуар «стал автором идеи проведения сравнительного анализа грамматического строя и лексического состава романских языков. Тем самым он открыл новый путь их

изучения. Хотя его грамматика со временем и потеряла своё значение, однако лексика до сих пор служит базой сравнительной филологии».

Таким образом, мы сделали вывод: творчество Ф. Ж. М. Ренуара сыграло существенную роль в языкоznании XIX века, став переходной ступенью к получению достоверных знаний о происхождении романских языков. Труды Ф. Ж. М. Ренуара свидетельствуют о широте и глубине его лингвистических знаний. Они содержат много информации о романских языках, благодаря чему могут послужить полезным материалом при изучении их истории, и, особенно, истории провансальского языка.

Работы учёного также заполняют лакуну в истории средневековой литературы. Благодаря его научной деятельности подробно изучено творчество трубадуров, почти полностью восстановлено рифмованное произведение известного трувера Васа «Роман о Роллоне», написанное на нормандском языке. К тому же филолог осуществил детальный лингвистический анализ знаменитой аллегорической поэмы XIII века «Роман о Розе», написанной на старофранцузском языке французским трувером Г. де Лоррисом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара и, главным образом, его лингвофилософская концепция о происхождении романских языков были проанализированы в ходе изучения философского, социального, научного и личностного контекстов творчества учёного.

2. Изучение исторической ситуации Франции конца XVIII – первой половины XIX вв. дало возможность судить об атмосфере, целостном настроении в обществе того времени и увидеть, какое воздействие установки эпохи романтизма оказали на научные взгляды Ф. Ж. М. Ренуара и языкознание.

3. О влиянии эпохи романтизма на научные взгляды Ф. Ж. М. Ренуара свидетельствует, прежде всего, своеобразие его лингвофилософской концепции о происхождении романских языков. Основной чертой романтизма стало стремление к свободе. Представители романтизма мыслили не просто свободно, а, скорее, чрезмерно свободно. Такая позиция, в итоге, могла приводить к неверным выводам, как это произошло, например, с немецким филологом И. К. Аделунгом и другими исследователями языка. На этом основании мы предположили, что Ф. Ж. М. Ренуар, будучи захваченным динамикой нового времени, непомерно расширившим перспективы, сделал ошибочный вывод о том, что провансальский стал предшественником романских языков.

4. Проведённые исследования показали, что главная черта философии романтизма («стремление к свободе») проникла в разные сферы жизни, что доказывает, насколько мощной была пропаганда против всевозможных ограничений. Отразившись на науке (языкознании), экономике, политике, искусстве она усилила своё воздействие. Представители эпохи романтизма стремились не только свободно мыслить, но и свободно жить. Всё было направлено на полное раскрепощение личности. В своём видении относительно происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуар был одинок. В этом

проявилась его самобытность, что характеризует филолога как истинного представителя романтизма и говорит о решающем влиянии романтизма на его лингвистические взгляды. Помимо этого, Ф. Ж. М. Ренуар отличался независимостью своего мнения в театральной сфере, что ещё раз подтверждает: смена общественной парадигмы нашла своё отражение в его мировоззрении.

5. Романтизм оказал своё воздействие и на развитие науки о языке. Предпосылками к формированию сравнительно-исторического метода стали такие черты философии романтизма, как идея культурного релятивизма, а также то, что высокая роль в современной жизни у романтиков отводилась истории. Живой интерес к разным странам и языкам способствовал возникновению компаративистики.

6. Ф. Ж. М. Ренуар является единственным филологом из всех, чьи имена вошли в научный обиход стран Западной Европы, по мнению которого, праязыком романских языков стал провансальский.

7. Творчество Ф. Ж. М. Ренуара сыграло существенную роль в языкоznании XIX века, став переходной ступенью к получению достоверных знаний о происхождении романских языков. Несмотря на многочисленную критику лингвофилософской концепции о происхождении романских языков Ф. Ж. М. Ренуара, важность его трудов признавали все филологи. Таких ведущих представителей компаративистики, как К. Ф. Дица и А. В. Шлегеля можно считать последователями Ф. Ж. М. Ренуара, поскольку они использовали результаты его исследований происхождения романских языков в своей научной деятельности. Основателем романстики принято считать К. Ф. Дица, но сам учёный называл таковым Ф. Ж. М. Ренуара, утверждая, что французский филолог открыл новый путь изучения романских языков.

8. В ходе исследования были изучены труды Ф. Ж. М. Ренуара по романской филологии, такие как «Основы грамматики романского языка» («*Éléments de la grammaire romane*», 1816), «Избранная оригинальная поэзия

трубадуров» («Choix des poésies originales des troubadours», 1816–1821), «Романская лексика или словарь языка трубадуров» («Lexique roman ou Dictionnaire de la langue des troubadours», 1838–1844) «Влияние сельского романского языка на языки Латинской Европы» («Influence de la langue romane rustique sur les langues de l'Europe latine») (1836 г.) и некоторые другие. Его работы содержат внушительное количество лингвистического материала, в силу чего можно сделать вывод о том, что они могут быть использованы в современной романской филологии при изучении истории провансальского и других романских языков.

9. Творчество Ф. Ж. М. Ренуара внесло большой вклад в историю средневековой литературы. Благодаря научной деятельности филолога детально изучена поэзия трубадуров. Помимо этого в значительной степени восстановлено рифмованное произведение известного трувера Васа «Роман о Роллоне», написанное на нормандском языке, а также осуществлён подробный лингвистический анализ знаменитой аллегорической поэмы XIII века «Роман о Розе», написанной на старофранцузском языке французскими труверами Г. де Лоррисом.

10. Возможными направлениями дальнейших исследований в рамках данной темы могут быть, например, следующие: 1) подробное изучение истории провансальского и других романских языков на материале трудов Ф. Ж. М. Ренуара («Избранная оригинальная поэзия трубадуров», «Романская лексика или словарь языка трубадуров» и некоторых других); 2) лингвистический анализ работ основателя романской филологии К. Ф. Дица, таких, как, например, «Грамматика романских языков» (нем. «Grammatik der romanischen Sprachen» (1836–1838) и «Этимологический словарь романских языков» (нем. «Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen», 1853 г.). Сравнение его трудов с работами Ф. Ж. М. Ренуара с целью нахождения расхождений, а также

корреляций между их научными взглядами и последующее выявление степени влияния творчества французского романиста на лингвофилософские воззрения К. Ф. Дица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Адо, А. В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789 – 1994 гг. / А. В. Адо. – Москва : Издательство МГУ, 1987. – 196 с. – Текст : непосредственный.
9. Алисова, Т. Б. Языки мира. Романские языки / Т. Б. Алисова. – Москва : Academia, 2001. – 720 с. – Текст : непосредственный.
10. Алисова, Т. Б. Введение в романскую филологию : учебник / Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – Москва : «Высшая школа», 2007. – 453 с. – Текст : непосредственный.
11. Алисова, Т. Б. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров : учебное пособие / Т. Б. Алисова, К. Н. Плужникова. – Москва : МАКС Пресс, 2011. – 176 с. – Текст : непосредственный.
12. Алпатов, В. М. История лингвистических учений : учебное пособие / В. М. Алпатов. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с. – Текст : непосредственный.
13. Амирова, Т. А. История языкознания / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. – Москва : Academia, 2005. – 672 с. – Текст : непосредственный.
14. Андреев, Л. Г. История французской литературы : учебник / Л. Г. Андреев, Н. П. Козлова, Г. К. Косиков. – Москва : Высшая школа, 1987. – 543 с. – Текст : непосредственный.
15. Асмус, В. Ф. Иммануил Кант / В. Ф. Асмус, Я. А. Мильнер. – Москва : «Наука», 1973. – 539 с. – Текст : непосредственный.
16. Бояджиев, Г. Н. От Софокла до Брехта за сорок театральных вечером / Г. Н. Бояджиев. – Москва : Просвещение, 1981. – 272 с. – Текст : непосредственный.

17. Брюнель-Лобришон Ж., Дюамель-Амадо К. Повседневная жизнь во времена трубадуров XII – XIII веков / Ж. Брюнель-Лобришон, К. Дюамель-Амадо. – Москва : Молодая гвардия, 2003. – 416 с. – Текст : непосредственный.
18. Байрамова, Л. Эжен Делакруа / Л. Байрамова. – Москва : Издательство «Белый город», 2007. – 50 с. – Текст : непосредственный.
19. Бакс, Э. Б. Великая французская революция / Э. Б. Бакс ; [перевод с английского]. – Петроград, 1918. – 60 с. – Текст : непосредственный.
20. Беляев, И. Ф., Хухуни, Г. Т. Предыстория компаративистики: известное и спорное / И. Ф. Беляев, Г. Т. Хухуни // Вестник Московского государственного областного университета. – 2014. – № 1. – С. 8 –17. – Текст : непосредственный.
21. Беляев, И. Ф., Хухуни, Г. Т. Понятие «дух» и «организм» языка в лингвистике XIX в. / И. Ф. Беляев, Г. Т. Хухуни // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 3. – С. 24–30. – Текст : непосредственный.
22. Березин, Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. – Москва : Высшая школа, 1984. – 319 с. – Текст : непосредственный.
23. Берковский, Н. Романтизм в Германии / Н. Берковский. – Санкт-Петербург : Издательство «Азбука-классика», 2001. – 512 с. – Текст : непосредственный.
24. Богдашевский, Д. И. Философия Канта: Анализ «Критики чистого разума» и «Критики практического разума» / Д. И. Богдашевский. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с. – Текст : непосредственный.
25. Бретелл, Р. От Делакруа до Матисса. Шедевры французской живописи XIX – начала XX века / Р. Бретелл, Х. Мэйор. – Ленинград : Издательство «Аврора», 1988. – 129 с. – Текст : непосредственный.

26. Будагов, Р. А. Язык и культура. Хрестоматия : [в 3 частях] / Р. А. Будагов / сост: А. А. Брагина, Т. Ю. Загрязкина. – Москва : Добросвет-2000, 2001. – Ч. 2. Учебное пособие. Романистика. – 208 с. – Текст : непосредственный.
27. Бурсье, Э. Основы романского языкоznания / [перевод с французского] ; редактор, предисловие и примечания Д. Е. Михальчи. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 680 с. – Текст : непосредственный.
28. Васильева, В. В. История философии / В. В. Васильева. – Москва : Академический проект, 2008. – 783 с. – Текст : непосредственный.
29. Вишневская, Г. М. Интонационный анализ чтения художественного текста профессиональными дикторами (на материале английского языка) / Г. М. Вишневская // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 91–98. – Текст : непосредственный.
30. Габитов, Р. М. Философия немецкого романтизма: Гёльдерлин, Шлейермакер / Р. М. Габитов. – Москва : «Наука», 1989. – 160 с. – Текст : непосредственный.
31. Гайм, Р. Романтическая школа / Р. Гайм. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 896 с. – Текст : непосредственный.
32. Гайм, Р. Гердер, его жизнь и сочинения / Р. Гайм ; [перевод с немецкого В. Н. Неведомского]. Т. 1. – Санкт-Петербург : «Наука», 2011. – 950 с. – Текст : непосредственный.
33. Гердер, И. Г Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер ; [перевод с немецкого А.В. Михайлова]. – Москва : Наука, 1977. – 703 с. – Текст : непосредственный.
34. Голикова, Г. А. Зарубежная литература XIX в. (романтизм) : конспект лекций / Г. А. Голикова, А. Х. Вафина. – Казань : Казанский федеральный университет филологии и международной коммуникации, 2014. – 62 с. – Текст : непосредственный.

35. Гулыга, А. В. Немецкая классическая философия / А. В. Гулыга. – Москва : «Мысль», 1986. – 334 с. – Текст : непосредственный.
36. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкоznанию / В. Гумбольдт; [перевод с немецкого Г. В. Рамишвили]. – Москва : ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с. – Текст : непосредственный.
37. Гусейнов, Э. Е. Буржуазия и Великая французская революция / Е. М. Кожакин. – Москва : Издательство Московского университета, 1989. – 216 с. – Текст : непосредственный.
38. Гуревич, А., Новик Е. Проблемы романтизма : сборник статей. – Москва : Издательство «Искусство», 1970. – 305 с. – Текст : непосредственный.
39. Давыдько, О. Э. Латинский язык. Народная латынь : учебно-методическое пособие по дисциплине «Латинский язык и народная латынь» / О. Э. Давыдько. – 2011. – 46 с. – Текст : непосредственный.
40. Десницкая, А. В. Понимание историзма и развития в языкоznании первой половины XIX века / А. В. Десницкая. – Ленинград : «Наука», 1984. – 299 с. – Текст : непосредственный.
41. Десницкая, А. В. История лингвистических учений. Средневековая Европа / А. В. Десницкая. – Ленинград : Издательство «Наука», 1985. – 243 с. – Текст : непосредственный.
42. Дмитриева, Н. А. Краткая история искусства / Н. А. Дмитриева. – Москва : «Искусство», 1993. – 351 с. – Текст : непосредственный.
43. Дюпети, М. Великие художники: их жизнь, вдохновение и творчество. – Киев : Издательство ООО «Иглмосс Юкрейн», 2003. – 32 с. – Текст : непосредственный.
44. Жуссэн, А. Романтизм и эволюция творчества / [перевод с французского]. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 160 с. – Текст : непосредственный.

45. Жирмунский, В. М. Иоганн Готфрид Гердер. Избранные сочинения / В. М. Жирмунский. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 394 с. – Текст : непосредственный.
46. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. Ч. 1. – Москва : Издательство «Просвещение», 1964. – 466 с. – Текст : непосредственный.
47. Зенкин, С. Н. Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы) / С. Н. Зенкин. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 144 с. – Текст : непосредственный.
48. Зинкевич, А. В. Введение в романскую филологию : курс лекций для студентов специальности D 21. 05. 06 («Романо-германская филология») / А. В. Зинкевич. – Минск : БГУ, 2003. – 100 с. – Текст : непосредственный.
49. Йордан, Й. Романское языкознание: Историческое развитие, течения, методы / Йоргу Йордан ; [перевод с румынского С. Г. Бережан и И. Ф. Мокрян] ; под ред. и с примеч. Н. Г. Корлэяну ; предисл. Р. А. Будагова. – Москва : Прогресс, 1971. – 618 с. – Текст : непосредственный.
50. Кант, И. «Критика чистого разума». / И. Кант. – Москва : «Наука», 1999. – 655 с. – Текст : непосредственный.
51. Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? [Сочинения в шести томах]. Т. 1. – Москва : Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1966. – 35 с. – Текст : непосредственный.
52. Карлейл, Т. История французской революции. История / [перевод с английского Ю. В. Дубровина и Е. А. Мельниковой]. Ч. 1. – Москва : «Мысль», 1991. – 575 с. – Текст : непосредственный.
53. Карсавин, Л. П. История европейской культуры / [перевод с литовского Т. Алекнене] ; научный редактор, библиография А. Клементьева. Т. 1.

- Римская империя, христианство и варвары – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 336 с. – Текст : непосредственный.
54. Клюкова, В. Т. Спецкурсы по романской филологии. Сборник учебно-методических материалов кафедры романской филологии. Выпуск 2. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2003. – 128 с. – Текст : непосредственный.
55. Кондратенко, М. М. Особенности диалектной семантики и проблема языковой картины мира / М. М. Кондратенко // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 63–67. – Текст : непосредственный.
56. Конен, В. История зарубежной музыки: Германия, Австрия, Италия, Франция, Польша с 1789 года до середины XIX века / В. Конен. – Москва : Издательство «Музыка», 1981. – 472 с. – Текст : непосредственный.
57. Корлэтяну, Н. Г. Исследования народной латыни и её отношение с романскими языками / Н. Г. Корлэтяну. – Москва : Издательство «Наука», 1974. – 302 с. – Текст : непосредственный.
58. Косминский, Е. А. История средних веков. V в. – середина XIX в. : лекции / Е. А. Косминский. – Москва : Издательство Московского университета, 1963. – С. 426. – Текст : непосредственный.
59. Кропоткин, П. А. Великая французская революция 1789 – 1793 / П. А. Кропоткин. – Lexoy-Star, 2012. – 410 с. – Текст : непосредственный.
60. Линдов, Л. Великая французская революция. – Петроград : Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, 1919. – 88 с. – Текст : непосредственный.
61. Левик, Б. История зарубежной музыки. Вторая половина XVIII в. / Б. Левик. – Москва : Издательство «Музыка», 1974. – 278 с. – Текст : непосредственный.

62. Литтлвуд, Й. История Франции от древнейших времён до наших дней / Й. Литтлвуд. – Москва : АСТ : Астрель, 2008. – 224 с. – Текст : непосредственный.
63. Лоза, А. В. Сравнительный анализ лингвистических воззрений К. Германна и младограмматиков / А. В. Лоза // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 48–53. – Текст : непосредственный.
64. Лоя, Я. В. История лингвистических учений / Я. В. Лоя. – Москва : «Высшая школа», 1968. – С. 308. – Текст : непосредственный.
65. Лукин, О. В. Профессор гимназии М. В. Гетцингер в парадигме немецкого языкознания XIX в. / О. В. Лукин, Н. Ю. Лукина // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 82–86. – Текст : непосредственный.
66. Лукин, О. В. Немецкие грамматисты в парадигме лингвофилософии и лингводидактики Германии XIX века / О. В. Лукин // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 5. – С. 49–56. – Текст : непосредственный.
67. Лукин, О. В. Значение грамматических трудов И. К. Аделунга для немецкой лингводидактики XIX века // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Ч. II. – Екатеринбург, 2019. – С. 63–68. – Текст : непосредственный.
68. Маммзен, Т. История римских императоров / Т. Маммзен ; [перевод с немецкого Т. А. Орестовой]. – Санкт-Петербург : «Ювента», 2002. – 629 с. – Текст : непосредственный.
69. Манфред, А. З. Великая французская революция / А. З. Манфред. – Москва : Издательство «Наука», 1983. – 435 с. – Текст : непосредственный.

70. Матьё, А. Как побеждала Великая французская революция / А. Матьё ; перевод с французского ; под редакцией и с предисловием Ц. Фридлянда. – Москва : Военный вестник, 1928. – 95 с. – Текст : непосредственный.
71. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе ; [перевод Д. Кудрявского]. – Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 510 с. – Текст : непосредственный.
72. Мейе, А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – Москва : 1954. – 239 с. – Текст : непосредственный.
73. Мейлах, М. Б. Язык трубадуров / М. Б. Мейлах. – Москва : Издательство «Наука», 1975. – 239 с. – Текст : непосредственный.
74. Мендаль, Б. Р. Всемирная литература: Новое время и эпоха Просвещения. Конец XVIII – XIX века : иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура). – Москва-Берлин : Директ-Медия, 2014. – 261 с. – Текст : непосредственный.
75. Михайлова, Е. Н. Французская национальная грамматическая традиция XVI века как отражение языкового сознания эпохи Возрождения / Е. Н. Михайлова // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 17–25. – Текст : непосредственный.
76. Михайлова, Е. Н. Лингвистическая концепция Шарля де Бовеля (1479 – 1565) / Е. Н. Михайлова // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 98–103. – Текст : непосредственный.
77. Михайлова, Е. Н. Грамматическая традиция французского Возрождения (класс имён) : диссертация на соискание доктора филологических наук / Елена Николаевна Михайлова : Санкт-Петербург, 2000. – 257 с. – Текст : непосредственный.

78. Мутеръ, Р. История живописи въ XIX веке / Р. Мутеръ ; [переводъ З. Венгеровой]. – Санкт-Петербург : Издание товарищества «ЗНАНИЕ», 1899. – 388 с. – Текст : непосредственный.
79. Нарский, И. С. Западно-европейская философия XVIII в. : учебное пособие / И. С. Нарский. – Москва : «Высшая школа», 1973. – с. 302. – Текст : непосредственный.
80. Неупокоева, И. Европейский романтизм / И. Неупокоева. – Москва : Издательство «Наука», 1973. – 503 с. – Текст : непосредственный.
81. Неф, К. история западно-европейской музыки / К. Неф. – Москва : Государственное музыкальное издательство, 1938. – 305 с. – Текст : непосредственный.
82. Обломовский, Д. Д. Французский романтизм: очерки / Д. Д. Обломовский, А. Ш. Цейтлин, Р. В. Циппо. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1947. – с. 354. – Текст : непосредственный.
83. Осокин, Н. А. История средних веков / Н. А. Осокин. – Минск : Харвест, 2003. – 672 с. – Текст : непосредственный.
84. Петрункевичъ, Ал. О Великой французской революции / Ал. Петрункевичъ. – Петроградъ : Изданіе Партии Народной Свободы, 1917. – 64 с. – Текст : непосредственный.
85. Попова, З. Д. Общее языкознание : учебное пособие. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 408 с. – Текст : непосредственный.
86. Привалов, С. Зарубежная музыкальная литература. Эпоха романтизма: учебник / С. Привалов. – Санкт-Петербург : Издательство «Композитор», 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.
87. Радченко, О. А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдианства / О. А. Радченко. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 312 с. – Текст : непосредственный.

88. Радченко, О. А. Й. Г. Гаман в лингвистическом дискурсе XVIII столетия / О. А. Радченко // Вопросы языкоznания. – 2011. – № 1. – С. 82. – Текст : непосредственный.
89. Рассел, Б. История западной философии. [В 3 книгах] / подготовка текста В. В. Целищева. – Новосибирск : Сибирское университетское издательство : 3-е изд., испр., 2001. – 1806 с. – Текст : непосредственный.
90. Реале, Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней / Д. Реале, Д. Антисери, С. Мальцева, Ю. А. Кимелев. – Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 774 с. – Текст : непосредственный.
91. Реизов, Б. Г. Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период первой империи / Б. Г. Реизов. – Санкт-Петербург : Издательство Ленинградского университета, 1962 г. – 253 с. – Текст : непосредственный.
92. Ревуненков, В. Г. История французской революции / В. Г. Ревуненков. – Санкт-Петербург : «Образование-Культура», 2003. – 776 с. – Текст : непосредственный.
93. Реизов, Б. Г. Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период первой империи / Б. Г. Реизов. – Санкт-Петербург : Издательство Ленинградского университета, 1962. – 253 с. – Текст : непосредственный.
94. Репина, Т. А. Романские языки в прошлом и настоящем : сборник статей к 80-ию профессора Т. А. Репиной. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 353 с. – Текст : непосредственный.
95. Реферовская, Е. А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики) / Е. А. Реферовская. – Санкт-Петербург : «Петербург – XXI век», 1996. – 176 с. – Текст : непосредственный.
96. Реферовская, Е. А. Истоки аналитизма романских языков / Е. А. Реферовская. – Москва ; Ленинград : Издательство «Наука», 1966. – 152 с. – Текст : непосредственный.

97. Ромашко, С. А. Лингвистическая концепция романтизма : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ромашко Сергей Александрович. – Москва, 1983. – 211 с. – Текст : непосредственный.
98. Ромашко, С.А. Поэтика и языкознание в теории немецкого романтизма / С.А. Ромашко // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1985. – №1. – С. 17–27. – Текст : непосредственный.
99. Рыжов, К. Все монархи мира: Западная Европа / К. Рыжков. – Москва : Вече, 2001. – 442 с. – Текст : непосредственный.
100. Попова, З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание : учебное пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 408 с. – Текст : непосредственный.
101. Савченко, С. В. Происхождение романских языков / С. В. Савченко // Киевские университетские известия. –1916. – № 4. – С. 5–8. – Текст : непосредственный.
102. Сен-Симон, К. Л. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. – 304 с. – Текст : непосредственный.
103. Сергиевский, М. В. Введение в романское языкознание / М. В. Сергиевский. – Москва : Издательство литература на иностранных языках, 1952. – 150 с. – Текст : непосредственный.
104. Стекольщикова, И. В. Влияние кантианской философии на научное мышление М. Мюллера / И. В. Стекольщикова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2016. – № 3. – С. 78–85. – Текст : непосредственный.
105. Сумарокова, П. А. Творчество Ф. Ж. М. Ренуара в контексте развития компаративистики / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 54–57. – Текст : непосредственный.

106. Сумарокова, П. А. Франсуа Жюст Мари Ренуар о происхождении романских языков / П. А. Сумарокова // Вестник Костромского государственного университета. – Том 23. – 2017. – № 1. – С. 196–198. – Текст : непосредственный.
107. Сумарокова, П. А. Франсуа Жюст Мари Ренуар о провансальском языке / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 2. – С. 62–65. – Текст : непосредственный.
108. Сумарокова, П. А. Влияние романтизма на лингвистические взгляды Ф. Ж. М. Ренуара / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 171–176. – Текст : непосредственный.
109. Сумарокова, П. А. Значение лингвистической концепции происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуара в романской филологии / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3. – С. 165–170. – Текст : непосредственный.
110. Сумарокова, П. А. Влияние лингвистических взглядов Ф. Ж. М. Ренуара на языкознание XIX века / П. А. Сумарокова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. Ч. I. – Екатеринбург, 2019. — С. 34–38. – Текст : непосредственный.
111. Сумарокова, П. А. Романтизм в лингвистических взглядах Ф. Ж. М. Ренуара / П. А. Сумарокова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. Ч. IV. – Екатеринбург, 2019. — С. 37–38. – Текст : непосредственный.
112. Тит Макций Плавт. Избранные комедии / под редакцией А. Бычкова : вступительная статья С. Ошерова. – Москва : Художественная литература, 1966. – 662 с.

113. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.
114. Токин, И. Ленин о Великой французской революции / И. Токин. – Москва : Партийное издательство, 1932. – 78 с. – Текст : непосредственный.
115. Томсен, В. История языковедения до конца XIX века: (краткий обзор основных моментов) / В. Томсен. – Москва : Учпедгиз, 1938. – 160 с. – Текст : непосредственный.
116. Томашпольский, В. И. Романское языкознание : учебное пособие для вузов [В 2 частях]. / В. И. Томашпольский. Часть 1. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 267 с. – Текст : непосредственный.
117. Томашпольский, В. И. Романское языкознание : учебное пособие для вузов [В 2 частях]. / В. И. Томашпольский. Часть 2. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 314 с. – Текст : непосредственный.
118. Тронский, И. М. Историческая грамматика латинского языка / И. М. Тронский. – Москва : Индрик, 2001. – 591 с. – Текст : непосредственный.
119. Тураев, С. В. История всемирной литературы [В 9-и томах] / С В. Тураев. Т. 5 – Москва : Издательство «Наука», 1988. – 784 с. – Текст : непосредственный.
120. Черняк, А. Б. От Юка Файдита до Косериу: очерки истории романской филологии / А. Б. Черняк. – Санкт-Петербург : Российская академия наук, 2018. – 260 с. – Текст : непосредственный.
121. Шарафутдинова, Н. С. Теория и история лингвистической науки : учебник / Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск : УлГТУ, 2012. – 346 с. – Текст : непосредственный.
122. Шулежкова, С. Г. История лингвистических учений : учебное пособие / С. Г. Шулежкова. – Москва : Издательство «Флинта» : издательство «Наука», 2008. – 408 с. – Текст : непосредственный.

123. Янковяк-Коник, Б. Великие династии мира. Бурбоны / Б. Янковяк-Коник. – Москва : Centro Editor Planeta DeA, S. A., 2012. – 96 с. – Текст : непосредственный.
124. De Vic, C. Histoire générale du Languedoc avec des notes et les pièces justificatives: en 5 vol. T. 1. / C. de Vic. – Toulouse: Edouard Privat Libraire-Éditeur, 1730. – 1594 p.
125. Fauchet, C. Recueil de l'origine de la langue et poésie française, Ryme et Romans. Plus les noms et sommaire des oeuvres de CXXVII poetes fracois, vivans avant l'an MCCC. – Paris: Mamert Patisson imprimeur du Roy, au logis de Robert Estienne, 1581. – 222 p.
126. Guiraud, A. F. M. J. Raynouard 1761–1836 / A. Guiraud. – Bonn: Carl Georgi, 1913. – 76 p.
127. Huet, P. D. Traité de l'origine des Romans / P. D. Huet. – Paris: N. L. M. Dssessarts, éditeur, imp.-lib., 1670. – 203 p.
128. Diez, F. Introduction à la grammaire des langues romanes; trad. de l'allemand par Gaston Paris / F. Diez. – Paris: Albert L. Hérold, 1863. – 163 p.
129. Diez, F. Grammaire des langues romanes: en 3 vol. T. 1 / F. Diez. – Paris: F. Vieweg, 1874. – 476 p.
130. Raynouard, F. J. M. Le roman de la rose, par Guillaume de Lorris et Jehan de Meung / F. J. M. Raynouard / Journal de savans: septembre – décembre 1816: premier cahier, depuis le rétablissement de ce Journal. – Paris: Imprimerie Royale, 1817. – p. 67–88.
131. Lühr, R. Claude Fauriel, précurseur des études indo-européennes en France. Claude Fauriel et l'Allemagne: idées pour une philologie des cultures / R. Lühr. – Paris, 2014. – P. 349–394.
132. Raynouard, F. J. M. Les Templiers, tragédie en cinq actes / F. J. M. Raynouard. – Paris, 1805. – 184 p.

133. Raynouard, F. J. M. Éléments de la grammaire de la langue romane avant l'an 1000, précédés de recherches sur origine et la formation de cette langue / F. J. M. Raynouard. – Paris: Firmin Didot, 1816. – 105 p.
134. Raynouard, F. J. M. Choix des poésies originales des troubadours: en 6 vol. T. 2. Des dissertations sur les troubadours, sur les cours d'amour, etc. / F. J. M. Raynouard. – Paris: Firmin Didot, 1817. – 319 p.
135. Raynouard, F. J. M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine, dans leurs rapports avec la langue des troubadours / F. J. M. Raynouard. – Paris: Firmin Didot, 1821. – 412 p.
136. Raynouard, F. J. M. Observations philologiques et grammaticales sur le «Roman de Rou» et sur quelques règles de la langue des trouvères au douzième siècle / F. J. M. Raynouard. – Rouen: Édouard Frère, 1829. – 140 p.
137. Raynouard, F. J. M. Influence de la langue romane rustique sur les langues de l'Europe latine / F. J. M. Raynouard. – Paris: Imprimerie de Crapelet, 1836. – 92 p.
138. Raynouard, F. J. M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours comparée avec les autres langues de l'Europe latine: précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours et d'extraits de poèmes divers: en 6 vol. T. 1. Recherches. Grammaire. Poésie / F. J. M. Raynouard. – Paris: Silvestre, 1844. – 583 p.
139. Raynouard, F. J. M. Observation sur la langue et la littérature provençales par A. W. de Schlegel / F. J. M. Raynouard // Journal de savans: janvier – décembre 1818. – Paris: Imprimerie Royale, 1818. – p. 586–593.
140. Reiffenberg, F. A. F. T. de. Notice sur François Juste-Marie Raynouard / F. A. F. T. Reiffenberg. – Bruxelles: M. Hayez, 1839. – 15 p.
141. Sainte-Beuve, C.-A. Causeries du lundi: en 15 vol. T. 5. / C.-A. Sainte-Beuve. – Paris: Garnier Frères, 1852. – 319 p.

142. Salvat, J. Discours sur Raynouard / J. Salvat. – Toulouse, 1936. – 27 p.
143. Schlegel, A.W. von. Observations sur la langue et littérature provençales / A. W. Schlegel. – Paris: Librairie grecquelatine-allemande, 1818. – 136 p.